

XXXIV.

Сказка о семи Симеонахъ родныхъ братьяхъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ мужикъ съ своей женою. Они были люди зажиточные и желали имѣть у себя дѣтей; но дѣтей у нихъ не было; такъ они и дожили до старости и стали просить Бога, чтобы Онъ послалъ имъ сына для подиоры въ ихъ старости.

Богъ услышалъ молитву ихъ, и родилось черезъ годъ у нихъ семь сыновей, которыхъ и назвали всѣхъ Симеонами. Они стали расти у нихъ, и старикъ со старухою любовались своими дѣточками и, проживши нѣсколько времени, номерди, и остались одни Симеоны сиротами; начали работать они въ полѣ; хотя имъ было по десяти лѣтъ, но они работали не хуже тридцатилѣтняго мужика.

Въ одно время, когда Симеоны работали на полѣ, случилось мимо поляѣхать царю Адору, который, увидѣвъ работающихъ на полѣ, приказалъ позвать всѣхъ къ себѣ, и когда тѣ были призваны, то царь

спросилъ ихъ имена и очень удивился, услышавъ, что всѣхъ ихъ зовутъ Симеонами и что они всѣ родные братья. Царь Адоръ приказалъ взять ихъ въ свой дворецъ; Симеоны тотчасъ были взяты и отправлены вслѣдъ за царемъ. Когда царь приѣхалъ въ свой великолѣпный дворецъ, то собралъ всѣхъ министровъ и другихъ людей, которые служили въ думѣ царской; когда всѣ собрались, то царь Адоръ сказалъ имъ:

— Господа мои министры, дайте мнѣ совѣтъ свой, что мнѣ дѣлать съ этими мальчиками. Они не имѣютъ ни отца ни матери и никакихъ другихъ родственниковъ; я хочу ихъ сдѣлать такими людьми, чтобы они послѣ меня благодарили, почему и требую у васъ совѣта: что въ какую науку отдать этихъ сиротъ?

Тогда царь Адоръ замолчалъ и ждалъ отвѣта своихъ министровъ.

Министры, посовѣтовавшись между сою, сказали царю Адору:

— Государь, какъ ужъ эти мальчики на возрастѣ и могутъ различить худое отъ хорошаго то пусть они сами выберутъ себѣ, въ какое они хотятъ быть отданы ученье.

Царь съ удовольствіемъ принялъ совѣтъ своихъ министровъ и, подозвавши къ себѣ старшаго Симеона, спросилъ его:

— Слушай, другъ мой: въ какую науку хочешь быть ты отданымъ?

Симеонъ, не думавши нимало, отвѣчалъ царю Адору:

— Ваше величество, я не желаю учиться ничему, а если бы вы приказали построить кузницу посреди дворца вашего величества, то сковалъ бы я вамъ столбъ вышиною до неба.

Царь Адоръ, видя, что Симеонъ хороший кузнецъ, сказалъ ему:

— Ты можешь оставаться при своемъ ремеслѣ,—и, обращаясь къ другому Симеону, спросить его:

— Ну, а ты, мой другъ, въ какое желаніе итти ученье?

Тогда Симеонъ отвѣчалъ царю Адору:

— Ваше величество, я не желаю итти въ ученье, а ежели братъ мой скуетъ столбъ до самаго неба, то я могу влѣзть по этому столбу на самый верхъ и увидать, что дѣлается въ тридесятъ царствѣ, и могу увидать, что дѣлается во всѣхъ государствахъ, и буду сказывать вамъ.

Симеонъ замолчалъ, а царь сказалъ ему:

— Ну, я тебя не отдамъ учиться, потому что ты и такъ уже ученый человѣкъ.

Потомъ царь спросилъ третьяго Симеона:

— Куда ты, другъ мой, и въ какое хочешь ити мастерство?

Тогда третій Симеонъ сказалъ царю:

— Ваше царское величество, не желаю я ничему учиться, а ежели мнѣ скучеть большої братъ топоръ, то я въ нѣсколько часовъ сдѣлаю корабль, который будетъ ходить и на водѣ и подъ водою.

Тогда царь сказалъ Симеону:

— Мнѣ, другъ мой, такие скорые корабельные работники надобны, и поэтому тебѣ учить ничему не нужно.

Потомъ царь спросилъ четвертаго Симеона:

— Ну, а ты, другъ мой, желаешь чему-нибудь учиться?

— Нѣть, ваше величество,—отвѣчалъ Симеонъ:—я учиться ничему не желаю, а ежели третій братъ мой сдѣлается вами корабль и будетъ онъ въ морѣ, то я могу опуститься съ нимъ подъ воду, если это будетъ нужно.

Царь удивился такому мудрецу и сказалъ:

— Тебѣ не къ чему учиться, потому что гдѣ бы ты не учился, и то не выучился бы такой мудрости: поэтому ты можешь остаться при своей учености.

Потомъ царь спросилъ пятаго Симеона:

— Ну, дружокъ, братья твои не бу-

дуть отданы ни въ какое ремесло учиться, потому что они и такъ уже лучше ученаго, а ты скажи мнѣ: умѣешь ли ты что нибудь дѣлать?

Тогда Симеонъ сказалъ царю:

— Ваше царское величество, если старшій братъ мой скучеть мнѣ ружье, то этимъ ружьемъ я могу убить на лету птицу, ежели она летить и за сто verstъ.

Симеонъ замолчалъ, а царь сказалъ ему:

— Ты хороший стрѣлокъ, и поэтому тебѣ учиться ничему не надобно.

Потомъ царь обратился къ шестому Симеону и спросилъ его:

— Ну, другъ мой, ты желаешь ли чему-нибудь учиться?

Тогда Симеонъ сказалъ въ отвѣтъ царю:

— А ежели мой братъ будетъ стрѣлять птицъ, то я ихъ могу на лету подхватывать, не допустивши до земли.

— Ну, Симеонъ, и ты хороший малый, когда можешь ловить на лету птицу, и поэтому тебѣ не для чего учиться.

Потомъ царь спросилъ послѣдняго Симеона:

— Ну, ты, другъ мой, что можешь дѣлать?

Тогда Симеонъ сказалъ царю:

— Ваше величество, я хотя не умѣю ничего дѣлать, но и не желаю ничему учиться,

а ежели вамъ будетъ угодно послатьъ меня въ Капемирское царство, то я достану тамъ для васъ Елену прекрасную, которую, вы давно желаете имѣть своею женою; только отпустите со мной и всѣхъ моихъ братьевъ.

Царь, подумавши немного, сказали Симеону:

— Я отпущу съ тобою твоихъ братьевъ, и ежели ты достанешь мнѣ Елену прекрасную, то я награжу тебя своею казною; а ежели ты не достанешь, то лучше не являйся мнѣ на глаза, а то я прикажу казнить тебя.

Симеонъ поклонился царю Адору и вышелъ вонъ; желѣзный столбъ быть давно уже готовъ, по которому второй Симеонъ влѣзъ до самой маковки столба и разсказывалъ, что дѣлается во всѣхъ государствахъ.

Послѣдній Симеонъ, принеши къ своимъ братьямъ, сказалъ имъ, что пора отправляться. Братья скоро собрались въ путь, запаслись сѣастными припасами и другими вещами, необходимыми для дорожныхъ людей, и отправились.

Вотъ они идутъ, разсуждаютъ кой-о-чемъ и приходятъ къ Сиену морю, чрезъ которое надоѣло имъ перѣѣхать; но перѣѣхать не на чёмъ. Тогда третій Симеонъ

вынуль изъ-за пояса топоръ, который сдѣлать ему старшій братъ, отыскаль дерево и не больше какъ черезъ два часа сдѣлать корабль, который быль оснащенъ и нагруженъ разнымъ товаромъ. Братья удивились такому чуду и вслѣдъ за третьимъ Симеономъ отправились на корабль, на которомъ и поплыли.

Младшій Симеонъ нашелъ на корабль кошку, которую и стала учить плясать и выдѣлывать разныя штуки; наконецъ, они прибыли въ то государство, въ которомъ была Елена прекрасная.

Они остановились у пристани, и младшій Симеонъ, взявиши свою кошку, вышелъ на берегъ и тотчасъ же отправился ко дворцу, передъ окнами котораго заставилъ плясать свою кошку. Кошка плясала и выдѣлывала разныя штуки; въ это время Елена прекрасная смотрѣла изъ окна и видѣла пляску кошки, которой она еще никогда не видала.

Она велѣла своимъ служанкамъ позвать Симеона во дворецъ; когда Симеонъ пришелъ туда, то царица спросила его:

— Послушай, другъ мой, такъ какъ у нась въ государствѣ иѣтъ такого звѣрька, который у тебя, то я желала бы имѣть его; продай мнѣ, пожалуйста, да скажи, какъ этотъ звѣрекъ называется.

Симеонъ поклонился царицѣ и сказалъ, что этотъ звѣрекъ называется кошкою; а ежели ей угодно его имѣть, то онъ подарить его ей.

Прекрасная Елена очень обрадовалась такому подарку и просила Симеона быть при дворцѣ, покуда кошка не привыкнетъ.

Симеонъ, поклонившись, сказалъ:

— Ваше величество, такъ какъ на моемъ кораблѣ нѣтъ такихъ людей, которымъ бы я могъ вѣбрить все, то я и долженъ быть самъ на кораблѣ, а ежели вамъ угодно будетъ, то я стану приходить къ вамъ и учить кошку.

Прекрасная Елена, подумавши немного, согласилась, и Симеонъ сталъ ходить во дворецъ каждый день.

Въ одно время, когда онъ былъ во дворцѣ, то сказалъ царицѣ:

— Ваше величество, не угодно ли вамъ будетъ пройтись на мой корабль? Тамъ вы увидите много рѣдкостей, которыхъ нѣтъ въ вашемъ государствѣ; я ихъ досталъ въ Индіи.

Царица, подумавши немного, изъявила желаніе быть на кораблѣ Симеона, и на другой день, взявиши съ собою нѣсколько прислужницъ, отправилась на корабль Симеона.

Младший Симеонъ встрѣтилъ царицу на пристани, и когда царица сказала єму, чтобы онъ показалъ рѣдкія веши, какъ онъ говорилъ, тогда Симеонъ сказалъ царицѣ:

— Ваше царское величество, войдите на мой корабль и тамъ вы все увидите; только осмѣлюсь еще сказать вамъ, чтобы прислужницы ваши остались на пристани и не входили на корабль, потому что у меня такія рѣдкости, которыхъ имъ нельзя видѣть.

Елена прекрасная, не подозрѣвая замысла Симеона, приказала дѣвицамъ, которыхъ ее провожали, остаться на пристани, а сама вошла на корабль.

Симеонъ, увидя царицу на кораблѣ одну, приказалъ тотчасъ поднимать паруса и обрубить канаты; все было сдѣлано въ одну минуту, и корабль на всѣхъ парусахъ полетѣлъ стрѣлою.

Царица, видя себя обманутою, тотчасъ превратилась въ лебедя и вспорхнула на воздухъ; но четвертый Симеонъ не дремалъ: онъ тотчасъ же выстрѣлилъ изъ ружья, и лебедь, заколебавшись на воздухѣ, готовъ былъ упасть въ море; но пятый Симеонъ, не допустивши ея до этого, схватилъ на воздухѣ и перенесъ на корабль, гдѣ она тотчасъ превратилась въ Елену прекрасную.

Все сдѣгалось благополучно, и братья плывутъ близъ своего царства, какъ вдругъ второй Симеонъ увидалъ съ мачты, что за ними ужасная погоня. Онъ тотчасъ слѣзъ съ мачты и объявилъ о несчастіи; братья перенугались и не знали что дѣлать, но шестой братъ бросился въ море, схватилъ корабль за носъ и съ нимъ нырнулъ въ воду и такимъ образомъ увелъ свой корабль отъ преслѣдованія и благополучно довелъ до своего царства.

Царь Адоръ, услышавши, что пришелъ корабль, приказалъ позвать къ себѣ Симеонъ, и когда тѣ явились, то царь спросилъ ихъ, достали ли они Елену прекрасную.

Тогда младшій Симеонъ отвѣчалъ царю:

— Ваше величество, мы привезли Елену прекрасную, и она теперь на кораблѣ.

Царь Адоръ тотчасъ же приказалъ подать карету и поѣхалъ къ кораблю. Когда царь пришелъ на корабль, то царица сказала ему:

— Царь Адоръ, когда ты умѣлъ перехитрить меня, то тебѣ владѣть мною.

Адоръ, услыша эти слова, былъ несказанно радъ и пригласилъ Елену прекрасную въ свой дворецъ. Царица тотчасъ согласилась и сѣла съ царемъ въ карету.

По приѣздѣ во дворецъ царь Адоръ

сдѣлать пиръ, который продолжался три дня; наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, царь пришелъ къ Еленѣ прекрасной и сказалъ ей, что такъ какъ она была согласна отдать ему руку, то онъ желаетъ, не откладывая, обѣщаться завтрашній день.

Елена прекрасная, выслушавъ слова царя, сказала ему въ отвѣтъ:

— Царь Адоръ, ежели ты хочешь имѣть меня своею женою, то прикажи достать изъ моего царства мою карету и лошадей; когда это все будетъ у меня, тогда я согласна буду идти подъ вѣнецъ.

Царь, выслушавъ до конца рѣчь царицы, расстылся съ нею и понесъ въ свой покой; придя туда, онъ тотчасъ же приказалъ позвать младшаго Симеона и объявилъ ему свою волю.

Симеонъ, выслушавши повелѣніе царя, отвѣчалъ ему:

— Ваше царское величество, повелѣніе ваше я исполню въ точности, только дайте мнѣ сроку на десять дней и лучшаго коня изъ вашей конюшни.

Царь тотчасъ же приказалъ Симеону идти выбирать себѣ коня и, давъ ему деньги на дорогу, назвалъ молодцомъ.

Симеонъ вышелъ изъ дворца, понеся

въ конюшни царскія, выбралъ себѣ лучшаго коня, простился съ братьями и отправился въ дорогу.

Долго ли, мало ли прошло времени въ дорогѣ, я не знаю обѣ этомъ. Наконецъ, Симеонъ пріѣхалъ въ царство Елены прекрасной и остановился въ домѣ одной старухи, ипереночевалъ у нея ночь и на другой день, накупивши разныхъ мелкихъ колецъ, серегъ, перстней, булавочекъ и прочихъ венцей, отправился торговатъ.

Придя на царскій дворъ, сталъ ихъ продавать кучерамъ и лакеямъ и продалъ весь свой товаръ; на другой день онъ опять пришелъ къ нимъ съ этимъ же товаромъ, и такъ Симеонъ ходилъ къ нимъ четыре дня; въ это время онъ успѣлъ коротко познакомиться и узнать, где та конюшня, въ которой находятся карета и лошади Елены прекрасной.

Наконецъ, на пятый день вечеромъ, онъ принесъ къ нимъ и принесъ съ собою вина. Тотчасъ же началась попойка, бутылка за бутылкою являлись на столъ, и чрезъ нѣсколько часовъ все лежали кто на полу, кто на скамейкѣ; только одинъ Симеонъ сидѣлъ за столомъ, и, видя своихъ собесѣдниковъ спящими, онъ тотчасъ же отправился шарить ихъ карманы и нашелъ

въ карманѣ конюха ключи отъ конюшни. Найдя ключи, Симеонъ тотчасъ же вышелъ на дворъ и, пришедши въ конюшню, открылъ ее ключемъ, вывелъ лошадей, запрегъ въ карету и поѣхалъ со двора. Когда онъ только выѣхалъ, то тотчасъ же пустилъ лошадей во всю ихъ мочь. Лошади взвились и полетѣли стрѣлою, и такимъ образомъ Симеонъ приѣхалъ въ свое царство благополучно, тотчасъ же явился во дворецъ и объявилъ царю Адору, что онъ исполнилъ въ точности его повелѣніе. Царь Адоръ благодарилъ Симеона и надѣлилъ его и братьевъ своею казною, отпустилъ отъ себя, а самъ на другой же день обвенчался съ Еленою прекрасною и сталъ жить счастливо.

(1851 г.)

XXXV.

Сказка о трехъ королевичахъ.

Въ некоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ король, и у этого короля было три сына: первый назывался Василій королевичъ, другой Феодоръ королевичъ, а третій Иванъ королевичъ. И какъ уже все три королевича были въ совершенномъ возрастѣ, а отецъ ихъ былъ въ весьма старыхъ лѣтахъ, то въ одинъ день призвалъ къ себѣ своихъ дѣтей и сталъ имъ говорить: „любезныя мои дѣти, вы видите, что я весьма старъ, то любя меня сдѣлайте удовольствіе. Я слышалъ, что есть за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ въ Подсолнечномъ государствѣ живая и мертвая вода, при томъ же есть въ саду яблоня, на которой растутъ такія яблоки, отъ которыхъ можно и старому сдѣлаться молодымъ. Дѣти, выслушавъ отъ отца своего такую просьбу, стали думать, кому изъ нихъ преждеѣхать. Тогда старшій братъ, который назывался Василій королевичъ, говорилъ своему отцу: милостивый государь,

батюшка, позвольте мнѣ прежде начать сіе путешествіе. Отецъ позволилъ ему сіе съ великою радостію. Постѣ чего приказалъ осѣдлать себѣ королевичъ лучшаго коня и взялъ съ собою довольноное число денегъ и на другой день отправился въ путь. И ѿхавши долгое время путемъ дорогою, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Наконецъ примѣтъ, что дорога та кончилась, по которой онъ ѿхалъ, а въ правой сторонѣ увидалъ маленькую тропинку, то принужденъ быть по ней ѿхать: ѿхавши долгое время, не видаль ни одного человѣка, у котораго бы могъ спросить про то государство, въ которое онъ ѿхалъ. Наконецъ, увидѣвъ впереди себя такія горы, пропасти и лѣса непроходимые, что весьма изумился и не зналъ что дѣлать: ѿхать ли ему далѣе, или возвратиться назадъ, и какъ опасался болѣе того, чтобы не потерять дороги, то и рѣшился ѿхать назадъ къ своему отцу и сказать, что нѣтъ такого государства нигдѣ. Въ сихъ мысляхъ возвратился въ свое государство и прїехалъ во дворецъ къ своему родителю; и какъ скоро услышалъ король о возвращеніи своего старшаго сына, то, забывъ свою старость, встрѣтилъ его въ комнатахъ съ великою радостію, и думалъ, что

уже вѣрно привезъ онъ все то, зачѣмъ онъ
ѣздилъ; но сынъ его подошелъ и сказаъ: ми-
лостивый государь мой, батюшка! Жиз-
ния не принесетъ вамъ никакого удоволь-
ствія, потому что хотя я и прилагалъ край-
нее стараніе, чтобы найти то государство,
въ которомъ находится живая вода и мертв-
ая, и моложавыя яблоки; но однако нигдѣ
найти не могъ. Король услыша такую
печальную для себя вѣсть, погрузился въ
отчаяніе и не выходилъ изъ своихъ комнатъ,
что видя другой сынъ, который назывался
Ѳеодоромъ, вздумалъ попробовать своего
счастія, и принесши къ своему отцу, сказа-
лъ: милостивый государь мой, батюшка!
позвольте мнѣ сѣзди въ тотъ же путь,
кудаѣздилъ старій мой братъ; можетъ
быть я буду счастливѣе его и привезу вамъ
то, чего вы столь нетерпѣливо желаете.
Король, видя усердность своего сына, съ ве-
ликою радостію позволилъ емуѣхать, и какъ-
скоро королевичъ вышелъ изъ покоявъ
своего отца, то и приказалъ, осѣдлать себѣ
лучшаго коня, и взявъ съ собою довольно
денегъ, поѣхалъ вонъ изъ государства; но
по случаю наѣхалъ на ту же дорогу, по
которойѣздилъ братъ его; слѣдовательно
и прїѣхалъ къ тѣмъ же опасностямъ; но
какъ и онъ опасался, чтобы не потерять

дороги, то возвратился обратно въ свое государство и увѣрилъ своего отца, что подлинно нѣть такого государства. Король, услыша отъ другого сына своего такую печальную вѣсть, отдался совсѣмъ отчаянію, и не выходилъ изъ своихъ покоеvъ. Подданные, видя короля своего столь печального, весьма сожалѣли, а меньшой сынъ его, Иванъ королевичъ, принималъ участіе въ отцовской печали. Наконецъ, побуждаемъ будучи усердностю къ своему отцу, вознамѣрилсяѣхать въ тотъ же путь, кудаѣздили его братья; въ семъ намѣреніи пошелъ къ своему отцу, и началъ говорить: милостивый государь мой батюнка, позвольте мнѣ съѣздить и увѣриться, что подлинно ли нѣть государства такого, какъ увѣряютъ васъ мои братья. Король видя любезнаго своего сына, толико принимающаго участіе въ его печали, говорилъ ему: любезнѣйший мой сынъ, ты еще младъ, и не можешь снести такого труднаго пути; но будучи убѣжденъ неотступною просьбою своего сына, наконецъ отпустилъ его, и Иванъ королевичъ какъ скоро получилъ себѣ отъ отца своего позволеніе, то и приказалъ осѣдлать себѣ добраго коня, и взявъ съ собою довольноное число денегъ, отправился въ путь. Но онъ совсѣмъ поѣхалъ не по той дорогѣ, по ко-

торой ъхали его братья, и такимъ образомъ ъхалъ онъ, долго ли, коротко ли, близко ли-далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается; наконецъ пріѣхалъ онъ въ иѣкоторую весьма чистую и ровную долину. Посрединѣ той долины увидѣть онъ избушку на курьихъ ножкахъ, сама повертывается; то какъ онъ подъѣхалъ къ этой избушкѣ, и сказалъ: избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ, послѣ сихъ словъ избушка остановилась, а Иванъ королевичъ слѣзъ съ своего коня и привязалъ его, а самъ взошелъ въ эту избушку, и увидалъ въ ней сидящую бабу-Ягу, спрашивающую у него сердитымъ голосомъ: доселѣва Русскаго духу слухомъ не слыхивано и видомъ не видывано, а如今а Русскій духъ въ очахъ проявляется. Что ты водею или неволею? Иванъ королевичъ отвѣчалъ; что сколько неволею, а вдвѣс того свдею охотою; потомъ рассказалъ ей, куда онъ ъхалъ: и какъ скоро услышала баба-Яга отъ него, то сказала ему: жаль, что я не могу тебѣ сказать, однако побудь здѣсь до завтрашняго дня, а завтрашній день я перемѣню твоего коня, ибо онъ очень усталъ. Итакъ онъ препроводилъ весь день у нея; а на другой день какъ скоро Иванъ королевичъ всталъ, баба-Яга

повела его въ свою конюшню и показала ему коня, велѣла его осѣдлать, и сказала: поѣзжай королевичъ прямо, тамъ увидишь ты такую же избушку, какъ и моя, въ ней живеть сестра моя, и ты скажи ей, что я тебя къ ней послала: и ежели она знаетъ, то вѣрно скажеть, какъ тебѣ получить живую воду и мертвую, а въ благодарность миѣ ты, королевичъ, какъ получишь и поѣденіе обратно назадъ, то отдай миѣ въ цѣлости моего коня. Иванъ королевичъ обѣщался все исполнить, и благодаря ее за наставленіе поѣхать въ путь, и Жхавинъ долгое время, наконецъ прїѣхалъ онъ, какъ ему сказывала баба-Яга, къ той же избушкѣ, которая также повертывалась; а Иванъ королевичъ сказалъ тѣ же слова: избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а ко миѣ передомъ—избушка остановилась. Иванъ королевичъ слѣзъ съ своего коня и привязалъ его, а самъ взошелъ въ избушку, и въ ней увидѣть такую же бабу-Ягу, которая спросила у него: что ты королевичъ волею или неволею и зачѣмъ Ждешь? Иванъ королевичъ отвѣчалъ, что сколько неволею, а въ двое того своею охотою, и сказать ей, куда и за чѣмъ онъ Ждетъ, пригомъ сказалъ, что сестра ея прислала къ ней, и просила чтобы дала ему наставленія, какъ достать то, за-

чѣмъ онъ Ѳхалъ, Баба яга выслушавъ, сказала ему: жаль мнѣ королевичъ, что я тебя не могу увѣдомить: однако останься ты у меня до завтрашняго дня; я тебѣ дамъ нѣкоторое наставлениѣ, а притомъ и перемѣню твоего коня. И такъ королевичъ пробылъ весь день тотъ у бабы-Яги, а на другой день, какъ скоро Иванъ королевичъ всталъ, то баба-Яга повела его въ конюшню, показала ему коня, и приказала ему осѣдлать, а послѣ сказала: поѣзжай ты прямо по этой дорогѣ, тамъ увидишь ты такую же избушку, какъ и моя, въ ней живетъ сестра наша, и ты скажи ей, что я тебя послала, и она вѣрно тебѣ скажетъ о томъ, что ты ищешь, притомъ же приказывала ему, чтобы онъ, когда поѣдетъ назадъ, то чтобы привелья коня въ цѣлости. Королевичъ обѣщался сіе исполнить и, поблагодаря ее за наставлениѣ, поѣхалъ въ путь свой и Ѳхалъ долгое время. Наконецъ увидѣлъ онъ такую же избушку, стоящую на куриныхъ ножкахъ, сама повертывается. Королевичъ проговорилъ такія жъ слова, какъ и прежде, и избушка остановилась, а королевичъ слѣзъ съ своего коня и взошелъ въ избушку, въ которой увидѣлъ сидящую бабу-Ягу, и спрашивающую у него весьма сердитымъ голосомъ: доселѣва Русскаго духа слухомъ

не слыхивано, и видомъ не видывано, а нонче Русскій духъ въ очахъ проявляется, что ты Королевичъ, волею или неволею? Тотчасъ отвѣтствовалъ Иванъ королевичъ, что сколько неволею, но вдвое того своею охотою; потомъ рассказалъ ей за чѣмъ онъ єдетъ, и что прислали сестры ея къ ней, чтобъ она дала ему наставлѣнія. Баба-Яга, выслушавъ отъ королевича все то, перемѣня свой сердитый видъ на ласковый, сказала ему, что она съ великою охотою о всемъ его увѣдомитъ; только просила чтобъ онъ препроводилъ весь тотъ день у нея. Королевичъ принужденъ быть на сіе согласиться, а на другой день повела его баба-Яга въ свою конюшню и сказала: вотъ тебѣ конь, поѣзжай на немъ, своего оставь у меня; потомъ сказала ему, что дорога сія проведетъ прямо къ тому государству, въ которомъ есть живая и мертвая вода, также и моложавыя яблоки, и тебѣ никакъ болѣе нельзя проѣхать, какъ ночью; то и надобно, чтобъ ты перескочилъ прямо чрезъ городскую стѣну, хотя она и покажется тебѣ очень высока; но однако конь этотъ перескочить; и какъ скоро ты будешь въ городѣ, то поѣзжай прямо къ садовымъ воротамъ, и въ саду увидишь ты ту яблоню, на которой растутъ моложавыя яблоки, и подѣлъ

этой яблони увидишь ты два колодца, въ которыхъ живая и мертвая вода; и когда ты все это получишь, то не медли возвратиться изъ саду, и какъ поѣдешь опять черезъ городскую стѣну, то какъ можно берегись, чтобъ конь твой не заѣпилъ ни за одну струну, которая приведены къ той стѣнѣ. Ибо какъ скоро ты хотя за одну тронешься, то во всемъ городѣ сдѣлается колокольный звонъ и барабанный бой, пушечная пальба и веретенная стрѣльба, отъ сего и встревожится весь городъ, и тогда уже нельзя ни какъ тебѣ будетъ уѣхать. Королевичъ, благодаря ее за наставленія, обѣщался все исполнить и поѣхалъ въ путь; иѣхалъ долгое время, наконецъ прїѣхалъ въ ночь къ тому государству. И такъ, не останавливаясь перескочилъ чрезъ городскую стѣну, и поѣхалъ прямо въ садъ, и прїѣхавши къ садовымъ воротамъ, увидѣлъ столбъ въ которомъ ввернуто было два кольца: одно золотое, а другое серебрянное; а онъ не зналъ къ которому кольцу привязать своего коня; однако продѣлъ узду въ оба кольца: а самъ пошелъ въ садъ. Ему не трудно было сыскать ту яблоню, на которой росли моложавыя яблоки, потому что она отличалась отъ всѣхъ своими яблонками, и какъ скоро нашелъ онъ ту яблоню,

то нарвалъ довольно яблоковъ; увидѣлъ тѣ колодцы, въ которыхъ была живая вода и мертвая, тогда, наливъ въ стклянки той воды, пошель вонъ изъ сада, и пришелъ къ тому столбу гдѣ привязанъ былъ его конь. Иванъ королевичъ, отвязавъ своего коня, поѣхалъ изъ города, и какъ сталъ перескаивать городскую стѣну, то никакъ не могъ убѣречься, чтобъ конь его не зацѣпилъ за тѣ струны, которыя протянуты были къ стѣнѣ, отъ чего и сдѣлался въ городѣ колокольный звонъ, барабанный бой, пушечная пальба и веретенная стрѣльба; и какъ скоро услышали въ городѣ, то всѣ встревожились, почему и догадалась Царь-Дѣвица, что хрянящіяся въ саду ея драгоцѣнности похищены; тотчасъ приказала осѣдлать своего коня; а какъ скоро осѣдлали и привѣли, то Царь-Дѣвица не медля погналась за королевичемъ; а онъ въ то время былъ уже у первой Бабы-Яги, которой рассказалъ, какимъ образомъ онъ досталь все то за чѣмъ ѿхалъ; и какъ скоро сказала, что онъ, ѿхавши назадъ, зацѣпилъ за тѣ означенныя струны, то Баба-Яга не медливши вывела ему того коня, на которомъ онъ прежде къ ней прїѣхалъ, и сказала: поѣзжай королевичъ, какъ можно скорѣе, потому что Царь-Дѣвица сама за тобой въ погонь ѿдетъ, послѣ чего Иванъ королевичъ

поскакалъ къ другой бабѣ Ягѣ; а Царь-Дѣвица вскорѣ послѣ его приѣхала къ первой, у которой Иванъ королевичъ перемѣнялъ своего коня; спрашивала у нея: не видала ли какого проѣзжающаго или проходящаго человѣка? На что баба Яга отвѣчала, что не видала; при томъ спросила ея учтиво, чтобы отъ такого дальняго и труднаго пути успокоилась, такъ же увѣряла Царь-дѣвицу, что вѣрно она догонить. Царевна склонилась на ся просьбу, и препроводила весь тотъ день; а на другой день поѣхала опять за королевичемъ въ погоню; а онъ былъ уже у другой бабы Яги, у которой перемѣнялъ своего коня, поѣхалъ весьма поспѣшино къ третіей; а Царь-Дѣвица приѣхала къ другой бабѣ-Ягѣ, и спрашивала, что не видала ли она кого проѣзжающаго; на что баба Яга отвѣчала ей, что никого не видала и просила ея также съ учтивостью чтобы отъ такого пути успокоилась. Царевна, склоняясь на ся просьбу, отдыхала весь тотъ день у нея, а на другой день поѣхала за королевичемъ; но какъ Иванъ королевичъ не имѣлъ отдохновенія, то уже былъ у послѣдней бабы Яги, у которой перемѣнилъ коня; и, поблагодаря ея за вспомоществованіе, поѣхалъ поспѣшино въ свое государство. А какъ приѣхала послѣ сего Царь-дѣвица къ третьей

бабѣ-Ягѣ и спрашивала о немъ, то она сказала, что никого не видала, и просила ся съ учтивостью, чтобы успокоилась отъ такого пути. Царь-Дѣвица склонясь на ся просьбу, препроводила весь день; а на другой день поѣхала опять въ погоню, но однако уже королевичъ былъ близъ своего государства. И какъ прїѣхалъ на свою гравницу, то Царь-Дѣвица остановясь сказала: счастливъ ты, королевичъ, что не поиаль въ мои руки; однако будь увѣренъ, что я къ тебѣ въ гости буду. Королевичъ услыша сіе, разсмѣялся, и думалъ самъ въ себѣ: когда ужъ не умѣла меня въ своемъ государствѣ лѣбить, а теперь я и не думаю. Послѣ сего королевичъ поѣхалъ уже тише, безъ опасенія; а Царь-Дѣвица поѣхала обратно въ свое государство. Иванъ королевичъ какъ скоро прїѣхалъ въ городъ, то король отецъ его, услышавъ о прїѣздѣ своего сына, весьма обрадовался, забыль всю старость, встрѣтилъ его съ великою радостію; а еще болыше обрадовался, какъ услышалъ, что Иванъ королевичъ привезъ все то, чего онъ столь нетерпѣливо желалъ. Королевичъ вынулъ изъ кармана двѣ стеклянки, въ которыхъ была живая и мертвая вода, и сказалъ: прими, милостивый государь батюшка, сіи драгоценныя воды. Потомъ

приказалъ подать блюдо, на которое положить моложавыя яблоки, и подать своему отцу; король, принявъ отъ своего сына такія драгоцѣнности, обнявъ его съ вели-
кимъ восхищеніемъ и радостю, потомъ го-
ворилъ ему: любезнѣйший мой сынъ! теперь
я долженъ тебѣ мою жизнью, и въ благо-
дарность мою отдаю тебѣ мое королевство.
Послѣ сего король сѣѣть нѣсколько ябло-
ковъ и примѣтилъ, что онъ сѣѣлся помо-
ложе. На другой день для такой радости
сѣѣлая король великий банкетъ, который и
продолжался нѣсколько дней; постѣ сего
жилъ благополучно долгое время, а Иванъ
королевичъ и не думать о той Царевнѣ,
какъ въ одинъ день у короля во дворцѣ
было великое торжество, и всѣ были на
ономъ троє его дѣтей, то нечаянно король
взглянуль въ окошко, и увидѣть въ заповѣд-
номъ своемъ лугу раскинутую палатку;
тотчасъ оборотясь къ своимъ министрамъ,
спросилъ: кто бы таковъ столь дерзокъ,
быть, чтобъ осмѣлился раскинуть свою
палатку въ моемъ заповѣдномъ лугу, но
какъ всѣ сказали королю, что не знаютъ,
то послать своего министра освѣдомиться,
кто таковъ пріѣхалъ. Посланный отъ короля
поехалъ въ заповѣданные луга, и какъ скоро
подѣхалъ къ палаткѣ, сошелъ съ коня и

снять шляпу, подошелъ къ палаткѣ увидѣть сидящую отмѣнной красоты дѣвицу. Министръ учтивымъ образомъ сказасть: милостивая государыня, здѣшняго государства король желаетъ узнать, кто вы таковы и зачѣмъ прѣѣхали? Царь-Дѣвица (ибо это она была) сказала министру, что король постѣ узнать, кто она есть, и что она прѣѣхала за тѣмъ, чтобы король выдать изъ сыновей своихъ виноватаго; ежели выдастъ виноватаго, то отойдетъ она отъ города и оставитъ короля въ спокойствіи, а ежели не выдастъ, то весь ванъ градъ до основанія разорить. Посланный министръ возвратился обратно во дворецъ и представилъ предъ короля, объявилъ ему все сказанное Царь-Дѣвицею и какъ скоро услышалъ король отъ министра, то весьма ошеломился, да и веселье все пересѣклось, потому король обратясь къ старшему своему сыну Василию королевичу, говорилъ: поѣзжай, сынъ, и оправдайся, не ты ли виноватый. Королевичъ принужденъ былъѣхать и не медля отиралися къ Царь-Дѣвицѣ, и какъ скоро подѣѣхалъ къ палаткѣ слѣзъ съ своего коня и, подошедъ къ ней, учтивымъ образомъ сказасть: милостивая государыня, король, мой отецъ, прислали меня къ вамъ съ тѣмъ, что не я ли виноватый, котораго вы требуете;

на что Царь-Дѣвица сказала королевичу, что не онъ и ѿхать бы спокойно, а приедаль бы виноватаго. Королевичъ съ радостю поѣхать, что онъ не виноватъ, и какъ пріѣхалъ во дворецъ, то разскказать все сказанное Царь-Дѣвицею. Король приказалъ Феодору королевичу ѿхать; чтобъ и онъ ѿздѣлъ, то не его ли требуютъ. Федоръ королевичъ принужденъ былъ ѿхать, и немедленно отпраffился къ Царь-Дѣвицѣ, которая также и ему сказала, что не онъ виноватый; и какъ скоро королевичъ услышалъ, то поѣхать съ радостю во дворецъ гдѣ и сказали королю своему отцу, что не его требуютъ. Тогда догадался менышой сынъ Иванъ королевичъ, что пріѣхала Царь-Дѣвица и что требуетъ его, то, подошедъ къ своему отцу, говорилъ: милостивый государь мой батюшка, я признаюсь вамъ, что меня требуетъ, ибо я виноватый; только прикажите сдѣлать мостъ отъ нашего дворца до той палатки и—чтобъ обить весь тотъ мостъ золотою парчею. Король, любя своего сына, приказалъ сие сдѣлать и какъ мостъ совсѣмъ постѣль, то Иванъ королевичъ приказалъ собрать тридцать человѣкъ ярыжныхъ, которымъ приказалъ чтобъ, какъ выйдетъ онъ изъ дворца и вступить на мостъ, все вдругъ запѣли пѣсню, и позади

его всю бы нарчу рвали и дѣлили по себѣ, а напередъ бы не выскакивали. Постѣ чего вынѣть королевичъ изъ дворца, и ионетъ по мосту, то ись ярыжные занѣли пѣсню, и зачали рвать нарчу и дѣлить по себѣ, а Царь-Дѣвица смотрѣла, и какъ иришель въ палатку и сказаль ей: милостивая государыня, я иришель къ вамъ тотъ виноватый, котораго вы требуете. Царь-Дѣвица сказала ему: когда ты виноватъ, то что мнѣ съ тобою дѣлать? Королевичъ ей сказаль: что вамъ угодно; потомъ Царь-Дѣвица ему сказала: когда ты быашъ столь хитръ, что иохитилъ мои драгоцѣнности, которыя съ великимъ раченіемъ я хранила, то я желаю быти твою женою, ежели не противно. Королевичъ услыша сіе весьма обрадовался. Постѣ чего Царь-Дѣвица подала ему свою руку, и они въ провожаніи ярыжныхъ ионили во дворецъ, где и встрѣтили ихъ самъ король; Царь-Дѣвица подонила къ нему и съ учтивостью сказала: милостивый Государь, я пріѣхала не съ тѣмъ чтобы нарушить ваше веселье, но чтобы умножить оно. Потомъ рассказала королю, что съ тѣмъ она иамѣреніемъ пріѣхала, чтобы выдти замужъ за Ивана королевича. Король, услыша сіе, весьма обрадовался, и приказалъ изготавить брачную церемонію и какъ

скоро все было готово, то къ великой радости своихъ подданныхъ женился Иванъ королевичъ на Царь-Цѣвицѣ. Король для такой радости сдѣлать великое торжество, а для простаго народа выставлены были съ разными винами чаны, и такъ празднуемо было всѣми сїе бракосочетаніе цѣлую недѣлю. Потомъ Царь-Цѣвица говорила Ивану королевичу: любезный супругъ, ты видишь, что у короля, отца твоего, есть и кромѣ тебя настѣнниковъ двора: то пойдемъ въ мое государство, тамъ я тебѣ вручу его въ полное владѣніе. Королевичъ послѣ своего бракосочетанія жить у короля, отца своего, нечестъя нечестивъ, а потомъ стать просить, чтобъ его уволили въ женино государство. Король, хотя съ великимъ сожалѣніемъ, однако его отпустить, послѣ чего Иванъ королевичъ отправился съ своею супругою въ ся государство, где по прибытии сдѣлался королемъ, потомъ учинилъ великое торжество для всѣхъ подданныхъ, послѣ чего жили благополучно.

(1858 г.)

XXXVI.

Сказка о Иванѣ богатырѣ и его прекрасной супругѣ
Свѣтланѣ.

быть и вкоторомъ царствѣ, не въ
нашемъ государствѣ— жиль—
быть бояринъ Добромыслъ.
Семейство боярина не то, чтобы
мало было, не то, чтобы и велико:
всего только въ женѣ, да
въ трехъ сыновьяхъ заключа-
чалось. Подростать стали дѣти боярскія,
научились грамотѣ, разнымы хитростямъ
нѣмецкимъ и сдѣлались такими разумными,
что отецъ ихъ чуть не прыгалъ отъ радости,
а ужъ матушка-то и подавно. Подошло,
наконецъ, время женить ихъ. Добромыслъ
думать, думать, да и придумала. Онь при-
звалъ къ себѣ всѣхъ сыновей своихъ и ска-
зала имъ:

— Любезныя дѣти! Теперь вы пришли въ
совершенній возрастъ, силы ваши окрѣпли,
и ужъ вамъ пора подумать о невѣстахъ...

— Родимый, дорогой напиць батюшка!
отвѣчали они отцу, низко кланяясь. Мы изъ
твоей власти не выходимъ; что повелѣши
намъ, то и будемъ дѣлать.

— Ну, такъ слушайте-жъ, любезныя дѣти! Возьмите каждый по каленой стрѣлѣ, сдѣлайте на нихъ надписи и пустите ихъ въ разныя стороны. Чья стрѣла въ который городъ и въ чей домъ прилетитъ, то тамъ и невѣста его.

Дѣти, выслушавъ отца, взяли каждый по стрѣлѣ, сдѣлали надписи и вышли въ заповѣдные луга. Прежде всѣхъ пустили стрѣлу старшій братъ въ правую сторону, потомъ средній въ лѣвую и, наконецъ, мѣньшій, котораго звали Иванъ-Богатырь, пустили свою стрѣлу прямо. Постѣ этого пошли всѣ они къ отцу своему и рассказали ему, въ которую сторону каждый пустилъ стрѣлу. Отецъ, выслушавъ ихъ, приказалъ имъ идти отыскивать свои стрѣлы, и дѣти разошлись въ разныя стороны.

Старшій братъ нашелъ стрѣлу свою въ домѣ одного знатнаго вельможи, у котораго была дочь-красавица. Онь взялъ его и повелъ къ своему отцу. Стрѣла средняго брата попала также въ домъ одного знатнаго боярина, у котораго тоже была дочь недурная собой, и этотъ также взялъ ее и повелъ къ своему отцу. Добромыслъ принялъ ихъ и избранныхъ ими невѣстъ очень ласково и съ большимъ торжествомъ отираздновать ихъ свадьбы.

Не находилъ только стрѣлы своей меньшой братъ, Иванъ-Богатырь, и былъ отъ того чрезвычайно печаленъ; однако-же, онъ не терялъ надежды и рѣшился не возвращаться къ отцу до тѣхъ поръ, пока не найдеть се. И вотъ цѣлыхъ два дня ходилъ онъ по лѣсамъ и горамъ, а стрѣлы все иѣтъ какъ иѣтъ. Прошелъ еще день. Иванъ-Богатырь очутился въ болотѣ, стать вязнуть и не зналъ, что дѣлать ему въ такой опасности. Но вдругъ, къ величайшему удивленію своему, онъ увидалъ небольшую избушку, которая стояла уединенно.

«Тутъ вѣрно какой-нибудь пустынникъ», подумалъ Иванъ-Богатырь и, чтобы удостовѣриться въ своей догадкѣ, онъ началъ тихонько подходить къ той избушкѣ. Вотъ, наконецъ, онъ подошелъ къ ней, вошелъ въ нее и едва вѣрить глазамъ своимъ: въ избушкѣ сидѣла дряхлая старушка и вертѣла въ рукахъ стрѣлу.

— Что за чудо! прошепталъ про себя Иванъ-Богатырь и учтиво поклонился загадочной обитательнице.

— Здравствуй, бабушка! сказала онъ ей привѣтливо.

— Добро пожаловать, дорогой гость! отвѣчала старуха, Ты, Иванушка, конечно, искать стрѣлы, которую ты пустилъ на произволъ

судьбы. Такъ вотъ судьба-то тебя и привела ко мнѣ. Что дѣлать-то? Ей мы всѣ должны повиноваться. Знаешь пословицу: «не давни слова—крѣнись, а давни его—держись»; такъ долженъ поступать каждый честный человѣкъ; надѣюсь, такъ поступишь и ты. А чтобы тебѣ не скучно показалось у меня, то постой, я кое что сдѣлаю.

Проговоривъ эти слова, старуха взяла со стѣны какой-то прутикъ, ударила имъ объ полъ, и въ одно мгновеніе небольшая избушка превратилась въ великолѣпную бесѣдку. Иванъ-Богатырь былъ виѣ себѣ отъ удивленія.

— Ну, вотъ тебѣ и приличное мѣсто, заговорила старуха. Садись-ка, Иванушка, на софу, да закуси на доброе здоровье: ты, я думаю, очень проголодался.

И, не дождавшись отвѣта, старуха топнула ногою. Вдругъ, богато одѣтые слуги внесли большою столъ, уставленный серебрянною посудой и превосходными напитками; вслѣдъ затѣмъ начали поперемѣнно подавать роскошныя кушанья.

Старуха сказала Ивану-Богатырю:

— Ну, Иванушка, прошу покорно откупить моего хлѣба-соли; да, пожалуйста, не церемонься, а будь какъ у себя дома.

Иванъ-Богатырь не заставилъ долго

себя упрашивать и принялся усердно опораживать блюда; наконецъ, наѣвшиесь до сытага, онъ всталъ изъ за стола и поблагодарилъ старуху.

— Ну, бабуинка, сказатъ онъ, я тебѣ очень благодаренъ и гостепріимства твоего, повѣрь, во всю жизнь не забуду. Позволь же мнѣ взять стрѣлу мою и проститься съ тобою.

— Иѣтъ, возразила старуха. Стрѣлы своей ты взять у меня не можешь: ты, помнишь, пустилъ ее съ тѣмъ намѣреніемъ, что въ какой домъ попадешь она, тамъ и должнасть ты взять себѣ жену, а потому по всѣмъ правамъ я должна бѣть твоей женой.

Ивана-Богатыря покоробило.

— Я тебя не понимаю, старуха, сказалъ онъ. Ты или шутнишь, или смеешся надо мною. Ну, ты только разсуди хорошенько: могу-ли я бѣть твоимъ мужемъ? Тебѣ лѣтъ-то сколько? Вѣдь слишкомъ сто, а мнѣ—съ небольшимъ двадцать.

— Все это такъ, отвѣчала старуха; однакоже, если ты не женинись на мнѣ, то никогда не выдешь изъ этого болота.

Что было дѣлать Ивану-Богатырю? Старуху обмануть трудно: однакоже, онъ пустился на хитрость.

— Ну, хорошо, старуха, сказалъ онъ ей

ласково. Если ужь судьба назначила мнѣ быть твоимъ мужемъ—я буду, но только отдай мнѣ стрѣлу; я отнесу ее къ отцу моему и скажу, что она попала къ тебѣ.

— Помлю хитрить-то, Иванъ-Богатырь! замѣтила старуха. Меня не проведешь, и я тебѣ опять повторяю: если не женишься на мнѣ, то хоть весь вѣкъ свой сиди въ этой бесѣдѣ: никогда не выдени изъ болота.

Иванъ-Богатырь весь побагровѣлъ отъ досады. «Вотъ пристала-то, окаянная, думаетъ про себя, никакъ и не отвѣжешься! Инь, вѣдь, чего захотѣла, старая корга... замужъ!.. Ну, какъ я женюсь на ней?.. Какъ покажусь съ ней къ отцу? Засмѣютъ—рѣшительно все засмѣютъ».

— Ну, бабушка, заговорилъ онъ, наконецъ, обращаясь къ старухѣ, ты задала мнѣ премудрую задачу. Позволь хоть денька два, или три подумать.

— Изволь, Иванушка, отвѣчала старуха, я согласна. Но только, слушай, говорю впредъ: по твоему не сбудется, и ты все таки долженъ будешь на мнѣ жениться... Прощай, желаю тебѣ поскорѣй образумиться.

Старуха вышла. Иванъ-Богатырь посмотрѣлъ ей вслѣдъ; когда она совсѣмъ скрылась, онъ отворилъ дверь бесѣдки и пошелъ искать, нѣтъ-ли гдѣ тропинки, кото-

рая вывела бы его изъ этого мѣста... Передъ нимъ даже изчезла бесѣдка, изъ которой онъ вышелъ, а между тѣмъ болото становилось все болѣе и болѣе вязкимъ, и онъ въ одномъ мѣстѣ чуть было не увязъ по поясъ... Видѣть Иванъ-Богатырь, что дѣло плохо, что нужно покориться судьбѣ, и вотъ онъ началь разсуждать самъ съ собой:

— А старуха-то правду сказала: никакъ не могу выбраться изъ этого проклятаго болота... Что-же остается мнѣ дѣлать? Не погибать-же, въ самомъ дѣлѣ, тутъ, въ глупинѣ?.. Рѣшено, жениюсь на бабушкѣ. Нусть всѣ смыются: устанутъ и перестанутъ.

Едва проговорилъ онъ эти слова, какъ въ ту же минуту снова очутился въ бесѣдкѣ и къ его услугамъ опять явился столь съ роскошными кушаньями, фруктами и винами.

Старуха съ улыбкой привѣтствовала Ивана-Богатыря и сказала ему:

— Покорно прошу, любезный гость, присядь, да закуси хорошенько. Чай, послѣ прогулки по болоту проголодался? Видишь, какъ я забочусь о тебѣ и какъ стараюсь угодждать твоимъ желаніямъ... Ну, теперь повѣриши-ли, что я люблю тебя?

— Вѣрю, вѣрю! проговорилъ сквозь зубы Иванъ-Богатырь въ отвѣтъ на иѣжное признаніе старухи.

Потомъ онъ сѣлъ за столъ и стала порядкомъ очищать блюда. Старуха только умилъно на него посматривала.

— Ну, такъ и быть, сказала, наконецъ. Иванъ-Богатырь. Судьба, видно, не индюшка и суженую знатъ конемъ не обѣщена... Я женюсь на тебѣ!

Едва Иванъ-Богатырь проговорилъ эти слова, какъ въ ту же минуту вмѣсто старухи увидалъ онъ предъ собою красавицу, да такую, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

Иванъ-Богатырь только ахнулъ отъ удивленія.

— Не дивись, Иванъ-Богатырь, сказала она. Въ этомъ видѣ я должна быть постоянно; въ старуху же превратилъ меня злой волшебникъ, и ею я должна была оставаться до тѣхъ поръ, пока не выишется женихъ, который-бы согласился взять меня за себя, не пренебрегая ни старостью, ни моимъ уродствомъ. Твоё-же согласіе жениться на мнѣ избавляетъ меня отъ тягостнаго положенія, въ которомъ я томилась и отъ кото-раго приходила въ отчаяніе.

Иванъ-Богатырь сѣва вѣрилъ глазамъ своимъ, и удостовѣрившись, что чувства его не обманываютъ, онъ быть виѣ себя отъ

восторга и наговорить красавицъ съ три короба разныхъ иѣжностей...

Наконецъ, Свѣтлана—такъ звали будущую супругу Ивана-Богатыря, сказала ему:

— Постѣнимъ-же явиться къ твоему родителю; только, слушай, у меня есть къ тебѣ еще одна просьба, отъ которой зависитъ наше общее счастіе. Даї мнѣ честное слово, что ты исполнишь ее; иначе я погибла.

— Что такое, Свѣтлана? спросилъ Иванъ-Богатырь. Говори смѣло и будь увѣрена, что я исполню все, что только ты пожелаешь. Даю тебѣ честное слово.

— Если такъ, то я тебѣ выскажу, въ чемъ заключается моя просьба, отвѣчала Свѣтлана. Вотъ видишь-ли: очарованіе мое не совсѣмъ окончилось и остается уже не много времени до того, чтобы я находилась въ такомъ видѣ, въ какомъ ты меня видишь; а потому я прону у тебя терпѣнія до этого срока. Въ противномъ случаѣ, ты все дѣло испортишь. Пока же не пройдетъ время очарованія, я только на ночь могу возвращать себѣ красоту и молодость, а днемъ снова должна превращаться въ старуху.

Это объясненіе Свѣтланы сильно ошеломило Ивана-Богатыря. Замѣтивъ его нерѣшимость, Свѣтлана вдругъ призадумалась.

На лицѣ ея выразилась глубокая грусть, а на глазахъ показались слезы.

— Ахъ, Иванъ-Богатырь! сказала она со вздохомъ. Я вижу, что ты не рѣшился спасти меня отъ несчастія, съ которымъ я должна умереть всѣми забытая и всѣми пренебрегаемая.

При этомъ она взглянула на него съ такимъ трогательнымъ выраженіемъ, что ему стало жаль ее.

— Ну, перестань-же горевать, моя милая! сказалъ, наконецъ, Иванъ-Богатырь, усмѣкнавъ Свѣтлану. Для твоего и моего счастія я тебѣ даю честное слово, что, не разрушая очарованья, я буду съ нетерпѣніемъ ожидать окончанія срока.

Условіе было заключено, и Свѣтлана въ знакъ благодарности поцѣловала Ивана-Богатыря, а потомъ сказала ему:

— Теперь я опять должна превратиться въ старуху, и въ такомъ видѣ ты веди меня къ своимъ родителямъ.

— Согласенъ, отвѣчалъ ей Иванъ-Богатырь.

Свѣтлана поверила находившееся у нея на пальцѣ кольцо и въ одну минуту сдѣлалась старухою.

Иванъ-Богатырь взялъ ее подъ руки и вмѣстѣ съ нею отиравился къ своимъ роди-

телямъ. Добромыслъ очень обрадовался, увидавшіи своего меньшаго сына.

А это что за старуха съ тобою? спросилъ онъ сына.

— Это—будущая жена моя! отвѣчалъ Иванъ-Богатырь.

И онъ подвель къ отцу своему Свѣтлану.

Братья и невѣстки едва удержались отъ смѣха. Указывая на нее пальцами, невѣстки шептали между собою:

— Какова красотка-то? Прелестъ. Жаль только, что зубовъ нѣть, да верхняя губа втянулась; впрочемъ, мягче цѣловаться будеть. А лѣтъ-то? Чай только съ небольшимъ двѣсти... Какъ есть настоящая невѣста. Сѣда маленько, ну, за то пудры не потребуется...

И много подобныхъ насмѣшекъ напечатывали невѣстки одна другой.

Добромыслъ однаже приказалъ имъ быть поскромнѣе и, обратясь къ стоявшему передъ нимъ младшему сыну, сказалъ:

— Любезный сынъ мой! Я самъ причиною твоего несчастія и теперь раскаиваюсь въ своемъ приказаніи, которое далъ вамъ относительно невѣсты. Впрочемъ, попробуемъ, нельзя-ли будетъ исправить ошибку. Наградимъ старуху подарками—можетъ, она и откажется отъ замужества.

— Я ни за что не перемѣню своего на-
мѣнія, отвѣчалъ Иванъ-Богатырь.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ отецъ,
я исконько не преиятствую твоему желан-
ію... Женись, я позволяю тебѣ.

Свадьба была сыграна,—и нирѣ ироиѣсть
великолѣпно. Вечеромъ, когда, Иванъ-Бога-
тырь вступилъ въ отведенныя комнаты,
Свѣтлана обернула кольцо и сѣдалась не-
подражаемой красавицей, а при наступлениі
дня снова превратилась въ старуху.

Такъ Иванъ-Богатырь прожилъ съ сво-
ею старухою довольно долгое время, ни
мало не огорчаясь тѣмъ, что жена его съ
каждымъ утромъ теряла свою молодость.

Однажды, долго спустя послѣ ихъ
свадьбы, Добромыслъ призвалъ всѣхъ сыно-
вей своихъ и сказалъ имъ:

— Любезныя дѣти! Такъ какъ теперь вы
всѣ трое женаты, то я желаю, чтобы каждая
изъ женъ вашихъ сѣдала миѣ по
рубашкѣ, и требую, чтобы всѣ три рубашки
поспѣли къ завтрему.

При этомъ Добромыслъ далъ каждому
сыну по куску полотна.

Старшій и средній братья Ивана-Бога-
тыря, принесши полотно къ своимъ женамъ,
сказали:

— Батюшка приказалъ вамъ сшить изъ

этого полотна по рубашкѣ и требуетъ, чтобы къ завтрему онѣ поспѣли.

Жены ихъ тотчасъ-же начали кликать мамашекъ, папашекъ, сѣнныхъ дѣвушекъ и принялись за работу, а между тѣмъ послали дѣвку-чернавку къ женѣ Ивана-Богатыря посмотретьъ, какъ она будетъ шить рубашку.

Дѣвка-чернавка пришла въ комнаты Ивана-Богатыря и видѣла, что Свѣтлана изрѣзала полотно на мелкіе куски и бросила ихъ за оконко, проговоривъ:

— Буйны вѣтры! Разнесите лоскуточки въ разныя стороны и сшейте свекору рубашку.

Возвратилась дѣвка-чернавка къ господамъ своимъ и пересказала, что видѣла у старухи.

Невѣстки долго смѣялись надъ женой Ивана-Богатыря и говорили:

— Что-то ся мужъ завтра къ отцу прінесеть?

На другой день, только что проснулся Добромыслъ, какъ вошли къ нему трое сыновей его и подали ему сорочки.

— Эта сорочка синяя обыкновенно, сказать отецъ, разматривая рубашку, которую прінесъ ему старшій сынъ.

— И эта также синяя не лучшіе, продолжать онъ, обращаясь къ среднему сыну.

Когда-же взглянуть на сорочку меньшого сына, то не могъ на нее надивиться. Она такъ понравилась ему, что онъ приказалъ слугамъ подавать ее только въ самые торжественные дни.

Прошло иѣсколько времени. Добромыслъ опять призвалъ къ себѣ сыновей своихъ и сказаъ имъ:

— Любезныя дѣти! Я хочу, чтобы каждая изъ вашихъ женъ сдѣлала мнѣ по ковру и чтобы ковры эти были готовы къ завтрему. Вотъ вамъ серебро, золото и шелкъ; ступайте, передайте своимъ женамъ мое желаніе.

Дѣти въ точности исполнили приказаніе родителя.

Жены старшаго и средняго сыновей тотчасъ-же начали кликать мамушекъ, пяношекъ, сѣнныхъ дѣвушекъ и принялись за работу; а между тѣмъ послали дѣвку-чернавку посмотреть, что будетъ дѣлать старуха.

Дѣвка-чернавка вошла въ комнату Ивана-Богатыря и видитъ, что Свѣтлана изрѣзала на мелкіе куски золото, серебро и шелкъ, выбросила все за оконко и сказала:

— Буйные вѣтры! Разнесите кусочки въ разныя стороны и изготавьте коверъ свѣкору.

Возвратилась дѣвка-чернавка къ госпо-
жамъ своимъ и пересказала, что видѣла у
старухи.

Пенѣстки еще пуще стали смѣяться
надъ женою Ивана-Богатыря и говорили:

— Что-то ея мужъ завтра къ отцу при-
несеть?

На другой день, какъ проснулся Добро-
мыслъ, дѣти вошли къ нему съ своими
коврами.

Отецъ осмотрѣлъ сначала ковры стар-
шаго и средняго сыновей и остался не
доволенъ. Когда дошла очередь до ковра,
принесенного Иваномъ-Богатыремъ, то онъ
ахнулъ отъ изумленія и приказалъ своимъ
слугамъ—постилать его на столъ, и то только
въ самые торжественные дни.

Послѣ того онъ сказалъ своимъ сыно-
вьямъ:

— Теперь, любезныя дѣти, я хочу имѣть
отъ вашихъ женъ по хлѣбу и желаю, чтобъ
они были готовы къ завтрему.

Сыновья пересказали въ точности сво-
имъ женамъ о желаніи ихъ родителя.

Жены старшаго и средняго сыновей
тотчасъ-же начали ^вѣлѣкать мамушекъ, ня-
нююшекъ, сѣйныхъ дѣвушекъ и принялись
ставить опару, а между тѣмъ послали дѣв-

ку-чернавку посмотреть, что будетъ дѣлать старуха.

Дѣвка-чернавка вошла въ комнаты Ивана-Богатыря и видитъ, что Свѣтлана всыпала муку въ квашню, налила холодной воды, сдѣлала растворъ, вылила въ холодную печь, заслонила и сказала:

— Испекись хлѣбъ чистъ, рыхлъ и бѣлъ какъ снѣгъ.

Возвратилась дѣвка-чернавка къ господамъ своимъ и пересказала имъ что видѣла у старухи.

Невѣстки стали снова смѣяться надъ женою Ивана-Богатыря и говорили:

— Что-то ея мужъ завтра къ отцу принесеть?

На другой день, какъ проснулся Добромыслъ, вошли къ нему сыновья его, и каждый держалъ по хлѣбу.

Отецъ сначала попробовалъ хлѣбы старшаго и средняго сыновей, и они показались ему не вкусны; когда-же дошла очередь до хлѣба, принесенного меньшимъ сыномъ, то онъ, отвѣдавъ его, остался очень доволенъ и приказалъ слугамъ своимъ подавать его на столъ, когда будутъ гости.

Потомъ, поблагодаривъ сыновей за труды ихъ женъ, онъ сказалъ имъ, что двѣ старшія изъ нихъ хоть и прекрасны, но

никакъ не могутъ сравниться по разуму съ женой менышаго брата, Ивана-Богатыря.

А затѣмъ пригласилъ ихъ всѣхъ съ женами къ себѣ, на обѣденный столъ.

Сѣхались сыновья къ отцу, привезли съ собой также и женъ своихъ. Добромыслъ очень обрадовался, увидавъ менышую невѣстку, и особенно удивлялся ея ослѣпительному драгоцѣнному наряду. Сѣли, наконецъ, за столъ и стали кушать.

Свѣтлана видѣть, что невѣстки смѣются надъ нею. Она знаетъ, что онѣ станутъ подражать ей, и потому задумала подшутить надъ ними. Чего не доивала, то за рукачикъ лила, а косточки за другой клала.

Обѣ невѣстки какъ увидали это, переглянулись между собой и начали дѣлать тоже, что Свѣтланы.

Обѣдъ, наконецъ, кончился.

Добромыслъ пригласилъ гостей своихъ въ садъ.

— Ну, какъ тебѣ нравится мой садъ? спросилъ онъ Свѣтлану.

— Садъ раскинуть прекрасно, отвѣчала она. Недостаетъ только одного, чтобы всѣ считали его чудомъ.

— Чего-же именно недостаетъ? спросилъ удивленный Добромыслъ.

— А вотъ чего, произнесла Свѣтлана.

И при этомъ махнула однимъ рукавомъ—очутился обширный прудъ; махнула другимъ—поплыли по водѣ гуси и лебеди.

Добромыслъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ и не могъ удержаться, чтобы не поцѣловать Свѣтлану.

Невѣстки еще болѣе стали завидовать ей и подумали:

— Не удастся-ли и намъ сдѣлать то-же?

Онѣ махнули однимъ рукавомъ—и облили всѣхъ гостей; махнули другимъ—и полетѣли кости кому въ носъ, кому въ бровь, а свекору такъ попали въ глазъ.

Со стыдомъ удалились невѣстки и дали слово болѣе не смѣяться надъ Свѣтланой.

Радъ былъ Иванъ-Богатырь, что жена его затмила всѣхъ своимъ разумомъ.

— Недостаетъ ей только красоты, думалъ онъ, чтобы поразить во всемъ.

И вотъ онъ началъ ломать голову—сталь придумывать, какъ бы не допустить ея превращенія. Онъ вспомнилъ о кольцѣ и рѣшился унести его въ то время, какъ она будетъ красавицей. Нетерпѣніе взяло верхъ надъ разсудкомъ.

На слѣдующее-же утро, когда Свѣтлана покоилась еще крѣпкимъ сномъ, Иванъ-Богатырь снялъ съ пальца у сонной волшебное кольцо, ушелъ на берегъ моря и

съ негодованіемъ бросилъ его въ волны морскія. Исполнивъ это, онъ поспѣшилъ возвратился домой, но только что вступилъ на крыльцо, какъ его встрѣтила Свѣтлана съ заплаканными глазами.

— Ну, Иванъ-Богатырь, грустно сказала она, не хотѣлъ подождать малое время, и ищи меня теперь въ тридесятомъ царствѣ. Много, много горя ожидаетъ меня за твое нетерпѣніе!

Проговоривъ эти слова, она быстро поднялась на воздухъ и скрылась.

Иванъ-Богатырь стоялъ, какъ окаменѣлый. Тяжелая, невыносимая грусть сдавила ему сердце. Онъ бросился къ отцу и рассказалъ ему о случившемся съ нимъ несчастіи.

Добромыслъ, выслушавъ Ивана-Богатыря, весьма сожалѣлъ о своей невѣстѣ.

— Батюшка! сказалъ ему менышой сынъ. Безъ нея мнѣ свѣтъ не милъ, и я рѣшился во что бы то ни стало идти отыскивать мою супругу.

Отецъ не прекословилъ.

И вотъ Иванъ-Богатырь вышелъ за городскія ворота и вступилъ на широкое поле.

Тяжелая мысль влекла его впередъ.

Шелъ онъ, долго-ли, коротко-ли, скоро

сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, наконецъ, пришелъ онъ къ избушкѣ, которая стояла на курьихъ ножкахъ и сама повертывалась.

Иванъ-Богатырь сказалъ:

— Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ!

И избушка остановилась.

Иванъ-Богатырь вошелъ въ нее и увидѣлъ, что тамъ сидѣла Яга-баба. Она заговорила сердитымъ голосомъ:

— Доселе русского духа слыхомъ не слыхивано и видомъ не видывано, а нынѣ русскій духъ въ очахъ проявляется. Что ты, Иванъ-Богатырь, волею или неволею пришелъ ко мнѣ?

— Сколько волею, столько и неволею, отвѣчалъ Иванъ-Богатырь и рассказалъ, чего онъ ищетъ.

— Жаль мнѣ тебя, Иванъ-Богатырь: онъ-лошасть, сердечный. Потерялъ-бы маленько, а то иѣтъ—дай, сдѣлаю по своему. Но такъ и быть, я готова услужить такому доброму молодцу, какъ ты. Жена твоя теперь у волшебника и томится въ его теремѣ на превысокой горѣ. Ступай къ нему; вотъ этотъ клубокъ доведетъ тебя до его жилища. А чтобы духи его и самъ онъ не могли сдѣлать тебѣ ничего вреднаго, то вотъ возьми

съ собой мечъ, предъ которымъ бессильны всѣ его чародѣйства.

Поблагодарила Иванъ-Богатырь бабу-Ягу, взялъ отъ нея мечъ и клубокъ и пошелъ далѣе.

Шелъ онъ долго-ли, коротко-ли, близко-ли, далеко-ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Подошелъ, наконецъ, къ превысокой горѣ. Клубокъ все катится, а за нимъ идетъ и Иванъ-Богатырь. Вдругъ видитъ онъ теремъ волшебника.. Подонялъ къ нему и весь затрясся отъ ужаса. На него налетѣли духи волшебника и самъ чародѣй, въ видѣ дракона, хотѣлъ огнемъ опалить его. Но Иванъ-Богатырь поднялъ мечъ очарованный,—и все съ визгомъ разлетѣлось въ разныя стороны. Онъ остался одинъ, вошелъ въ теремъ и долго ходилъ по комнатамъ, отыскивая свою Свѣтлану; наконецъ, услыхалъ стонъ, приложилъ мечъ свой—и стѣна разступилась. Передъ нимъ стояла его жена. Радость ихъ при свиданіи была несказанная. Она поцѣловала Ивана-Богатыря и благодарила его за спасеніе. Очарованіе съ нея спало. И они теперь спѣшили въ домъ родительскій.

Добромыслъ, очень обрадовался возвращенію Ивана-Богатыря и, указывая на Свѣтлану, спросилъ его:

— А это кто-же съ тобою, сынъ?

— Это милая жена моя, отвѣчалъ Иванъ-Богатырь, та самая, которую ты видѣлъ старухою.

И какъ онъ чувствовалъ отъ дороги усталость, то обѣщалъ отцу постѣ разскѣзть все въ подробности.

Отецъ отъ удовольствія задалъ тогда пиръ на весь міръ. Много было выпито винъ заморскихъ и меду сладкаго. Всѣ поздравляли Ивана-Богатыря съ красавицей Свѣтланой.

(1845 г.)

XXXVII.

О приключеніяхъ Англійскаго Милорда Георга.

Въ прошедшія времена, когда еще Европейскіе народы не все приняли Христіанскій законъ, но иѣкоторые находились въ баснословномъ языческомъ подлослуженіи, случилось въ Англіи съ однимъ Милордомъ слѣдующее странное приключение.

Среди самого прекраснаго дня, въ одинъ часъ, темная туча покрыла чистое небо; облака какъ горы ходили и волновались подобно Черному морю отъ жестокаго вѣтра;

громъ, молнія, градъ, дождъ, сильная буря, соединяясь вмѣстѣ, приводили въ ужасъ всѣхъ живущихъ на землѣ. Всѣ бѣгали, искали своего спасенія; старые, воздѣвая руки къ небу, просили боговъ объ отищенніи грѣховъ; молодые вошли и укрывались подъ кровы; жены, дѣвицы съ плачемъ и воплемъ входили въ храмы и затворялись, земледѣльцы въ поляхъ не обрѣтали своего спасенія.

Молодой Англійскій Милордъ Георгъ, будучи въ сіе время со своею исковою охотою на полѣ, принужденъ былъ отъ сей страшной грозы искать своего спасенія въ лѣсу; но и сей былъ отъ него въ отдаленіи. Однакоже увидѣвъ въ отдаленіи одно кедровое дерево, онъ прискакалъ къ нему, остановился, но отъ дождя и граду и отъ сильныхъ громовъ и отъ жестокой молніи укрыться подъ онымъ не могъ; становится на колѣна, простираетъ руки свои къ небу и просить Юпитера объ утоленіи его гнѣва.

Наконецъ ужасная сія гроза утихла, а день стать приближаться уже къ вечеру. Милордъ сѣвши на лошадь, хотѣлъѣхать домой и, оборотясь въ одну сторону, увидѣть не далеко отъ того дерева подъ кустомъ зайца, который тотчасъ вскочилъ и побѣжалъ къ лѣсу. Бывшия же съ Милордомъ собаки бросились за нимъ и такъ

близко къ нему прилѣзли, что изъ спины шерсть съ кровью вырвали, а заяцъ оторопѣвъ вертѣлся между собаками. Милорду казалось, что они вѣрно его поймаютъ, но заяцъ, приближаясь къ одному острову, вдругъ отъ собакъ укрылся; Милордъ, какъ горячий охотникъ, хотя и скакалъ вслѣдъ за нимъ во всю пору, однако изъ глазъ своихъ потерялъ, а вѣхавши въ островъ, увидѣлъ своихъ собакъ всѣхъ въ крови, съ превеликою злобою лающихъ, рвущихъ траву и дерущихъ землю, такъ что онъ ихъ и отбить не можетъ. Но вдругъ, отдаляясь отъ того мѣста, они опять поскакали бросаясь то въ одну сторону, то въ другую, подобно какъ бѣшеные, а за ними умножался кровавый слѣдъ; только отъ чего и на что они лаютъ и зачѣмъ скачутъ, ничего примѣтить не возможно, и такъ они изъ виду его глазъ ускакали.

Милордъ, по обыкновенію охотнической страсти скакавши безъ всякаго разсудка, забылъ, что за нимъ не было ни одного человѣка, ибо всѣ охотники во время грозы, собирая собакъ, разсѣялись по разнымъ мѣстамъ. И такъ онъ, щѣзя по острову, искалъ своихъ собакъ и подавалъ охотникамъ въ рогъ голость; но тщетно было его стараніе, потому что они, искальвъ не малое время

своего господина, подумали, что онъ отъ бывней грозы прежде ихъ уѣхалъ, чего ради они возвратились домой.

Между тѣмъ, солнце свѣтлые свои лучи уже скрывать стало, а пріятная луна начинала показываться на горизонтѣ, и звѣзды по чистому небу блескъ своей испускали. Милордъ хотя и не робѣть, однакожъ, заѣхавши очень далеко и находясь однѣ въ пустомъ мѣстѣ и не нападѣть своихъ милыхъ собакъ, не зналъ что дѣлать. Но наконецъ задумалъ еицѣ ихъ искать, и отъѣхавъ не много, увидѣлъ одну свою англійскую суку мертвую: обѣ переднія ноги у ней переломлены и вокругъ нея множество крови; думалъ Милордъ и она какъ нибудь убилаась. Потомъ немного подалѣе наѣхалъ на палеваго кобеля, и ополамъ перерваннаго. Отъ сего Милордъ пришелъ въ сомнѣніе, потому что кромѣ одного зайца никакого звѣбря не видалъ, а собаки его умерщвлены чуднымъ образомъ. Отѣхавъ нѣсколько еицѣ, усмотрѣлъ любимую свою суку безъ головы, подбитую подъ корень одного дерева, отъ котораго и прошелъ въ лѣсъ не малый кровавый стѣдъ. Отъ сего онъ пришелъ въ великий страхъ и не могъ понять, отъ чего сіе происходило. Однакожъ, укрѣпивъ себя разсудкомъ, отважилсяѣхать далѣе, любо-

пытствуя, не можетъ ли еще чего увидѣть, ибо онъ слѣдѣтъ, за происходящимъ отъ мѣсяца свѣтомъ и многой крови, потерять было не возможно. И такъ по сему слѣду нечувствительно заѣхалъ онъ въ превеликій густой лѣсъ, по которому юздини почти всю ночь, не зналъ, куда выѣхать, и лошадь свою такъ утомилъ, что едва она могла ступать. Сіе отняло у него послѣднюю смѣлость; тутъ началъ онъ приходить въ отчаяніе, потому что заѣхалъ въ незнакомый, великий и почти непроходимый лѣсъ, въ которомъ отъ лютости звѣрей могъ быть подверженъ великой опасности, и къ обороноѣ своей кромѣ ножа ничего не имѣть, а за утомленіемъ лошади, никакъ далѣеѣхать было невозможно. Въ силахъ печальныхъ размышленіяхъ онъ находился до тѣхъ поръ, какъ солнце уже опять стало показываться на горизонтѣ, и небо, какъ яхонть голубаго цвѣта, представилоѣ глазамъ Милорда, по которому текущія, тонкія и прозрачныя облака обѣщали ясную и пріятную погоду слѣдующаго дня. Черезъ сіе сіяніе, лѣсъ впереди его сталъ казаться гораздо рѣжче, и сквозь него видно было чистое мѣсто. Направя туда свою лошадь, онъ выѣхалъ на небольшой съ рѣдкими лавровыми деревами лугъ, на которомъ пронзростали раз-

личные прекраснѣйшіе цвѣты, отъ которыхъ происходило великое благоуханіе и кои показывали пріятный видъ.

Милордъ не иначе о семъ мѣстѣ думалъ, какъ оно нарочно уготовано богинею Церерою для чистѣйшей богини Діаны, когда она приходитъ, утруженная съ ловитвы, со своими нимфами для сладкаго покоя.

Веселясь онъ симъ прекраснѣмъ мѣстомъ и смотря на растущую на томъ лугу ровную и густую траву наслаждался благоуханіемъ, происходящимъ отъ различныхъ цвѣтовъ, съ великимъ удовольствіемъ. Но какъ онъ всю ночь проводилъ безъ сна, и обыкновенно на утренней зарѣ лучшій и иріятный сонъ бываетъ у человѣка, особенно же при претерпѣніи всякаго беспокойства, то сонъ сталъ его такъ одолѣвать, что Милордъ могъ едва сидѣть на лошади, чего ради приужденъ онъ былъ съ лошади слѣзть и, привязавъ ее къ одному дереву, самъ легъ подъ тѣнью онаго на зеленой и густой травѣ спать. А какъ довольно выспался, то вставши ходилъ по сему прекрасному лугу, рвалъ цвѣты и плелъ изъ нихъ вѣнокъ, который хотѣлъ отвезть въ презентъ своей невѣстѣ за превеликую диковину, ибо онъ думалъ, что въ Лондонѣ и въ королевскомъ саду такихъ цвѣтовъ не было, только не

зналь, въ которую сторону ему изъ лѣсу выѣхать, и для того принужденъ быть взлѣсть на одно дерево и смотря съ онаго увидѣть не далеко отъ того мѣста небольшую и подчищенную рощу, отъ которой по перспективной дорогѣ, усаженной разными деревьями, видѣнъ быть преогромный каменный, удивительной архитектуры домъ. Увидѣвши это Милордъ пришелъ въ удивленіе, разсуждая какому бы въ такомъ пустомъ мѣстѣ быть дому? Чего ради и принялъ намѣреніе для любопытства тудаѣхатъ и, сѣвши на свою лошадь, прѣѣхалъ прямо къ воротамъ того дома, у которыхъ прикованы были на желѣзныхъ цѣпяхъ два прѣвеликіе свирѣпые льва, испускаюшіе преуясасный ревъ и бросившиесь одинъ на другаго, но за короткостью цѣпей сразиться между собою не могли. Любопытство Милордово было столь велико, что онъ вознамѣрился проскакатъ на дворъ. И такъ ударивши свою лошадь шпорами, пустился во всю пору, но отъ лютости сихъ звѣрей ускакать не могъ, ибо какъ скоро противъ ихъ поровнялся, то они въ мгновеніе оба, ухватя его лошадь, растерзали, а онъ, свалившись съ лошади, такъ скоро и легко на дворъ откатился, какъ бы сильнымъ вѣтромъ его отъ лютости сихъ звѣрей отбросило.

Вставши съ земли, не зналъ которыиъ бо-
гамъ приносить благодареніе за спасеніе
своей жизни. Но притомъ не мало удивлялся,
что какъ на дворѣ, такъ и въ открытыхъ у-
палахъ окнахъ не видно было ни одного
человѣка, чего ради пошелъ онъ прямо къ
палатамъ и вошелъ въ сѣни, въ которыхъ
поль устланъ былъ коврами, стѣны обиты
разноцвѣтными ткаными обоями, а лѣстница
убрана самыми лучшими сукномъ, по кото-
рому Милордъ идти не осмѣлился, а про-
шелъ вверхъ по сторонѣ лѣстницы и во-
шелъ въ пребогато меблированный различ-
ными драгоценными уборами залъ, посреди
котораго накрытъ былъ на осьмнадцать
приборовъ столъ; въ прочие покон двери всѣ
были отворены и черезъ нѣсколько комната
стояла, въ одной горница, бархатная мали-
новая съ золотымъ галуномъ кровать. По
всѣмъ имѣющимся въ томъ домѣ богатымъ
уборамъ надобно было думать, что сей домъ
принадлежитъ королю или знатному принцу.
Только ни одного человѣка не было, чего
ради Милордъ во внутреніе покон идти не
осмѣлился, но, вышедши опять въ сѣни
хотѣть стать и дожидаться, не можетъ-ли
кого увидѣть и обо всемъ освѣдомиться.
Но только вышелъ Милордъ въ сѣни и взгля-
нуль къ воротамъ, то увидалъ подъѣзжаю-

щую къ онымъ карету, которая была цугомъ, и прикованные у воротъ два злобные льва тотчасъ пошли по своимъ, назначеннымъ для нихъ, мѣстамъ. Карета, вѣхавъ на дворъ и не доѣзжая немногого до крыльца, остановилась, а изъ неї вышла прекрасная собою дама. Милордъ, видя сіе, разсуждалъ лучшее сойти внизъ и ее встрѣтить. Дама, увидѣвши его и поклоняясь ему, не остановилась; потомъ подѣхала на дворъ другая карета, пребогатоубранная, съ шарами на лошадяхъ и подѣхавъ къ самому крыльцу, остановилась и вышла изъ нея одна дама же въ бѣломъ платьѣ, такой неописанной красоты, что Милордъ отъ радости не смѣялъ на нее смотрѣть и стоялъ какъ изумленный. Дама сія взглянувъ на него свирѣпымъ видомъ и не сказавъ ни слова, пошла прямо по сунду на верхѣ; потомъ еще прѣхали пять каретъ цугомъ; въ каждой сидѣло по три дамы и, подѣхавъ къ крыльцу и вышедъ изъ каретъ, равнымъ же образомъ, поклоняясь ему, следили за первою, а послѣдняя изъ нихъ сказала ему, чтобы изволить идти въ покой Маркграфини. Милордъ, не отвѣтствуя ничего, но поклоняясь съ учтивостью и страхомъ, поспѣлъ за ними.

Въ сіе время пришла ему на память невѣста его Елизавета, о которой онъ ду-

малъ, что подобной ей въ красотѣ сыскать не можно, но изъ сихъ самая послѣдняя се превосходила, а Маркграфиню почиталъ онъ уже не иначе, какъ богинею, а не человѣкомъ! Только не зналъ, кто она таковая и въ какомъ она мѣстѣ находится.

Въ такихъ размышленіяхъ вошелъ онъ къ прежде видѣнную имъ залу, въ которой уже находилось человѣкъ до двадцати лакеевъ и офиціантовъ въ пребогатомъ платьѣ, изъ которыхъ одинъ подошелъ къ Милорду и съ учтивостью сказалъ, чтобъ онъ изволилъ идти въ аудіенцѣ - камеру. Милордъ, послѣдняя за нимъ, вошелъ въ пребогато убранную горницу, которая обита золотымъ глазетомъ съ вырѣзанными изъ парчей разныхъ цвѣтовъ букетами; по средніѣ оной стоять сдѣланный изъ самаго чистаго мрамора тронъ надъ которымъ балдахинъ изъ зеленаго бархата пребогато убранный золотомъ. На ономъ тронѣ сидѣла Маркграфиня, а по правую сторону трона стояли шестнадцать прекрасныхъ дѣвицъ въ одинаковыхъ пурпуроваго цвѣта платьяхъ. Какъ скоро Милордъ вошелъ въ сию комнату, то Маркграфиня встрѣтила его слѣдующими словами,

— А, господинъ Милордъ! я васъ очень давно желала видѣть, но никакимъ спосо-

бомъ до сего времени случая не имѣла, а теперь вы и сами ко мнѣ незваные прѣхали, только не знаю съ какими глазами и со-вѣстью могли вы предо мною показаться! и оборотясь къ своимъ фрейлинамъ сказала:

— Вотъ тотъ Англійскій Милордъ, спѣ-сивый женихъ, который изъ двѣнадцати во-всемъ свѣтѣ славныхъ портретовъ, кото-рыхъ я могу показать моимъ пріятельни-цамъ, ни одной себѣ въ невѣсты не только не удостоилъ, но ни одна изъ нихъ безъ ругательства не осталась и, оборотясь къ Милорду, говорила:

— Вы, сударь, не думайте, чтобъ я за ихъ обиду вамъ мстила, а при томъ поздра-вляю васть по выбору вашему съ невѣстою и увѣряю, что вы своимъ выборомъ такъ ониблись, что она противъ обруганныхъ вами ни одной ихъ ноги не стоитъ, а только въ томъ предъ ними имѣетъ преимущество, что черезъ три мѣсяца по женитьбѣ вашей можно будетъ васть поздравить съ сыномъ или дочерью. Слышавши сіе Милордъ при-шелъ въ великое сомнѣніе и не могъ понять, почему бы Маркграфиня обо всемъ томъ могла вѣдать, ибо разсужденіе о портретахъ было только при трехъ персонахъ и на тѣхъ столько онъ надѣялся, какъ самъ на себя, при томъ же видя его въ первый разъ и не

спрося, кто онъ таковъ, какъ известно ей его имя и какъ она всѣ его дѣла знаетъ.

Все сіе приводило Милорда въ чрезмѣрное удивленіе, почему уже не осмѣлился онъ никакого въ томъ приносить оправданія, а вознамѣрился открыть самую истину, чего ради и отвѣчалъ ей:

— Милостивая государыня, осмѣлюсь о помянутыхъ двѣнадцати портретахъ донести, что я говорилъ обѣихъ не въ пониженіе ихъ чести, но по принужденіи сестры своей и тетки, которая выбирали мнѣ невѣсту, показывали мнѣ портреты, а я не имѣя тогда еще намѣренія жениться, говорить о нихъ для того, чтобъ онѣ меня болыше къ женитьбѣ не принуждали, а что теперь по несчастью моему имѣю невѣсту, то она не по выбору и желанію моему, но по провидѣнію боговъ дана мнѣ отъ короля, моего государя, и ежели она дѣйствительно такого состоянія, какъ вы объявлять изволите, то я желаю лучшіе жизни лишиться, нежели послѣ трехъ мѣсяцевъ моей женитьбы сносить ругательское пониженіе! и выговаривая сіе стала предъ Маркграфинею на колѣна. Она, видѣвши сіе, сошла totчасъ съ трона и поднявъ его за руку сказала:

— Милордъ, вы ни чѣмъ другимъ, какъ только истиннымъ признаніемъ, спасли жизнь

свою отъ справедливаго моего гнѣва, ибо я никакъ не думала, чтобы такой честный и справедливый англійскій Милордъ могъ носить честь дамскую. Развѣ вы не знаете, богиня Діана, хранительница честности, за сіе безъ отомщенія не оставляеть? Но однакожъ теперь я вамъ все прощаю и желаю вѣдать, знаете-ли вы, гдѣ теперь находитесь и съ кѣмъ говорите?

— Ваше высочество! отвѣчалъ Милордъ, — я слышала отъ вашихъ фрейлинъ; что онѣ именовали васъ Маркграфинею, а большее ничего этого не знаю!

Маркграфиня усмѣхнувшись сказала.

— Я — Фридерика Іуиза Бранденбургская, вдовствующая Маркграфиня.

— Ваше высочество, говорилъ Милордъ, я еще будучи въ юнолѣ, о красотѣ и премудрыхъ вашихъ дѣлахъ довольно читалъ въ одной итальянской книжѣ.

Маркграфиня пожаловала его къ рукѣ и, оборотясь къ своимъ фрейлинамъ сказала:

— Я думаю, время уже купшать! и пошла въ залу. Милорду приказала идти за собою и посадила его за столъ возлѣ себя, а прочіе вокругъ ихъ сѣли.

Во время стола Маркграфиня разговаривала съ Милордомъ о разныхъ матеріяхъ съ великою пріятностью; а по окончаніи

стола, взявъ его за руку, повела въ свою спальню и, посадивъ подлѣ себя на кровать, говорила:

— Вы очень меня одолжите, если разскажете, какимъ образомъ изъ Лондона отлучились и сюда заѣхали?

— Ваше высочество, отвѣчалъ Милордъ, — я, видѣвши высочайшую къ себѣ милость, за великое буду почитать счастіе, что удостоюсь объявить вамъ не только странное вчераине со мною приключеніе, но всю исторію съ начала моей жизни. И стала разсказывать слѣдующими словами:

— Когда судьба лишила меня любезнѣйшаго моего родителя, Ирима, то я остался послѣ него въ самыхъ сице младенческихъ лѣтахъ подъ охраненіемъ моего дяди, Христофора, роднаго брата моего родителя, матери же моей я ни мало не помню. Сей мой дядя принялъ меня подъ свое покровительство, такое обѣ мнѣ имѣть попеченіе какъ бы о родномъ своемъ сынѣ, но къ несчастію моему, онъ по приказанію королевскому назначенъ былъ для нѣкотораго секретнаго дѣла полномоченіемъ министромъ въ Константинополь, почему и разсуждалъ онъ, что со мною дѣлать: оставить меня одного въ домѣ моего родителя въ такихъ младенческихъ лѣтахъ почиталъ за

невозможное, опасаясь, чтобъ я въ самомъ младенчествѣ не присвоилъ себѣ привычки къ худымъ дѣламъ: также и къ себѣ взять въ домъ не имѣть возможности, потому что онъ жены уже не имѣлъ, а только были у него двѣ дочери, большая, именемъ Люсія, семнадцати лѣтъ, а другая Фелистина, пятнадцати лѣтъ, о которыхъ онъ также не мало беспокоился, что онѣ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ остаются безъ всякаго покровительства; разсуждая, что какъ бы не были добродѣтельны его дочери, но, живучи однѣ въ домѣ, ни какъ не могутъ, оставаться отъ бездѣльниковъ безъ поношения чести; но наконецъ рѣшился онъ оставить меня въ домѣ моего родителя подъ присмотромъ одного изъ нашихъ служителей, добродѣтельного человѣка, именемъ Франца, и призвавъ одного изъ славныхъ въ Лондонѣ учителей, именемъ Ягана, договорился съ нимъ, чтобы онъ принялъ меня къ себѣ въ николу для ученія по склонности моей къ разнымъ наукамъ и просилъ его, чтобы онъ прилежное имѣть обо мнѣ попеченіе, обѣщаю ему по возвращеніи своеемъ изъ Константинополя учинить сверхъ договорнаго числа приличное награжденіе. Дочерей же своихъ оставилъ подъ присмотромъ родной своей сестры Маргариты, и хотя онъ къ

правленію своего дома имѣть вѣрнаго и надежнаго человѣка, однако же, приказалъ ему, чтобъ онъ обо всемъ докладывалъ его старшій дочери Люсіи и ничего-бы безъ позволенія ея не дѣлалъ.

Такимъ образомъ, учредя въ своемъ домѣ всѣ порядки и давъ дочерямъ своимъ надлежанія наставлениія и простясь съ ними, предпринялъ путешествіе въ Константинополь.

И такъ я, лишившись покровительства любезнаго своего дяди, остался въ самыхъ еще младенческихъ лѣтахъ подъ присмотромъ помянутаго моего дядьки Франца. А какъ обыкновенно всѣ дѣти имѣютъ большие охоты и склонности къ рѣзвостямъ и шалостямъ, нежели къ наукамъ, то сей разумный и добродѣтельный человѣкъ, умными своими разговорами и ирилежностью, такъ меня нечувствительно отъ рѣзвостей дѣтскихъ отвратилъ и научилъ упражняться въ наукахъ, что я хаживалъ въ школу съ такою охотою какъ бы въ какую веселую компанию, и книги мнѣ казались вмѣсто пріятной музыки; а когда я возвращался изъ школы домой, то сей дядька разсказывалъ мнѣ разныя нравоучительныя исторіи и толковалъ какъ мнѣ должно обращаться въ свѣтѣ. Я смѣло могу сказать, какъ не славенъ

быть мой учитель, Яганъ, но онъ не могъ столько вселить въ меня доброты и хорошаго поведенія, какъ сей мудрый дядька; онъ съ такимъ прилежаніемъ и рвениемъ наблюдалъ всѣ мои поступки, что ни одинъ часть отъ меня не отлучался и безъ себя ни одного человѣка изъ людей ко мнѣ не допускалъ, опасаясь, чтобы они иногда не произносити при мнѣ пустыхъ и неприличныхъ разговоровъ, какъ то обыкновенно при молодыхъ господахъ бываетъ, почему и учитель мой былъ доволенъ моимъ поведеніемъ и прилежаніемъ къ наукамъ, и всегда меня предъ всѣми моими товарищами хвалилъ и часто говорилъ, что у него еще никогда не было такого понятливаго и прилежнаго ученика. Но сія его похвала мнѣ иной разъ была не особенно пріятна, потому что онъ-же обучалъ принцессу Иринію, чего ради не рѣдко прихаживалъ къ нимъ въ школу самъ король съ королевою, и когда случался у нихъ разговоръ о наукахъ, то учитель мой и при ихъ величествахъ часто упоминалъ обо мнѣ и съ такой похвалой, какой еще, вовсе во мнѣ не доставало, и говорилъ, что онъ такой строгой головы къ понятію къ наукамъ еще не видывалъ никогда, и черезъ то такое обо мнѣ доложилъ королю мнѣніе, что онъ приказалъ одному изъ сво-

ихъ придворныхъ, когда я буду во двориѣ, всегда ему обо мнѣ докладывать. И хотя я тогда былъ еще молодъ, но по позволенію королевскому, во дворецъ въ торжественные дни, въ маскарады и на куртаги хаживаль; а въ одинъ день будучи во двориѣ, король, увидѣвши меня, изволилъ самъ ко мнѣ подойти и пожаловалъ меня къ рукѣ, нѣсколько со мною разговаривалъ, и я ему такъ понравился что онъ приказалъ своей принцессѣ Иринѣ взять меня танцевать. Я протанцевалъ съ нею одинъ минуетъ, принялъ еще одну дѣвицу, которая близко около меня случилась и о которой я послѣ свѣдалъ, что она дочь королевскаго гофмаршала, именемъ Елизавета, нынѣшняя моя невѣста, только мнѣ въ то время примѣчать ее не было желанія, потому что я по молодости лѣтъ никакого намѣренія о женитьбѣ не имѣлъ. Король, имѣвши любовь, смотрѣлъ на меня, очень меня хвалилъ и приказалъ мнѣ, чтобы я въ праздничные дни, когда не учатся въ школѣ, всегда юздила во дворецъ и старался-бы съ прилежностью продолжать свои науки, обнадеживая меня своею милостью. Я по приказу королевскому хотя юзжалъ, но очень рѣдко, ибо любезный мой дядька какъ бы что предчувствовалъ и меня не отпускалъ. Но, къ несчастію моему, по

прошествии трехъ лѣтъ послѣ отъѣзда моего дяди въ Константинополь, Францъ, сей добродѣтельный мужъ, будучи семидесяти лѣтъ, скончался, линившись котораго я не меныше объ немъ жалѣлъ, какъ о моемъ родителѣ и столько плакалъ, и грустилъ и скучалъ, что доходилъ до беспокойства, отъ чего пришла ко мнѣ жестокая горячка, отъ которой принужденъ быть лежать четыре недѣли въ постели. Сестры мои, Люсія и Филистіна, во время моей болѣзни очень часто меня навѣщали, а при нихъ и служители имѣли ко мнѣ въ спальню свободный входъ и все, что имъ разсудило, довольно со мною для моего увеселенія разговаривали, чего прежде при любезномъ моемъ дядкѣ Францѣ сдѣлать никакъ не могли.

Спустя нѣсколько времени случилось мнѣ въ имянины Люсіи быть опять у нея, и какъ только гости всѣ разѣхались, и мы остались одни, то тетка наша Маргарита говорила мнѣ, что время мнѣ жениться, и выхвалила многихъ дѣвицъ; при томъ же и сестра Люсія о томъ же мнѣ совѣтовала, представляя въ невѣсты нѣкоторыхъ знакомыхъ ей дѣвушекъ. Но какъ я не хотѣлъ еще жениться, то смылся отвѣчать имъ, что у насъ въ Лондонѣ нѣтъ такой невѣсты, на которой бы я согласился жениться, при-

томъ-же я еще многихъ коротко не знаю и на выборъ другихъ въ семъ случаѣ, кромѣ самого себя, ни на кого положиться не могу, что отъ женитьбы зависитъ вѣчное человѣческое счастіе или несчастіе.

Люція на сіе миѣ говорила:

— Братецъ, теперь вы вѣдь науки кончили, домъ имѣете богатый, имѣнія довольно, и такъ вамъ остается только искать, чтобы невѣста ваша была честная и добродѣтельная. Хотите-ли вы, братецъ, я вамъ покажу двѣнадцать славныхъ портретовъ, вы только выбирайте, которая болыше понравится, а за достоинство ихъ я вамъ ручаюсь. Я на сіе смѣясь говорила ей:

— Пожалуй покажи, я готовъ вѣдь слушать.

Люція, взявъ меня за руку, повела въ спальню, а за нами вошла Маргарита и Филипіса и показывали миѣ тѣ портреты, которые были самой лучшей работы.

1. Вильгельмина, Царштадтскаго генерала дочь. Я, смотря на оный, сказалъ:

— Она-бы очѣнь хороша была да только немногого криворота.

Люція отвѣчала миѣ:

— Можетъ быть, ошибся живописецъ а у ней этого нѣть.

2. Ульрика Елеонора, Шведскаго генерала лейтенанта дочь.

— Правда говорилъ я,— ее бы можно было назвать красавицей, но жалко что криворога.

3. Софія, родная племянница маркграфа Бранденбургскаго...

Маркграфиня, прервавъ Милордову рѣчъ, сказала:

— Она и мнѣ племянница, однако, пожалуйста не опасайся, говори какъ было.

— Извольте быть увѣрены, ваше высочество, отвѣчалъ Милордъ,— я ничего отъ васъ утаить не могу.

Милордъ продолжалъ:

— Я, смотря на портретъ, сказала: она немного кривоноса.

— Ахъ, дурно, братецъ, такъ ругать, говорила мнѣ сестра.

— Что ты сердишься? Здѣсь никого нѣтъ постороннихъ, и ни кто о семъ вѣдать не можетъ.

Потомъ она мнѣ показала остальные портреты, я и о нихъ также отзывался, находя у нихъ недостатки.

Маркграфиня, выслушавши сіе и усмѣхнувшись, сказала:

— Милордъ, я думаю что ты можешь видѣть, что яничѣмъ твоей невѣсты и показываемыхъ тебѣ Люцію портретовъ не хуже, однакожъ, я бы желала имѣть васъ

своимъ мужемъ. Только не знаю, не противна ли я вамъ буду и можете-ли вы оставить свою невѣсту, а что невѣста ваша честь свою принесла на жертву одному своему пажу, она-же имѣеть у себя такую ехидную мамку, которая чрезъ волшебство такъ ее обворожила, что она во всемъ ее слушаетъ, и для того вамъ нужно ее остерегаться, ибо вѣрно знаю, что ежели вы на Елизавѣтѣ женитесь, то черезъ годъ лишиитесь жизни.

— Милостивая государыня, говоритъ Милордъ, возможно-ли статься, чтобы милосердные боги могли положить такой предѣлъ, чтобъ мнѣ изъ Милордовъ сдѣлаться вашимъ супругомъ и обладать такою божественною красотою.

— Я съ своей стороны, говорила Маркграфиня, очень сего желаю, да и для васъ, я думаю, гораздо лучшіе короля своего оставить и сдѣлаться ему равнымъ, нежели быть подданнымъ: только прону васъ, чтобъ вы никого не оповѣщали объ этомъ, а держали въ глубокой тайнѣ.

— О, боги! вскричалъ Милордъ, что я слышу, не сонное ли мечтаніе представляется глазамъ моимъ или тихимъ вѣтромъ съ высоты Олимпа отъ благодати боговъ сіе предвѣщаніе приносится? Не ты ли, чистѣйшая Діана, желаешь меня избавить отъ безчест-

ной невѣсты, или ты, премудрая Минерва, хочеши препроводить меня, какъ Телемаха, сына Улиссова?

Маркграфиня, видѣвши чрезмѣрное Милордово восхищеніе, говорила ему, чтобы онъ ни о чёмъ не сомнѣвался, только бытъ бы терпѣливъ, а она уже намѣренія своего пересмѣнить не можетъ.

— Только я, говорила она Милорду, прѣжде трехъ лѣтъ никакъ тебя имѣть мужемъ не могу, а по прошествіи трехъ лѣтъ, гдѣ бы ты не бытъ, я сама тебя отыщу, причиня же тому слѣдующая:

Когда смерть разлучила меня съ любезнымъ монмъ супругомъ, и я осталась послѣ того бездѣтна, то тягостное правленіе государственныхъ дѣлъ такъ меня обезпокоило, что я, для обезпеченія своей тягости, приняла намѣреніе искать достойнаго жениха, и въ одно время, будучи у одного моего камергера, увидала ванѣ портретъ, на который смотря спранивала, чей онъ и похожъ ли на того, съ кого писанъ? Онъ мнѣ описывалъ васъ съ похвалою, и я съ того самаго часа почувствовала къ тебѣ чрезмѣрную любовь и положила за непремѣнное намѣреніе имѣть васъ своимъ мужемъ. А какъ я съ самого малолѣтства была обучена такой наукѣ, что все будущее могу угадывать, и

чтобъ не задумала, все сдѣлаю, только на время, а не вѣчно, и боги по своему милосердію всѣ мои просьбы исполняютъ, и потому какъ я по сей наукѣ свѣдала, что вы на Елизаветѣ сговорены, то я цѣлые два мѣсяца, всякий день принося богинѣ Минервѣ великия жертвы, просила ее близъ Лондона построить мнѣ сей домъ. Мудрая сія богиня склонилась на мою просьбу и тотчасъ приказала въ одну ночь сей построить, и богиня Веста, изобрѣтательница домовъ, всѣми богатыми уборами его украсила. И я, пріѣхавши сюда, не знала какъ тебя увидѣть; и освѣдавъ по моей наукѣ, что ты побѣхъ за охотою, то, принося великому Юпитеру жертву, просила, чтобъ онъ воздвигнулъ и громъ и молнию съ дождемъ и бурею, а богиня Минерва послала отъ себя скорую Ирису и велѣла ей явиться передъ тобой зайцемъ, за которымъ твои собаки гонялись. Нептунъ-же послалъ и некоторое непріязненное божество и велѣло собакъ твоихъ растерзать, а тебѣ ослѣпить очи и напустить страхъ, чтобъ ты не зналъ куда выѣхать. Потомъ я, видя тебя въ такомъ бѣзпокойномъ страхѣ, просила опять боговъ о твоемъ спокойствіи, чего ради богиня Церера показала тебѣ украшенній благовонными цвѣтами лугъ, а Фебусъ отяготилъ

очи твои легкимъ и пріятнымъ сномъ и
наконецъ привѣтъ тебя ко мнѣ въ сей нео-
цѣненнаго сокровища домъ.

Маркграфиня, видя Милордово сомнѣніе,
говорила:

— Отпустите мнѣ, какъ своей невѣстѣ,
сю вину, что я вѣсь чрезъ сию свою хит-
рость такъ много обезпокоила..

— Милостивая государыня! отвѣчалъ ей
Милордъ, цѣлую ся руки,—возможно ли вамъ
требовать прощенія отъ такого человѣка,
который все свое благонолучіе посвятилъ
особѣ Вашего Высочества!

Въ сихъ разговорахъ проводили они
весь день до самаго ужина, а по окончаніи
вечерняго стола Маркграфиня, взявъ Милор-
да за руку, повела въ свою комнату.

— Однакоже, я думаю, что вамъ нужно
ѣхать домой, ибо вѣсь давно по всему го-
роду ищутъ, а завтра прошу вѣсь къ себѣ
обѣдать.

— Какъ, Ваше Высочество! отвѣчалъ
Милордъ. Возможно ли чтобы я такъ скоро
сюда возвратился?

Маркграфиня усмѣхнувшись, сказала:

— Безъ сомнѣнія, можете, только я прошу
вѣсь, чтобы о семъ моемъ домѣ никому не
обѣявлять, и когда ко мнѣ поѣдете, ни од-
ного человѣка съ собой не берите. Вы отъ

Лондона такъ далеко, что отсюда его можно увидѣть, и, отворя окно, онъ, дѣйствительно, сквозь чащу рощи увидѣть городъ свой. Милордъ удивился что о домѣ Маркграфини не знаютъ въ Лондонѣ.

Маркграфиня приказала заложить карету, въ которой Милордъ и поѣхалъ; и выѣхавъ изъ рощи на большую дорогу, видитъ, что Лондонъ стоитъ отъ рощи не дальше одной мили. Пріѣхавъ домой, карету Маркграфини онъ отпустилъ домой, а дома у себя сказалъ, что заѣзжалъ въ поле къ знакомому и у него двѣ ночи почевалъ, и самъ, персодѣвши въ другое платье, поѣхалъ къ невѣстѣ своей Елизаветѣ.

Мама же Елизаветина чрезъ волшебныя хитрости выдала все, что съ нимъ ни происходило, только никому не сказывала, а просила Елизавету, чтобы она, когда онъ къ ней пріѣдетъ, спросила, где онъ былъ. Какъ скоро Милордъ вошелъ къ Елизаветѣ въ спальню, то она съ насмѣшкою благодарила его за присланную дичь, на что Милордъ съ учтивостью извинялся, что приключившияся сильная гроза помѣшиала ему услужить ей чѣмъ либо другимъ. Елизавета, по научению своей мамки, различными способами старалась выведѣвать о его приключеніи, но ничего выведѣвать не могла.

хавъ изъ ея дома, разославъ своихъ слугъ, Милордъ поѣхалъ къ Маркграфинѣ. И какъ скоро прїехалъ къ ся дому, то прикованные у воротъ львы тотчасъ вошли въ свои мѣста, и его пропустили. Въѣхавъ на дворъ, онъ прямо пошелъ къ Маркграфинѣ въ спальню. Увидѣвши его, она встрѣтила его съ великою радостью, и весь вечеръ проводили въ разныхъ, пріятныхъ разговорахъ, а по окончаніи вечерняго стола говорила она ему:

— Любезный Милордъ, я радуюсь, что вы еще одну ночь у меня ночуете. Знаете ли вы, что я, узнавъ сколько вы малодушины, нетерпѣливы, опасаюсь, чтобы вы сего случившагося приключенія по своей невоздержности не открыли, что ежели сдѣлаете, то раныше шести лѣтъ меня не увидите, потому что я по смерти своего супруга богамъ клялась четыре года вдовствовать, и принося богинѣ Діанѣ жертву, просила, чтобы мнѣ по прошествіи четырехъ лѣтъ дали боги достойнаго мужа, на что и получила отъ сей богини отвѣтъ:

— Да дутъ тебѣ боги по твоему желанію жениха отъ честной природы англичанина и послѣ четырехъ лѣтъ будешь женю, и жизнь ваша опредѣлять благополучную, только научи его хранить тайну и быть терпѣливу и тверду. А ежели вы не будете

воздержны и прежде вашего брака кто о любви вашей свидаетъ, то уже не прежде какъ постъ шести лѣтъ бракъ вашъ совершился и то по претерпѣніи великихъ несчастливыхъ приключений.

— И такъ я пробую твою слабость, продолжала Маркграфиня, и надѣюсь, что ты можешь себя сохранить отъ ехидной хитрости Елизаветиной мамы, и для того я вѣсть предостерегаю, что ежели невѣста твоя свидаетъ, то уже вы меня прежде шести лѣтъ никакимъ образомъ не увидите. А вамъ осталось только завтра ко мѣѣ приѣхать проститься, ибо я здѣсь жить болѣе не могу, но для иѣкотораго важнаго дѣла отѣѣзжаю въ Дурлахъ, и сего дома вы здѣсь болѣе не увидите.

Въ такихъ разговорахъ пренпровождали всю ночь безъ сна, и какъ насталъ слѣдующій день, то, напившись чаю и кофе, Маркграфиня приказала заложить карету и, отпуская Милорда въ Лондонъ, прощалась съ нимъ со слезами и еще напоминала, чтобы онъ сколько возможно быль терпѣливъ и никому сей тайны не открывалъ. Милордъ клялся наистрашнѣйшими клятвами и увѣрялъ, что онъ скрѣй согласится для нея лишиться жизни, нежели открыть сию тайну. И таѣъ, сѣвъ, поѣхалъ домой и еще разъ простился съ Маркграфинею.

Презъ иѣсколько лѣтъ Милордъ женился на Маркграфинѣ.

Такимъ образомъ Милордъ Георгъ, будучи Бранденбургскимъ герцогомъ, за благоразумное правлѣніе своего владѣнія былъ всегда любимъ всѣми своими подданными, прославилъ имя свое по всей Германиѣ, и доживъ съ премудрою Маркграфинею до самой глубокой старости, къ немалому сожалѣнію своихъ подданныхъ, скончался, прежде Георгъ, а послѣ чрезъ два мѣсяца и Маркграфиня, оставя достойныхъ пре-стола своего наследниковъ.

(1861 г.)

XXXVIII.

Преданіе о томъ, какъ солдатъ спасъ Петра великаго отъ смерти.

быть августъ мѣсяцъ 1718 года. Насмурный день склонился ужъ къ вечеру. Невдалекѣ отъ Петербурга, въ густомъ лѣсу, послышались глухіе звуки охотничихъ роговъ, но и тѣ потомъ совершенно затихли. Въ то же время проходилъ лѣсомъ отставной солдатъ и бормоталъ что-то себѣ подъ носъ;

онъ возвращался въ Петербургъ изъ отпуска.

— Что за дьявольщина! — сказалъ нако-
нецъ солдатъ громко. — Да ужъ не лѣтій
ли водить меня по этому проклятому лѣсу.
Хожу-хожу по нему и никакъ не выберусь
на дорогу... А ужъ время подумать о почлегѣ..

И онъ, продолжая разсуждать, брель
потихоньку. Вдругъ изъ-за деревьевъ выѣ-
халъ всадникъ красивой и величественной
наружности. Онъ одѣтъ былъ въ зеленое
полукафтанье, опоясанное ременнымъ куша-
комъ, съ серебряными бляхами; черезъ
плечо на цѣпочкѣ висѣлъ у него серебрян-
ный рогъ. Это былъ Петръ Великій. По
совѣту бояръ и по просьбѣ царицы онъ
отправился на охоту, чтобы разсѣять свои
мрачныя думы. Охота однакоже въ этотъ
день была неудачная. Государь, преслѣдуя
бѣгущую лань, долго гнался за нею и, нако-
нецъ, когда потерялъ ее совсѣмъ изъ виду,
замѣтилъ, что заѣхалъ слишкомъ далеко и
остался одинъ. Онъ сталъ трубить; вдалекѣ
чуть слышно отвѣчали ему. Государь поѣ-
халъ на звукъ, но не въ ту сторону, откуда
былъ слышенъ рогъ, и совершенно заблу-
дился. Напрасно потомъ онъ продолжалъ
трубить: ему вторило одно только эхо, а
между тѣмъ время клонилось уже къ вечеру.
Проплутавъ нѣсколько времени, онъ нат-

кнулся на солдата. Петръ радъ быль встрѣчъ и заговорилъ съ служивымъ:

— Эй, дядя, куда проѣхать на Питеръ?

Солдатъ взглянуль на Петра и, не узнавъ въ немъ своего государя, отвѣчалъ:

— А кто ее знаеть. Я и самъ вотъ ужъ часовъ пять или шесть хожу по этому чертовскому лѣсу и никакъ не выберусь на дорогу.

— Такъ поѣтому мы съ тобой оба плутаемся?—спросилъ Петръ.

— Да, должно-быть что такъ.

— А ты въ какомъ полку служишь?—спросилъ государь опять солдата.

— Мало ли я въ какомъ служилъ; а теперь числюсь въ Невскомъ,—отвѣчалъ солдатъ.
— А ты изъ какихъ?

— Кто? Я-то?.. Я—царскій охотникъ, а зовутъ меня Григоріемъ,—сказаль государь.

— Царю, видишь ли ты,—продолжалъ онъ,—вздумалось въ этомъ лѣсу поохотиться; я погнался за ланью, да и потерялся. Что же ты, дядя, остановился? Ступай рядомъ съ моей лошадью, намъ двоимъ-то будетъ повеселѣе.

— А я, братъ любезный, хотѣль было прилечь подъ деревцомъ.

— Ну, къ чему же это, дядя! Лучше поѣдемъ, выберемся на дорогу, да тамъ и переночуемъ.

— Пожалуй! — проговорилъ солдатъ и потащилъ свои усталыя ноги возлѣ лошади государя.

Говорунъ-солдатъ болталъ безъ умолку, а Петръ молчалъ и только изрѣдка отвѣчалъ на вопросы служиваго.

Служивый часто посматривалъ на Петра и, замѣтивъ, что онъ очень скученъ, сказаъ:

— Полно, Гриша, ность-то вѣшать, — будь повеселѣе; скучой, братъ, ничему не поможетъ.

— Ты изъ крестьянъ? — спросилъ Петръ служиваго, выходя изъ задумчивости.

— Да, братъ Гриша, изъ крестьянъ; а что?

— Давно ли ты поступилъ въ солдаты?

— Да таки-давненько: года за три до первого похода подъ Нарву.

— А-а! Такъ ты значитъ побывалъ подъ Нарвой?

— Какъ же, бытъ; это мой первый походъ.

— Поучили-таки шведы васть подъ Нарвою, какъ воевать нужно! Вѣдь васть было тридцать тысячъ, а вы дали себя разбить!..

— Э-эхъ братъ, Гриша! Не мудрено было тогда шведу колотить нась! Что мы были за солдаты? Ни въ одномъ сраженіи не бывали и на службѣ-то всего были два года, — совсѣмъ не понимали военнаго дѣла. Ну, да

къ тому же еще и голодали-то мы больно: подвоза провіанта не было! А нѣмцы то и дѣло измѣняли: все перебѣгали къ шведамъ... Зато, вирочемъ, и шведы поплачали-таки отъ насъ подъ Полтавою: мы имъ хорошо показали себя!..

— Ты подъ Полтавой дрался?

— Дрался, да еще какъ патѣнились мы! Отплатили шведамъ на порядкахъ за нашу православную вѣру и царя, отца-нашего.

— А знаешь ли ты царя въ лицо?— спросилъ Петръ служиваго.

— Иль вѣдь что сказать,—еще бы не знать,—отвѣчалъ служивый.—Онъ ростомъ-то повыше тебя будеть, а молодецъ-то какой—чудо! Дай Богъ ему пожить побольше!

— Ну, а скажи мнѣ, служивый,—продолжалъ Петръ:—хорони ли у васъ командиры и довольны ли вы ими?

— Ничего братъ Гриша, довольны; да вѣдь и то сказать: у нашего батюшки-царя никто своего дѣла не забудеть: онъ сразу узнаеть, кто хороши, кто худъ. Ты помнишь, я думаю, когда мы вели войну со шведомъ, Питеръ окружили рогатками. Подлѣ нихъ разставлены были часовые за тѣмъ, чтобъ ни одинъ шведъ не проскользнулъ въ Питеръ да не надѣлать бы чего недоброго. Вотъ въ одну ночь, онъ, нашъ батюшка-

царь, и задумалъ поразвѣдать, вѣрны ли у него часовые. Одѣлся онъ, знаешь, пошведски, да и подошелъ къ одному часовому. „Послушай, говоритъ, служивый, пропусти меня черезъ рогатку: я тебѣ за это дамъ рубликъ“. — „Проходи! крикнулъ часовой, замахнувшись на него кулакомъ. Я съ тебя и пяти не возьму“. — „Ну, вотъ тебѣ десять“, уговариваетъ его Петръ. „Проходи мимо! твердитъ часовой. Не пропущу, а не уйдешь — такъ заколю тебя!“ Государь подошелъ къ другому часовому, сталь и этого просить, чтобы пропустилъ его за рогатку, и за это обѣцалъ дать ему хорошия деньги. Дернулъ чертъ часового: пропустилъ онъ государя за пять рублей черезъ рогатку. На утро, съ барабаннымъ боемъ, новѣстили всѣмъ намъ, что перваго часоваго государь жалуетъ капраломъ и дарить ему десять рублей, а второго приказалъ строго наказать.

И долго потомъ солдатъ разсказывалъ Петру разныя разности, а лѣтъ все не кончается. Напѣтъ служивый вышелъ совершенно изъ терпѣнія.

— Что жъ это такое? Скоро ли же будетъ конецъ этому проклятому лѣсу? Уговорить ты меня, Гриша, идти за тобою, я и послушался, да теперь вижу, что танциться-то

мнѣ не такъ сподручно. Тебѣ хорошоѣ хать-
то, а каково мнѣ пѣхтурой-то плестись?

— Погоди, служивый, ужъ куда-нибудь
да выѣдемъ жс,—сказалъ Петръ.—А если
умаялся ты, то садись ко мнѣ на лошадь.

— И, что ты, Гриша! Я и глядѣть-то
боюсь на лошадей, а не то, чтобы хать на
ней; вѣдь если придется слетѣть съ нея, то
не такъ-то вкусно покажется... Знаешь что,
Гриша: не вкарабкаться ли тебѣ на дерево
да не посмотрѣть ли съ него—нѣтъ ли гдѣ
хоть избушки какой, что ли, хоть огоныка.

— Пожалуй, влѣзу, — говоритъ царь.—
Только ты смотри, дядя, не ускаки отъ меня

— Что ты! Развѣ я разбойникъ какой,
что ли, что я оставлю тебя одного сидѣть
на деревѣ какъ бѣлку! Ужъ если пришлось
намъ мыкаться, такъ вдвоемъ все-таки
веселѣе.

И при послѣднихъ словахъ солдата
государь полѣзъ на дерево, а служивый
взялъ его лошадь подъ уздцы и началъ гла-
дить. Гладилъ-гладилъ коня служивый, да и
радѣлъ рукою за жестянную фляжку, кото-
рая была привязана къ сѣдлу лошади.

— Э,—пробормоталъ служивый, опутивъ
фляжку,—ужъ не съ водкой ли она? Да-
ка откупорю. Э-э-э! съѣдятъ-те мухи! Да
тутъ анисовая! Это славно; ну-ка, попро-

бу, не выдохлась ли? Ухъ! да какая же
важная, стогодовалая! очень хороша, право,
хороша! Взлѣзай, взлѣзай, Гриша, а я здѣсь
за твое здоровье хлебни! — и онъ потянулъ
изъ фляжки.

Междь тѣмъ Петръ ужъ взобрался на вершину дерева и долго въ какомъ-то раздумьи разсматривалъ разныя стороны.

Солдатъ тѣмъ временемъ докончилъ все вино и пустую фляжку повѣсила на прежнее мѣсто.

— Ну что, даетъ ли Богъ? — спросилъ служивый.

— Влѣво видится огонекъ, вѣрно, вѣзучий избушкѣ лѣсничаго, и дорога наша, кажется, идетъ прямо на него,—отвѣчалъ Петръ, и самъ, окинувъ еще разъ взоромъ вокругъ себя, спустился на землю.

Петръ вскочилъ на сѣло и побѣжалъ шагомъ попрежнему; солдатъ пошелъ около лошади.

Скоро между деревьевъ показался просвѣтъ; послышался собачій лай, и черезъ нѣсколько времени служивый съ Петромъ были у каменнаго двухъ-этажнаго дома, построенного по срединѣ небольшой поляны. Въ одномъ изъ верхніхъ оконъ дома свѣтился огонекъ.

— Эге-ге! куда мы попали! — сказалъ служивый. — Ужъ не къ раскольникамъ ли? Это не похоже на избушку лѣсничаго, — это просто барскія хоромы.

Солдатъ сталъ пробовать ворота и калитку и, видя, что все заперто, началъ стучать въ ворота безъ милосердія кулакомъ и ногами; но сколько онъ ни барабанилъ, все было напрасно: на дворѣ ничего не слышно, кромѣ громкаго лая собакъ. Наконецъ и Петръ присоединился къ служивому; стали оба стучать и кричать, чтобы впустили ихъ, но не тутъ-то было: никто не шелъ отворить имъ...

— Да что тутъ черть, что ль, живеть? — говорилъ съ досадою служивый, — или покойники? Что вы, проклятые, думаете? Вы думасте — постучать, постучать, да и прочь пойдутъ. Ихъ, напрасно такъ думать изволите: не отйду отъ дома, пока не отворите; недѣлю буду стучать, мѣсяцъ, сколько силь хватитъ, а ужъ заставлю отворить васъ!

Ну-ка, братъ Гриша, подъѣзжай-ка сюда поближе. Я влѣзу къ тебѣ на лошадь, перемахну черезъ ворота, растворю ихъ, да и впушу тебя съ лошадкой на дворъ; такъ дѣло лучше сдѣлается.

Петръ поставилъ свою лошадь къ самымъ воротамъ, солдатъ взлѣзъ на нее, вскарабкался потомъ на ворота и махнулъ чрезъ нихъ на дворъ; но въ это время правая рука его зацѣпила за гвоздь,—онъ разорвалъ рукавъ мундира и оцарапалъ себѣ руку.

— О, чтобы черти затащили того къ себѣ въ преисподнюю, кто живеть въ этой проклятой берлогѣ! чтобы скрючило вѣсъ, окаянныхъ, въ три погибели!—кричалъ и ругалъ служивый безъ милосердія обитателей дома, и съ бранью онъ уже былъ за воротами.

Пять огромныхъ собакъ бросились на неожиданного гостя и готовы были разорвать его. Служивый выхватилъ свой тесакъ и такъ ловко попотчивалъ одну и другую, что онѣ ушли съ воемъ, истекая кровью, а остальные собаки бросились назадъ. Отпирая ворота, заложенные засовомъ, и откладывая подворотни, служивый бѣсился и бранился безъ милосердія.

— Экіе вѣдь проклятые,—говорилъ онъ, —глухіе черти! Но вашей милости я казен-

ный мундиръ разорвалъ да въ добавокъ еще руку оцарапалъ. Чтобъ на васъ чума на-скла, чтобы вамъ покоя не было!

Петръ въѣхалъ на дворъ. Въ это самое время отворилась дверь дома, и крестьянская баба съ фонаремъ въ рукахъ вышла встрѣчать пріѣзжихъ.

— Просимъ милости,—проговорила она, кланяясь въ поясъ.

— Вѣдьма ты кіевская, чортово ты дѣтище!—накинулся солдатъ на бабу, подбѣгая къ крыльцу.—Что у тебя навозомъ, что ли, кто уини заколотилъ? Битый часъ стучали мы въ ворота, а ты и не слыхала, вѣдьма. По твоей милости, смотри, вотъ разорвалъ я казенный мундиръ да распоролъ руку; но ты со мною даромъ не раздѣласись, стѣдятъ-те мухи: пересчитаю я у тебя кулаками все: ребра!

— Что ты, батюшка служивый, за что такъ осерчалъ па меня, кормилсѧ,—говорила баба, кланяясь солдату.

— И полно, служивый, перестань бранитъся,—сказалъ Петръ, подѣхавъ за солдатомъ къ крыльцу и слѣзая съ лошади.

— Тебѣ, братъ Гриша, хорошо толковать-то, у тебя все цѣло, а я-то какъ съ заплаткою въ полѣ покажусь?—кричалъ солдатъ, размахивая руками.—Чтобы чортъ

сжевалъ тебя, негодную бабу!... Что вы за люди такіе? Говори!

— Не гнѣвайся, кормилець, мы люди бѣдные. Сожитель мой промышляеть въ этомъ лѣсу звѣриной охотой,—отвѣчала крестьянка съ поклономъ въ поясъ.

— Что жъ онъ не выходитъ встрѣчать насть, съѣдять-те мухи?

— Не бывалъ еще съ охоты, батюнка,—продолжала баба.

Петръ съ солдатомъ началь разсѣдливать лошадь. Государь отвязаль отъ сѣдла фляжку и хотѣть было положить ее за пазуху, но, почувствовавъ ея легкость, проговорилъ:

— Экій ты, братъ служивый! всю фляжку очистилъ, хоть бы глотокъ оставилъ.

— Не прогибайся, братъ Гриша,—сознался служивый,— поздравилъ тебя, какъ влѣзъ ты на сосну.

Хозяйка стала запирать ворота, а Петръ взопрѣль на крыльце и, отворивъ дверь, вступилъ въ теплую довольно обширную сѣни. Дверь направо отворилась, и изъ нея вышла встрѣчать гостей молодая крестьянская девушка со свѣчкой въ рукахъ.

Девушка очень хорошенъкая лицомъ, молча поклонилась гостямъ и просила ихъ, указывая рукою, въ большую бѣлую избу.

Петръ вошелъ въ избу, снялъ съ головы шляпу и, помолясь на образъ, сѣлъ на лавку.

Въ это время вошелъ и солдатъ; онъ стащилъ съ своей головы шапченку и, помолясь на образъ, закричалъ хозяйкѣ:

— Эй, ты, косматая, заней миѣ мундиръ, а не то я тебѣ задамъ перцу; а ты, красавица нарядная, приготовь-ка намъ хорошень-каго чего-нибудь поужинать,—продолжалъ служивый, обращаясь къ хозяйствкѣ дочери.

Петръ нѣсколько времени сидѣлъ съ опущеною головою, но потомъ онъ поднялъ се и проговорилъ:

— Хозяйка! дай-ка миѣ чего-нибудь выпить да закусить; а ужинать миѣ что-то не хочется.

Хозяйка, идущая за иглою, остановилась и, поклоняясь, произнесла:

— Не прогнѣвайтесь на меня, отцы мои родные, нечего миѣ дать вамъ выпить. Что было простаго вина — все взялъ мой хозяинъ съ собой на дорогу; да нынче я для двухъ настъ и кушанья-то не готовила; сама съ дочерьюѣла вчерашнія ци да кашу.

— Что, что? Ахъ, ты, старая кочерга! — кричалъ солдатъ. — Быть не можетъ, что-бы у тебя не было вина да чего нибудь съѣстнаго.

— Ничего нѣтъ, отцы мои, ничего, —

увѣряла старуха, — хоть сами въ печкѣ обыщите.

— Ну, да ладно, ладно; запирай мой мундиръ-то, а тамъ я самъ распоряжусь обѣ осталыномъ.

Баба зашила рукавъ. Служивый бодро вскочилъ со скамейки, сталъ среди избы и громко закричалъ на хозяйку:

— Такъ что жъ ты, съѣдяты-те мухи, старая, смѣяться что ли надъ нами вздумала? Говори — гдѣ спрятано у тебя съѣстное. Сейчасъ подавай его! Ты знаешь ли, кто мы? Я — первый солдатъ батюшки-императора Петра Алексѣевича, а этотъ — самый любимый его охотникъ! Гдѣ хочешь вѣзьми, а давай намъ вина и закуски.

Въ подтвержденіе угрозы солдатъ обнажилъ свой тесакъ.

— Отецъ родной, не губи меня, помилуй! Право, нѣтъ ничего! — завопила дико хозяйка, бросившись въ ноги служивому.

Въ это время дочь хозяйки, стоявшая поодаль и блѣднѣвшая все болѣе и болѣе, при страшномъ возгласѣ солдата вдругъ бросилась къ поставцу, находившемуся подъ образомъ. Солдатъ замѣтилъ это, и вложилъ тесакъ въ ножны и бросился къ поставцу, но тотъ былъ запертъ. Служивый схватилъ топоръ, мигомъ сбить замокъ, отворилъ

поставецъ—и что же? Въ поставцѣ, на полкахъ, лежали и жареная говядина, и ветчина, и гусь, и полная склянка вина, вышиною въ штофъ. Солдатъ вытащилъ пробку изъ склянки, понюхалъ, хлебнулъ.

— Э, донская водка, славно! Ну, ёдятъ-те мухи, какое раздолье!—вскричалъ онъ, весело посматривая на поставецъ, наполненный разными разностями.—Ахъ, ты, вѣдьма, для кого это оставляла, припрятала? Какъ еще у тебя глазенки-то могутъ смотрѣть, окаянная!

Продолжая ругать хозяйку, солдатъ принялъся таскать на столъ все, что было въ поставцѣ. Петръ улыбнулся, глядя на хозяйничество служиваго; но хозяйкѣ было не до того: она злобно посматривала на солдата, который теребилъ ветчину.

Съ улыбкой самодовольства сѣлъ потомъ служивый за столъ, наполненный съѣстнымъ.

— Тыфу ты, съѣдять-те мухи! Какой у насъ теперь славный ужинъ! Ну-ка, братъ Гриша, откупоривай склянку да наливай себѣ и мнѣ донской-то!

— Наливай-ка ты самъ,—отвѣчалъ Петръ, кивнувъ головой на склянку.

Вмѣсть чарки наполнены. Петръ и солдатъ взяли ихъ въ руки и, осушивъ до дна

принялись крестясь ужинать. Петръ было очень мало,—не выходилъ изъ своей задумчивости, но за то солдатъ оплеталъ за десятерыхъ.

Окончивъ ужинъ и поблагодаривъ Бога, Петръ по прежнему сидѣлъ, опершись на руки головою, а служивый, обращаясь къ хозяйкѣ, спросилъ:

— Ну, хозяйка, гдѣ бы намъ съ Гришою лечь спать-то?

— Да ложитесь въ избѣ, гдѣ вамъ вздумается.

— Лечь-то не мудрено—здѣсь есть гдѣ, да пріѣдетъ съ охоты твой мужъ, разбудить насъ, а намъ надо завтра ранехонько въ походъ. А что у тебя въ этой каморкѣ? Для чего ты въ нее дверь-то запираешь?

— Разный соръ, отецъ мой,—отвѣтала хозяйка, измѣнившись въ лицѣ.

Солдата подстрекнуло любопытство; онъ взялъ со стола свѣчку, подошелъ къ затворенной двери, толкнулъ ее ногою—и она отворилась. Солдатъ вошелъ въ каморку; это была другая просторная комната; въ ней было страннѣйшее безпорядокъ: на стѣнахъ висѣли ружья, сабли, книжаты; множество окровавленныхъ и разныхъ другихъ вещей валялось на полу кучами. Солдатъ смыслилъ, что дѣло не ладно.

„Ну, ёлять-те мухи! — думалъ онъ, — попали же мы съ Гринею къ людямъ-то кажется недобрымъ. Что дѣлать? Отправиться изъ этого проклятаго притона мошенниковъ теперь нельзя: какъ разъ попадемся въ руки хозяина, о которомъ говорила хозяйка; что онъ въ дорогѣ. Впрочемъ, постой, — разсуждалъ служивый, — поднимусь я на хитрость... Такъ и быть, переночуемъ въ этомъ логовицѣ!“

Солдатъ поспѣшилъ выскочить изъ этого покоя въ прежний и, не выдавая никакъ своихъ подозрѣній, предложилъ Гринѣю отправиться спать на чердакъ.

— Какъ и куда знаешь, служивый — отвѣчалъ Петръ. — Только бы поскорѣе лечь, потому что миѣ право спать хочется.

Служивый втащилъ на чердакъ ворохъ сѣна; за нимъ вѣзъ съ трудомъ и Петръ.

Шагая черезъ перекладины, солдатъ съ Петромъ выбрали въ сторонкѣ мѣсто и разостлали на немъ сѣно. Петръ окрестилъ свое ложе, перекрестился три раза и, проговоря солдату: „Ложись, служивый!“ — легъ и скоро заснулъ.

— Спи съ Богомъ, Гриша, — сказалъ служивый тихо, услышавъ хранъ Петра. — Ты, братъ, и не знаешь, что мы попали съ тобою въ недоброѣ мѣсто. А я не буду спать

всю ночь, а то, пожалуй, и голову проспишь!

Ночь была лунная. Служивый подошел къ открытому окну и сталъ смотрѣть въ него. Вдругъ послышался ему въ лѣсу гамъ и свистъ; онъ началъ прислушиваться,—сталъ слышаться и конскій топотъ, все ближе и ближе.

„Ну,—думаетъ служивый,—плохо приходитъ намъ: .кажись, разбойники, .ѣдутъ. Надо подняться на хитрости—перехитрить ихъ, проклятыхъ“.

Служивый отошелъ отъ окна и, сойдя съ лунного свѣта въ темноту, сталъ глядѣть на дворъ. Видѣть—ворота отворились, и пятеро пьяныхъ мужиковъ съ страшными ругательствами въѣхали верхомъ на дворъ.

— Тише, тише! — закричала имъ хозяйка.—У насъ въ тенета попались два звѣря: одинъ-то солдатъ, взять у него, .кажись, нечего, только озорникъ такой, что и Господи упаси,—чуть не убить меня, окаянный, и все поѣть, что вамъ было приготовлено; зато отъ другого можно поживиться: у него есть, должно-быть, деньги; на немъ и рогъ-то, .кажись, серебряный.

— Гдѣ они? — хрипло спросилъ первый голосъ.

— Спать на чердакѣ, я сю минуту слышала,—они оба хранятъ крѣпко.

— Ну, о нихъ толковать нечего,—они не уйдутъ отъ насть; напередъ уберемъ лошадей, поужинаемъ да тогда уже и велимъ имъ шеи протягивать.

„Вотъ-те и на! — думаетъ солдатъ.— Такъ вотъ куда мы попали. Господи, прости грѣхи наши и спаси насть!“

Служивый обнажить свой тесакъ и, держа его обѣими руками, сталь подѣлъ творила и думаетъ только: „Господи помоги и избавь отъ смерти!“

Разбойники отворили дверь въ избу, вошли въ нее и оставили дверь непрятвореною.

Старуха начала собирать имъ ужинъ.

— Да что мы въ самомъ дѣлѣ, бачка,— сказалъ одинъ изъ разбойниковъ, обращаясь къ отцу своему,—на что оставили за-лѣтныхъ-то итичекъ до той поры, пока отужинаемъ? Вы будете тутъ, а я, покамѣстъ собираюсь на столъ, слазаю да покончу ихъ.

— И дѣло вздумать! отвѣчалъ отецъ, взбираясь на печь.

— Оѣдька! ідай-ка мнѣ свой сножъ; мой, дьяволъ, иступился!—проговорилъ прежний голосъ.

— Да ты, Аѳонька,— сказалъ отецъ,— возьми съ собою и топоръ; не ровенъ часъ, начнутъ барахтаться, такъ чтобы было чѣмъ пришибить.

Служивый, сидя на корточкахъ, занесь острый свой тесакъ и въ такомъ положеніи сталъ ждать появленія разбойника.

Тотъ не замедлилъ—идетъ, и лишь только безобразная голова разбойника показалась на чердакѣ, солдатъ взмахнулъ тесакомъ—и голова разбойника отлетѣла въ сторону, а туловище покатилось по лѣстницѣ, стукаясь о ступени; и катясь такимъ образомъ, туловище откатилось въ самый уголъ сѣней.

Солдатъ перекрестился и сталъ ждать другого разбойника.

— Экой дьяволъ этотъ Аеноыка, какого черта онъ съ ними калякаетъ? Нелѣбы ужинать,—сказалъ отецъ разбойниковъ, садясь за столъ.—Поди-ка, Федюха, къ нему слазай да тащи его ужинать.

Отправился Федюха на чердакъ. Служивый сидитъ, поджидаетъ его; но и этотъ чуть только просунулъ голову, солдатъ цапъ его по загривку—и у этого отлетѣла башка. Кровь брызнула въ лицо служивому, а безголовый трунъ покатился къ первому.

Солдатъ перекрестился:

„Ну,—думаетъ,—слава тебѣ, Господи, теперь ихъ трое: все легче справляться какъ съ пятерыми“.

Полѣзъ на чердакъ третій разбойникъ,

Оська, но и этого постигла такая же участь, какъ и двухъ первыхъ.

— Да что же они, проклятые, смѣяться, что ли, надо мнай хотятъ? — проговорилъ отецъ, и самъ отправился на чердакъ.

Служивый ужъ ждалъ, и вотъ старикъ, схватясь за верхнія ступени, высунулъ голову; взмахъ тесака — и голова стараго разбойника отлетѣла въ сторону.

Остался одинъ только разбойникъ Триника. Онъ ждалъ своихъ и потащился по лѣстницѣ на чердакъ. Солдатъ смѣло въ пятый разъ занесъ тесакъ — и этого какъ-не бывало.

— Ну, слава тебѣ, Господи! Ты помиловалъ насть, избавилъ отъ неминуемої смерти! — вскрикнулъ солдатъ, вздохнувъ свободнѣе.

Тутъ разбудилъ онъ Петра и рассказалъ ему о своихъ расчетахъ съ разбойниками.

— Что же ты не разбудилъ меня? — спросилъ удивленный Петръ.

— Побоялся, братъ, что ты, погорячась, испортишь все дѣло.

Петръ благоговѣйно возвелъ взоръ благодаренія къ небу, потомъ обнялъ и поцѣловалъ служиваго.

— Ну, служивый, отплачуй я тебѣ когда-нибудь добромъ за то, что ты спасъ ме-

ня отъ смерти. Да всѣ ли тутъ разбойники?— спросилъ Петръ.

— Всѣ, всѣ, братъ Гриша; тамъ остались только двѣ бабы: мать съ нѣмою дочкою.

— Ну такъ пойдемъ же, служивый, внизъ,— проговорилъ Петръ, вынувъ изъ-за пояса небольшой заряженный пистолетъ и взводя курокъ.

— Пойдемъ пойдемъ, Гриша! Ну; приму же я эту бабу. Теперь она покажеть мнѣ не только гдѣ скоронила съѣстное, а и гдѣ спрятана у нихъ казна награбленная?

И онъ снова замахалъ тесакомъ.

Петръ и солдатъ снустились въ сѣни.

Хозяйка и дочь поблѣдѣли отъ ужаса.

— Отцы родные помилуйте, отпустите душу на покаяніе!—завопила старуха, падая на колѣни.

— Такъ вотъ какимъ звѣринымъ ловомъ вы промышляете!—закричать солдатъ.—Говори, змѣя подколодная есть ли кто у васъ еще изъ мужиковъ, кромѣ четырехъ сыновей и мужа?

— Кромѣ нихъ никого; отцы родные, ни единаго человѣка!—вопила старуха.

— Говори, давно ли занимаешься этимъ ремесломъ:

— Двадцать лѣтъ.

— Нѣтъ ли еще у васъ товарищѣ?

— Нѣтъ, отецъ родной, видитъ Богъ, нѣтъ. Были версты за двѣ отселѣ, да вотъ ужъ лѣтъ пять какъ они переловлены.

— Ну, — вскричалъ солдатъ, — бери ключи да показывай, гдѣ лежитъ ванна казна, что награбили, убивая людей.

— Все покажу, родимый, все себѣ возьми, только нѣ убивай меня, дай отмолить мнѣ грѣхи мои.

Баба отворила дверь на крыльце и, со свѣчей и ключами въ рукахъ, сошла на дворъ, а за нею и служивый съ Петромъ.

Хозяйка подвела къ кладовой Петра и служиваго, отперла желѣзный замокъ и сошла въ сухой погребъ.

— Ты братъ Гриша, не ходи, погоди немного, — сказалъ солдатъ Петру, — а то она, проклятая, пожалуй, и припретъ насть.

— Не бойся, не пойду, — отвѣчалъ Петръ, останавливаясь у входа.

Спустяясь съ хозяйкою въ подвалъ, солдатъ изумился: по стѣнѣ стояли боченки съ золотомъ и серебромъ, и разныя дорогія вещи валялись по каменному полу погреба.

— Ухъ, съѣдятъ-те мухи, сколько богатства-то! вскричалъ солдатъ. — Ну, нечего сказать, вѣрно тьму-тьмующу загубили душъ-то христіанскихъ.

Петръ изъ любопытства нагнулся въ

погребъ; въ это время раздался выстрѣль— и пуля пролетѣла мимо уха Петра. Онъ обернулся назадъ. На крыльцѣ стояла какъ окаменѣлая дочь хозяйствки, и въ ея рукахъ дымился пистолетъ. Въ это мгновеніе изъ рукъ Петра солдатъ выдернулъ пистолетъ и спустилъ курокъ; раздался выстрѣль, а за нимъ со стономъ повалилась на землю нѣмая.

При первомъ выстрѣль хозяйствка быстро бросилась было изъ погреба, но солдатъ предупредилъ ее, и когда, раздался второй выстрѣль, а за нимъ стонъ дочери,— баба грязнулась на землю.

Петръ подошелъ къ нѣмой, взялъ ее за руку: она была холодна и тяжела.

— Пойдемъ, братъ Гриша,— проговорилъ солдатъ,— хоть и жаль нѣмой, да ну ее,— яблоко отъ яблони недалеко упало. Пойдемъ, только вотъ я нагребу себѣ золота, а потомъ ты нагребешь себѣ.

— Слушай, дядя, — сказалъ Петръ: — Ты бери себѣ сколько хочешь, а мнѣ не надо; лучшее уѣдемъ поскорѣе.

— Пожалуй, поѣдемъ.

И солдатъ, наполнивши свои карманы, фуражку и голенище золотомъ—даже и на грудникъ набилъ имъ,— отправился съ Петромъ изъ дома. Петръѣхалъ, а солдатъ по прежнему шелъ около его лошади.

Еще не разсвѣтало когда солдатъ съ Петромъ выбрались на большую дорогу; они обернулись назадъ и надъ лѣсомъ увидели ужасное зарево.

— Ну братъ Гриша,—сказалъ солдатъ,— это вѣрно горитъ нашъ дьявольскій ночлегъ.

— Да,—отвѣчалъ Петръ, —вѣрно онъ. Ну, дядя, прощай! Ты теперь и одинъ найдешь дорогу,— не опасно.

Тутъ Петръ, разспросивъ подробно солдата, где онъ служитъ, и обнявъ его, приказалъ непремѣнно приходить въ дворецъ и спросить охотника Гришу. Царь побѣхалъшибче, а солдатъ пустился въ деревню, напѣвая какую-то пѣсню. Долго шелъ онъ, наконецъ пришелъ къ кабаку и спросилъ себѣ вина и солянку; ему подали.

— Ну, сѣѣдятъ—те мухи! Денегъ-то сколько вамъ за все?—спросилъ солдатъ.

— Ничего не надо, —отвѣчалъ. —Благодарю, низко кланяясь.

— Да у меня сѣѣдятъ—те мухи, деньги-то есть.

Онъ бросилъ имъ нѣсколько золотыхъ монетъ и, надѣвъ фуражку, вышелъ изъ кабака.

Наконецъ подошелъ солдатъ къ гауптвахтѣ; солдаты отдали ему честь.

— Ахъ, съѣдять-те мухи! Ужъ всѣ узнали, что у меня деньги есть.

И онъ бросилъ имъ двѣ горсти золота на водку и пошелъ далѣе.

Вдругъ ему попались какіе-то двоес, и онъ пригласилъ ихъ въ кабакъ выпить; пиль-пиль, да и напился служивый такъ, что и заснулъ; а когда проснулся, то увидѣлъ что лежитъ въ великолѣпныхъ покояхъ; платье на немъ то же, а голова трещитъ съ похмелья. „Значитъ, это сонъ“, думаетъ служивый. И началъ вспоминать свое вчерашннее приключеніе.

— Гдѣ, братъ, я нахожусь?—спросилъ онъ шедшаго мимо него лакея.

— Во дворцѣ,—отвѣчалъ тотъ,—у твоего пріятеля Гриши.

— Ахъ, съѣдять-те мухи! Это хороню; а могу я повидать его?

— Пойдемъ.

Слуга повелъ по комнатамъ служиваго.

Солдатъ шелъ: ему попадалось множество придворныхъ, и всѣ они съ любопытствомъ глядѣли на солдата. Когда же лакей повелъ его по лѣстницѣ въ главный этажъ дворца, мимо бравыхъ караульныхъ солдатъ, служивый испугался и говорить:

— Куда же ты вѣдешь меня, добрый че-ловѣкъ?

покои; вотъ и пріемная, гдѣ стоять много разныхъ генераловъ. Вдругъ, окруженный важными особами, вышелъ изъ ближайшей комнаты государь... Солдатъ испугался, когда узналъ въ царѣ вчерашняго Гришу, повалился ему въ ноги и тихо проговорилъ:

— Государь, помилуй!

— Встань!—сказалъ императоръ, и самъ поднялъ служиваго.

Солдатъ вытянулся передъ Петромъ.

— Благодарю тебя,—продолжалъ императоръ служивому:—ты спасъ мнѣ жизнь; за это поздравляю тебя капраломъ Невскаго полка. Поѣзжай тотчасъ же съ подводами и отрядомъ на нашъ ночлегъ, забери все, что есть, да донеси мнѣ объ оставшейся хозяйкѣ; а если она жива—привези и ее сюда.

Солдатъ снова повалился императору въ ноги и благодарили за милость.

Часа черезъ четыре новый капралъ съ тремя подводами и отрядомъ выѣхалъ изъ лѣсу по знакомой намъ дорогѣ на долину, гдѣ вчера ночевали; но на мѣстѣ дома дымились только головы и лежали два обгорѣвшія трупа женинъ. Приказавъ командѣ сбирать, что было, служивый съ нѣсколькими бочонками золота возвратился вечеромъ въ Петербургъ и сдать ихъ въ казну.

На другой день Петръ Великій пожаловалъ офицеромъ нашего служиваго и подарилъ ему полбоченка золота.

Даря золото новому офицеру, императоръ подалъ ему рубль и промолвилъ:

— Знай пословицу: кто рубля не бережеть, тотъ самъ гроша не стоитъ.

Нашъ новопожалованный офицеръ вызвалъ жену свою съ дѣтьми изъ деревни и, служа вѣрою и правдою государю Петру Алексѣевичу, никогда не былъ имъ забытъ.

(1862 г.)

XXXIX.

Исторія о Францылѣ Венціанѣ.

авно тому назадъ въ Гиннанскомъ королевствѣ былъ король, именемъ Брамбусъ, славный во всѣхъ государствахъ и храбрый въ воинскомъ дѣлѣ. Онъ былъ женатъ на прекрасной Зенгилеѣ и жилъ съ нею въ любви и согласіи; но женитьбѣ его, на третъемъ году, родилась у нихъ дочь Ренцывена. Король Брамбусъ и королева Зенгилея весьма тому радовались.

Король приказалъ во всемъ городѣ

растворить трактиры и погреба, также и питейные дома для всякаго званія народа, за здравіе новорожденной королевны Ренцивны.

Празднество было не только въ столичномъ городѣ, но и во всемъ его королевствѣ. Король Брамбеусъ приказалъ королевну Ренцивену воспитывать какъ можно лучшe,

Въ то время при дворѣ его былъ князь Фридоръ, сильный и храбрый въ воинскомъ дѣлѣ.

Король Брамбеусъ любилъ и жаловалъ князя Фридора за благородство и храбрость его. Фридоръ имѣлъ у себя жену прекрасную, именемъ Ксанфиду, и жилъ съ нею въ любви. Онъ получилъ отъ нея сына, который во время своего рожденія вскричалъ три раза громкимъ голосомъ; волосы на головѣ его были сплетены на подобіе короны, а на рукахъ имѣлъ онъ знаки: на правой руцѣ подобіе меча, а на лѣвой подобіе копья,

По рожденіи его князь Фридоръ призвалъ къ себѣ астрологовъ и мудрецовъ и сказалъ имъ, какъ его сынъ родился и при какихъ обстоятельствахъ. Тогда астрологи сказали:

— Благородный князь Фридоръ! первое знаменіе на сынѣ твоемъ, что на головѣ его волосы на подобіе короны, это озна-

чаетъ, что сынъ твой будетъ носить корону. На рукахъ его знаки: мечъ и конь, значить, что сынъ твой будетъ великий и сильный воинъ; третье, что онъ вскричалъ очень громко, это—пройдетъ объ немъ великая слава во всѣхъ королевствахъ, но все-таки ты получишь чеrezъ него великую печаль.

Князь, услышавъ столь важные предсказанія, спросилъ:

— Какую я буду имѣть печаль?

Ему отвѣтствовали:

— Ты будешь въ разлукѣ съ своимъ сыномъ долгое время и не будешь получать объ немъ никакого извѣстія.

Тогда Фридоръ сказалъ на это:

— Я положусь въ томъ на Бога, а за ваши предсказанія благодарю.

И дарилъ имъ великими дарами и отиustилъ съ честію. Сыну нарекли имя Венціанъ. У князя Фридора было великое нирование; самъ король былъ у него на банкетѣ съ королевою. Они веселились цѣлый день, а на утро князь Фридоръ, призвавъ къ себѣ мамушку и кормилицу, сказалъ сначала кормилицѣ:

— Храни моего сына, за что я тебя буду жаловать.

Потомъ сказалъ мамушкѣ:

— А ты, мамушка, имѣй за сыномъ моимъ

самый тщательный уходъ и наблюдай за нимъ.

И подарилъ ихъ великими дарами.

Венціанъ сталъ подрастать, и, когда ему минуло семь лѣтъ, тогда князь Фридоръ послалъ его во французское королевство въ воинскую науку на семь лѣтъ.

Венціанъ, проживъ семь лѣтъ во французскомъ училище, обучился всѣмъ рыцарскимъ наукамъ. Онъ выѣзжалъ на многіе поединки со многими славными кавалерами и храбрыми рыцарями, только никто не выискался, чтобы могъ стоять противъ него, ни силою ни искусствомъ. Инспектора и кавалеры французского военного училища, видя Венціанову силу, дали ему кавалерію и за подицію своихъ рукъ похвальный листъ; при томъ приложили ему второе имя, т. е. Франціль-Венціанъ. Они описали о немъ по многимъ королевствамъ и прославили его добрымъ и знаменитымъ кавалеромъ, рекомендуя всякаго чина людямъ почитать его по достоинству и оказывать ему должное уваженіе и честь.

Междуд тѣмъ въ Гиннаніи королевна Ренцівена пришла въ возрастъ пятнадцати лѣтъ и прославилась уже своею красотою во многихъ королевствахъ. Она услышала, что на Мальтійскій островъ сѣѣзжаются изъ

разныхъ государствъ храбрые и славные рыцари биться на поединкахъ за честь прекрасныхъ особы, и вздумала послать свой портретъ на Мальтийскій островъ.

Для этого она позвала къ себѣ тайно знаменитаго художника и приказала синать съ себя портретъ; затѣмъ приказала сдѣлать изъ чистаго золота рамку съ драгоцѣнными каменями, такъ что этотъ портретъ стоилъ триста тысячъ. При этомъ она написала листъ на Мальтийскій островъ:

„Ежели кто, славный и храбрый кавалеръ и честью достоинъ меня, выйдя за честь мою и красоту на шашный поединокъ, побѣдить соперника своего, тотъ портретъ мой возьметъ себѣ; но, взявъ его, пріѣзжалъ бы въ наше Гишинанское королевство, гдѣ можетъ видѣть подлинникъ онаго портрета“.

Послѣ этого она призвала къ себѣ маршала, именемъ Флоренса, и сказала ему:

— Вѣрный мой маршалъ! поѣзжай на островъ Мальту и тамъ поставь этотъ портретъ на амфитеатрѣ, гдѣ боятся храбрые рыцари за честь и красоту нашу. Тотъ, кто будетъ побѣдителемъ, пусть владѣеть этимъ портретомъ; ты передай ему мое кольцо и пригласи въ наше королевство.

Маршалъ выслушалъ приказаніе королевны и отправился на островъ Мальту. Въ

то же время Францъль-Венціанъ, наслышавшись, о предстоящихъ поединкахъ на островѣ Мальтѣ, отправился туда.

Какъ скоро онъ увидѣлъ портретъ королевны, то первый пожелалъ сразиться за нея. Противъ него выходило до трехсотъ самыхъ знаменитыхъ рыцарей, желавшихъ тоже овладѣть портретомъ; но искусство, храбрость и сила Венціана надъ всѣми взяла верхъ.

Судомъ всѣхъ мальтійскихъ кавалеровъ портретъ королевны Ренцівены присуждень бытъ ему; а маршалъ Флоренсъ, послѣ окончанія поединокъ, подошелъ къ Францълю и, спросивъ его, откуда онъ, какого рода, поднесъ ему кольцо королевны, преглядая возвратиться въ отчество.

По окончаніи поединокъ Францъль-Венціанъ побѣжалъ въ Гиннанское королевство къ своимъ родителямъ.

Князь Фридоръ и княгиня Ксанфида, узнавъ о пріѣздѣ своего сына, поспѣшили поѣхать къ нему на встречу и со слезами радости обнимали его. Князь Фридоръ тотчасъ побѣжалъ къ королю Брамбеусу съ извѣстіемъ о пріѣздѣ сына и съ приглашеніемъ быть у него со всѣмъ семействомъ на балу, который онъ хотѣлъ дать въ честь своего сына.

Король милостиво принялъ приглашеніе
своего князя и обѣщался бытъ.

На другой день къ вечеру домъ
князя Фридора бытъ великолѣпно освѣщены;
комнаты были полны гостями, между кото-
рыми не прерывался разговоръ о сынѣ
хозяина Францѣль-Венціанѣ; всѣ удивлялись
его мужественной осанкѣ и красотѣ. Нако-
нецъ, прѣѣхать король съ супругою и до-
черью, прекрасной Ренцывеною, которые
были встрѣчены княземъ Фридоромъ и Фран-
цилемъ съ подобающимъ почетомъ и ува-
женіемъ.

Король ласково началъ говорить съ
Венціаномъ, разспрашивалъ, гдѣ онъ бытъ
и гдѣ отличался, потомъ стала звать его
къ себѣ служить и бытъ рыцаремъ при
дворѣ. На это приглашеніе Францѣль от-
вѣчалъ уклончиво.

Между тѣмъ Ренцывена, зная отъ сво-
его маринала, кто обладаетъ ся портретомъ
и кольцомъ, со вниманіемъ разматривала
Францѣля-Венціана, и ся дѣвическое сердце
почувствовало то неизъяснимое чувство,
которое мы называемъ любовью; искри ся
алѣли, и глаза опускались внизъ, когда на
нее взглядалъ Францѣль, который тоже
подчинился вліянію красоты Ренцывены и
горѣть желаніемъ съ неї поговорить.

Наконецъ, эта минута настала; музыка звяграла, и всѣ присутствовавши начали танцевать. Францыль, пригласилъ королевну и, взявъ ее за руку, повелъ на мѣсто.

Во время антрактовъ Францыль, разговаривая съ Ренцивеною, рассказалъ ей о своемъ поединкѣ на островѣ Мальтѣ и въ довериеніе всего признался ей въ любви, прося ея взаимности.

Но тутъ не нужно было словъ со стороны ея,— блеставшиѣ глаза и пылающія щеки Ренцивены яснѣе словъ говорили, что она любить... Легкія пожатія пхъ руکъ не прерывались и тѣмъ болѣе раздували любовный пламень въ ихъ сердцахъ.

Наконецъ балъ окончился, всѣ гости и король съ семействомъ, поблагодаривъ хозяевъ, разѣхались по домамъ.

Францыль, вставъ утромъ, пошелъ прямо къ отцу своему и матери и, отдавъ имъ сыновнѣе почтеніе, началъ говорить:

— Государь мой батюшка! пропу васть, поѣзжайте къ его королевскому величеству и просите у него, чтобы онъ отдалъ дочь свою за меня въ замужество; а ежели вы не исполните моего желанія, то на другой же день не увидите меня въ здѣшнемъ королевствѣ.

Князь Фридоръ, жалѣя сына своего,

скоро одѣлся и, взявъ похвальный листъ Францыля, сказалъ ему:

— Ну, сынъ мой любезныї, ежели не угодно будетъ прощеніе мое его королевскому величеству, то я знаю, что съ этихъ поръ будетъ злосчастна наша жизнь.

Когда Фридоръ прѣѣхалъ къ королю, то вынувъ пинагу и положилъ ее предъ нимъ, а самъ сталь на колѣни и сказалъ:

— Великій король! я прѣѣхалъ къ вашему величеству, первое, объявить о сынѣ своемъ, другое—просить величайшей для меня и важной для насть милости; если не угодно будетъ прощеніе мое вашему королевскому величеству, то прошу, по крайней мѣрѣ, помиловать меня отъ смерти.

Сказавши это, онъ подалъ ему Францыля въ похвальный листъ. Король принялъ листъ и, поднявъ князя за руку, сказалъ ему:

— Благородный князь Фридоръ! для чего ты такъ предо мною низко себя ставишь и какое до меня имѣніе прощеніе? Все то, что тебѣ отъ меня надобно, для тебя будетъ сдѣлано.—Потомъ король прочиталъ листъ и сказалъ ему:—Я душевно радъ и желаю такого славнаго и храбраго кавалера имѣть въ своей державѣ.

Король при этомъ не понялъ, что этотъ листъ сына князя Фридора, Венціана, пото-

му что въ листѣ было написано: Францыль-Венціанъ. Потомъ князь Фридоръ сказалъ:

— О, ваше величество, великий король Брамбеусъ! я ирону у ваше го величества дочери вашей, прекрасной королевны Ренцывены, въ законную жену сыну моему Францылю-Венціану.

Лишь только усилѣть король услышать эту просьбу, въ одинъ мигъ лицо его приняло мрачное выраженіе; и онъ съ неудовольствіемъ взглянуль на князя и выслать его вонъ, чтобы онъ ко двору его величества не ъздилъ.

Князь Фридбръ пріѣхалъ въ домъ свой и, призвавъ къ себѣ Венціана, сказалъ ему:

— О, возлюбленный мой сынъ Венціанъ! ъздилъ я сейчасть къ королю и прошеніе твое исполниль, но желанія твоего не получилъ, а себя отъ королевскаго величества навѣкъ отлучилъ. Отстань, мой другъ, отъ этого намѣренія, и ищи себѣ другую незѣсту, подобную красотой королевнѣ Ренцывенѣ.

— Государь мой батюшка! ежели насть Богъ не разлучитъ, то человѣку разлучить невозможно.

Послѣ этого Францыль сталъ собираться въ дорогу и, несмотря на просьбы своихъ родителей, со слезами на глазахъ про-

стился и уѣхалъ, пославъ предварительно письмо къ Ренցиенѣ, въ которомъ объяснилъ ей все происшедшее у ся родителя и просилъ не забывать его и быть въ надеждѣ на соединеніе.

Франціль-Венціанъ отправился путешествовать, но во время плаванія на кораблѣ попался въ руки разбойниковъ, которые продали его въ Турцію. Турецкій султанъ взялъ его къ себѣ на службу за то, что онъ оказалъ замѣчательное геройство и храбрость на бывшемъ въ Константинопольѣ турнирѣ и этимъ заслужилъ любовь и дружбу самого султана.

Во время его пребыванія въ Турціи персидскій шахъ объявилъ войну, и войска его стали разорять турецкія владѣнія, предавая все огню и мечу.

Султанъ, въ страхѣ, собралъ совѣтъ, на которомъ и положено было собрать какъ можно скорѣе войско, а главную команду вручилъ, уже заслужившему своею храбростью и геройствомъ извѣстность, гиннанскому рыцарю Францілю-Венціану.

Франціль, получивъ власть, вполнѣ оправдалъ сдѣланное ему довѣrie.

Вторгнувшись въ предѣлы персидскіе, онъ разбилъ высланное противъ него войско храбрыхъ амазонокъ, а предводительницу

ихъ, славную и знаменитую своею храбростю и мужествомъ амазонку Лютру, собственно руочно предалъ смерти.

Шахъ персидскій, узнавъ о пораженіи амазонскаго войска, тотчасъ приказалъ собрать новое и послать его противъ Франциля подъ предводительствомъ храбраго богатыря Зміулана. Но и это ничего не помогло,—Зміуланъ потерпѣлъ одинаковую участъ Лютрой.

Войско его все было разбито, и онъ самъ погибъ отъ меча Франциля.

Послѣ этого шахъ до того испугался, что послалъ своихъ вельможъ въ станъ турецкій съ изъявленіемъ покорности, обѣщаю-
сь вѣчно платить султану дань и безире-
косновно исполнять его требованія. Сдѣлавъ
это условіе, побѣдоносный Франциль воз-
вращался въ Турцію. Радостные крики на-
рода, роскошная встреча и выѣздъ самого
султана къ нему, чинъ старшаго визиря,
громадная сумма денегъ въ подарокъ были
създѣствіемъ побѣды для Франциля. Увѣн-
чанный лаврами, Венціанъ вѣхалъ въ сто-
лицу, сидя въ каретѣ рядомъ съ султаномъ,
который, обнимая его, не зналъ, какъ вы-
разить свою благодарность.

Онъ подарилъ ему великолѣпный дво-
рецъ, далъ въ собственную власть 300 тѣло-
хранителей изъ янычаръ и дозволеніе брать

беззапретно деньги изъ казны, сколько только потребуется.

Послѣ этого въ честь Францыля былъ данъ во дворцѣ великолѣпный бенкѣтъ, а для народа были выставлены на улицахъ бочки вина и накрыты столы съ разными закусками. Такъ отпраздновали побѣды Францыля и покореніе персидскаго царства.

По прошествіи нѣкотораго времени послѣ этого, прибывшій курьеръ объявилъ султану, что къ границамъ турецкимъ идеть большое французское войско съ союзниками, королемъ гишианскимъ и кунскимъ. Получивъ это извѣстіе, султанъ тотчасъ призвать къ себѣ Францыля и объявилъ ему слышанное отъ курьера, прося его принять начальство и итти противъ французскаго короля.

Францыль - Венціанъ, выслушавъ эту просьбу и нисколько немедля, разослали приказы по всемъ войскамъ, чтобы все они собирались въ одно сборное мѣсто къ границамъ Турціи.

Прибывъ къ назначенному сроку на сборный пунктъ, Францыль приказалъ перейти границу и вскорѣ увидѣлъ несмѣтныя полчища трехъ королей. Впереди шло войско гишианско, подъ предводительствомъ самого короля Брамбеуса, которое при

первой же кровопролитной стычкѣ побѣжalo отъ турецкаго войска. Обрадованный первымъ успѣхомъ и еще болѣе плѣномъ короля Брамбеуса, Францыль тотчасъ отослать его къ султану, прося однако содер-жать его не какъ простого плѣнника, а отпускать ему кушанья отъ его собствен-наго стола и только наблюдать за нимъ, чтобы онъ не ушелъ. При этомъ нужно замѣтить, что король Брамбеусъ не узналъ въ Венціанѣ своего подданиаго, потому что пять лѣтъ времени, турецкая одежда и кти-матъ совершиенно измѣнили его.

Затѣмъ на другой день все войско Францыля начало на французскаго и кун-скаго королей.

Битва продолжалась иѣлый день; успѣхъ лѣла склонялся то на ту, то на другую сто-рону; единственно мужеству и распоряди-тельности своего предводителя обязано бы-ло турецкое войско побѣдою.

Противники, сбитые съ главной позиціи янычарами Францыля, побѣжали и увлекли за собою все войско; самъ французскій ко-роль чуть не сдѣлался плѣнникомъ и едва успѣлъ спастись бѣгствомъ.

Францыль возвратился въ столицу, гдѣ было дано такое пріицѣство, что передъ этимъ бывшее, постѣ персидской войны,

казалось ничтожнымъ. Во время веселья султанъ не преминуть говорить по дружески съ Францылемъ и, благодаря его, признавался, что онъ не находить средствъ къ достойному возблагодаренію.

— Ты меня всѣмъ одолжилъ,—говорить султанъ;—я не только обязанъ тебѣ спасеніемъ моего государства, но и пріобрѣтеніемъ новыхъ владѣній. Имя мое тобою прославилось, и сила моя чрезъ тебя только открылась. Не отвергни, любезный мой визирь, того, что я тебѣ предложу. Я не имѣю у себя никого наследниковъ; но всякий другой наследникъ не можетъ столько осчастливить Порту и удержать всего своего владѣнія. И такъ позволь мнѣ назвать тебя наследникомъ, и будь мнѣ отныне не слугою, но сыномъ.

Францыль паль къ ногамъ своего государя и предавать себя въ совершенную его власть. Султанъ, не видя его сопротивленія своему намѣренію, объявилъ всѣмъ придворнымъ и военачальникамъ, что Францыль будетъ его наследникомъ, и всѣ съ тѣмъ ихъ поздравили. Торжество удвоилось и кончилось ужъ чрезъ недѣлю.

До сихъ поръ Францыль прожилъ въ Турціи болѣе пяти лѣтъ. Ему и прежде ни въ чёмъ недостатка не было въ жизненномъ

удовольствій, но теперь, ставъ наслѣднымъ принцемъ, должно бы было ему только назвать самого себя счастливымъ.

Однакожъ сердце его было совсѣмъ въ другомъ состояніи: любезная Ренцывена и посреди величества смущала его. Онъ, но окончаніи торжества, велѣть представить къ себѣ короля Брамбеуса. Когда этотъ уничтоженный король предсталъ предъ нимъ, то Францыль не могъ удержать слезъ при взгляде на родителя своей любезной. Ему вдругъ представилось, въ какихъ горестяхъ долженъ погружаться весь домъ, и сколь несущиша должна быть прекрасная дочь его, услышавъ о пѣнѣ своего родителя и отчаяваясь о его жизни! Онъ вышелъ воинъ и около часа рыдалъ въ своей спальни, вспоминаль вмѣстѣ и о своихъ родителяхъ, иѣ пѣдающихъ ничего о немъ, такъ же, какъ и онъ о нихъ. Постѣ этого онъ велѣть Брамбеусу отвести иокон въ своеи дворцѣ и приглашалъ его всегда съ тѣхъ поръ къ своему столу.

Цѣлые три мѣсяца Францыль былъ безпокоенъ, унылыми представленими; наконецъ, не снося того, принесль къ султану и, представивъ ему обязанность свою къ родителямъ и желаніе видѣть свое отечество, просилъ его уволить себя хотя на ма-

лое время въ Гиинпанію. Султанъ, выслушавъ, сказаъ ему на то:

— Любезный мой сынъ, знаю я самъ, что всякому человѣку свое отечество мило. Я тебя отпускаю, только прошу, пожалуйста, не оставь меня и пріѣзжай ко мнѣ.

Францыль признавался султану, что милости его столь драгоценны, что никто не имѣетъ большого права на жизнь его, какъ онъ.

Тогда султанъ приказалъ своему визирю собрать войска несъсотъ тысячъ, и чтобы были готовы большиe фургоны съ драгоценностями и экипажемъ для провожанія храброго визиря и наследника; при томъ посланы были курьеры по тѣмъ дорогамъ, гдѣ поѣдетъ Францыль, чтобы губернаторы дѣлали ему великую честь, встрѣчали и провожали до самой границы, а на корабельной пристани изготавли бы тридцать кораблей военныхъ, чтобы были къ походу готовы храброму рыцарю Францылю. Когда собрались войско и изготавли фургоны, тогда Францыль отправилъ напередъ гиинпанскаго короля подъ политичнымъ карауломъ, кото-
рого и самъ король не могъ бы примѣтить. Ему приказано было дождаться Францыля на пристани. На конецъ, собравшись совсѣмъ, Францыль пустилъ передъ собою весь эки-

нажъ и войско, а самъ, простившись съ султаномъ во дворцѣ, нѣхалъ съ нимъ изъ города. Султанъ провожать его до вечера и просилъ не пропускать ни одной недѣли безъ увѣдомленія его о своихъ обстоятельствахъ. Вечеромъ султанъ онятъ возвратился въ столицу, а Францыль продолжалъ путь. На другой день прїѣхалъ онъ на пристань. Губернаторъ того города встрѣтилъ его великолѣпно и съ преудивительною музыкою, какъ самого султана, и просилъ къ себѣ откупить. Францыль прїѣхалъ къ губернатору въ домъ и тотчасъ спросилъ его, гдѣ гинианскій король. Губернаторъ не медля его представилъ. Францыль, увидѣвъ Брамбеуса, поздравилъ его, говоря:

— Здравствуйте, ваше величество, король гинианскій!

Брамбеусъ, вздохнувъ, отвѣчалъ на то:

— Я уже не король и величества своего лишенъ. Могущество твоей руки доказало мнѣ, что имя короля не придаетъ мужества, и твое великодушие увѣрило меня, что истинное величество состоитъ изъ добродѣтели и милости.

— Но ты намъ непріятель, — промолвилъ Францыль, — и ты освобожденія долженъ ожидать отъ союзниковъ своихъ.

— Я долженъ, поневолѣ, быть непріяте-

лемъ,—говорилъ Брамбеусъ,—ибо французскій король могъ бы меня къ тому принудить. Но освобожденія своего отъ союзниковъ моихъ я не только не ожидаю, да и не хочу: они, бывъ поражены твою десницѣю, теперь слабы; но хотя бы они освободили меня отъ васъ, то состояніе мое не будетъ счастливѣе. Я долженъ буду за свободу свою имъ не только нопрежнему данью, но и всѣмъ своимъ государствомъ жертвовать.

— Но желаешь ли ты получить свободу отъ меня?—спросилъ Францыль.

— Вы сдѣлаете меня счастливымъ,—ответилъ Брамбеусъ.

— Чѣмъ же ты докажешь мнѣ свою благодарность?—продолжалъ спрашивать его Францыль.

— Всѣмъ тѣмъ,—говорилъ Брамбеусъ,—чего бы вы отъ меня не потребовали. Я не думаю, чтобы ваши условія въ этомъ были столь жестоки, какъ союзниковъ моихъ. Давно уже я вамъ обязанъ: вы, имѣя меня пленникомъ, нимало не оказывали надо мною тиранства, и моя неволя у васъ была лучшіе величества во время данничества королю французскому.

— Я слышала,—говорить Францыль,—что у тебя есть дочь, то согласишься ли

ты на мое сочетание съ нею? Подъ сию условиемъ тебѣ возвращена будетъ свобода, королевство и обѣщана будетъ всегдашняя оборона отъ противниковъ.

— Это предложеніе не есть для меня рабскимъ условиемъ, но вашею величайшею милостію, — отвѣчалъ Брамбеусъ, упавши передъ Францѣлемъ на колѣни.— Я съ нею предаю и самого себя вѣмъ во власть.

Францѣль, поднявъ Брамбеуса, поцѣловалъ его и повелъ въ свою палату, где разговаривали они по-дружески. На другой день Францѣль приказалъ отпустить все войско, находившееся съ нимъ, въ Константинополь, повелѣвъ изготовить себѣ только два корабля, а къ вечеру отправился съ Брамбеусомъ къ гиинианскимъ берегамъ.

Они багонолично приѣхали къ пристани.

Король Брамбеусъ приказалъ дать знать при дворѣ о своемъ приѣздѣ.

Какъ скоро узнало это гиинианское генералитетство и сенаторы, то встрѣтили короля съ великою радостію. Брамбеусъ съ Францѣлемъ и со всѣми приѣзжими отправились сухимъ путемъ къ столицѣ и прибыли во дворецъ. Король объявилъ своимъ министрамъ о Францѣле, какъ о первомъ визирѣ, храбромъ рыцарѣ и наследникеъ его султанскаго величества, которому онъ и

все государство обязано за спасение его и возстановлениē на престолѣ.

Всѣ вельможи и придворные поздравили короля и пали къ ногамъ Францыля. Сама королева Зингилея, будучи въ восхищениѣ отъ свиданія съ королемъ и о положенномъ условіи, цѣловала руки у Францыля, который, однакожъ старался не допускать ее до того и благодарилъ за милостивый пріемъ.

Король Брамбеусъ, между тѣмъ, поспѣлъ къ своей дочери, которая, увидѣвъ его, бросилась къ нему въ родительскія объятія и оросила его радостными слезами.

— Здравствуй, любезная дочь,—говорилъ Брамбеусъ.—Ты видинъ меня возвратившагося и получившаго престолъ, но съ большими предъ прежнимъ счастіемъ. Ты единственная подиора моей старости, и твое благополучіе должноствуетъ быть послѣднимъ мнѣ благополучіемъ въ жизни; но твое благополучіе зависитъ отъ соединенія твоей судьбы съ судбою достойнаго тебя человѣка. Я не только всегда этого желалъ, но и искалъ. Наконецъ, небо теперь само посыпаетъ мнѣ и тебѣ это счастіе. Пріѣхавшій со мною сюда визирь, наслѣдникъ высокой Порты, есть мой избавитель. Сердце его благородно и мужественно, высокіе титулы вездѣ славятъ его имя; онъ желаетъ, чтобы ты раз-

дѣлила съ нимъ все оное. Я за твою руку получаю попрежнему престолъ и владычество, а при томъ еще и оборону. И такъ не видишь ли ты, любезная дочь, что мы счастіе покупаемъ счастіемъ. Скажи мнѣ: хочешь ли ты сдѣлать счастливою и себя и меня вдвойнѣ?

— Воля ваша, милостивѣйшій государь батюшка, — отвѣтала королевна, — была всегда мосю волею, но... онъ, можетъ-быть оставилъ это намѣреніе... Я сама слаба здравъемъ... Онъ турокъ...

— Его намѣренія неизменны, — прерваль ее Брамбеусъ, — и твоя слабость, будучи, можетъ-быть, слѣдствіемъ твоей печали о нашемъ несчастії, скоро пройдетъ. Вирочемъ, ты хорошо знаешьъ, что въ человѣкѣ должно взирать на сердечныя качества и дарованья, а не на одежду. Я оставляю тебѣ одну, поразмыслить объ этомъ и приготовиться къ принятію его. Не забывай, любезная дочь, моего и своего благополучія. Прости!

Нерѣшимость Ренцывены происходила оттого, что она тверда была въ любви своей къ Францылю, о которомъ она не знала, что онъ самый и есть въ видѣ того визиря. Шестилѣтнєе отсутствіе его и пребываніе въ другомъ климатѣ совсѣмъ измѣнили его

образъ, а обыкновенное название его—визирь, вмѣсто собственного имени Францыль, все это помогало тому, что никто его не могъ узнать, даже и сама Ренцывена. Предложеніе ея родителя вступить въ бракъ съ другимъ, а не съ Францылемъ, поразило ее какъ громовымъ ударомъ. Она едва могла скрыть свой ужасъ и, по отшествіи родителя, предалась скорби.

— Ахъ, Францыль,—говорила она сама съ собой,—гдѣ ты? Увѣдомь меня хоть о себѣ, когда не стараешься о мнѣ знать! Уже седьмой годъ тому, когда твой языкъ произносилъ клятвы мнѣ въ вѣчной любви! Седьмой уже годъ тому, какъ въ слезахъ разлучился со мною! Тебѣ неизвѣстно, какая судьба угрожаетъ нашимъ обстоятельствамъ. Что скажешь ты, когда увидишь Ренцывену въ другихъ объятіяхъ? Когда пылающее къ тебѣ сердце предано будетъ въ руки варвара? Когда... Ахъ! но ты, можетъ-быть, меня оставилъ? Ты обѣщался вскорѣ увидѣться со мною, однако ужъ седьмой годъ я пытаюсь тщетнымъ ожиданіемъ и надеждою тебя видѣть... Можетъ-быть, свирѣпая судьба удерживаетъ тебя... Можетъ-быть, ты въ большомъ благополучіи позабылъ свою Ренцывену... Можетъ-быть... (при этомъ она упала въ обморокъ).

Каждая изъ рѣчей ея, сопровождалась потокомъ горькихъ слезъ. Наконецъ, она только чрезъ два часа пришла въ чувство, для того только, чтобы опутить еще жесточайшія мученія. Слезы ея лились безпрестанно.

Между тѣмъ, на другой день, отецъ ея приспѣль къ Францылю и, увѣдомивъ его о томъ, что онъ предлагалъ уже о бракѣ Ренцывенѣ, проспѣлъ его, чтобы онъ постыдилъ ее, и самъ предложилъ бы ей о своемъ намѣреніи. Онъ согласился.

Въ одиннадцать часовъ утра Францыль пошелъ къ Ренцывенѣ и, воинеинъ къ ней, объявилъ напередъ, что онъ тотъ визирь, о которомъ родитель ея уже ей сказывалъ, и который возвратилъ ему престолъ. Нечальная Ренцывена была уже увѣдомлена прежде о его постыденіи и благодарила его за одолженіе своего родителя и увѣряла, что онъ не преминетъ засвидѣтельствовать ему свою признательность всѣмъ сокровищемъ своего королевства.

— Минѣ не нужно оно,—отвѣчалъ Францыль:—одно сокровище, которымъ вашъ родитель можетъ меня отблагодарить и сице одолжить меня есть ваша рука; она одна можетъ слѣдить меня счастливымъ, за иссѣ я самъ ему заплачу равными его государству сокровищами.

— Но я, признавая себя недостойною васъ,—говорила Ренцывена,—не осмѣливаюсь посвятить вамъ ее. Вы назначены судьбою для счастія равныхъ вамъ, а я, не находя никакихъ достоинствъ въ себѣ, почитаю за неприличное льститься вампъ комѣ расположеніемъ.

— Ихъ! — прервалъ ее Францыль,—вы достойны большого, прекрасная Ренцывена, и я вамъ обязаннымъ себя считаю, когда вы осчастливите меня своимъ сердцемъ.

Ренцывена, смутившись, сказала:

— Мое сердце осчастливить васъ не можетъ...

При этихъ словахъ она не могла удержать своихъ слезъ.

Францыль самъ не могъ превозмочь себя и также залился слезами; потомъ, погавая ей перстень, Францыль сказала:

— Прими, прекрасная Ренцывена, этотъ перстень, который я получилъ на островѣ Мальтѣ, онъ опять принадлежитъ тебѣ: вмѣстѣ съ тѣми же намѣреніями, которыя ты тогда имѣла.

Ренцывена, узнавъ свой перстень, очень изумилась и, смотря пристально на Францыля, вдругъ устремилась въ его объятія.

— Ахъ, любезнѣйший Францыль! — говорила она,—тебя ли я вижу? Тогда какъ

сердце мое наибольше терзалось ожиданиемъ тебя, ты ли предо мною стоишь?

Она большие ничего не могла сказать отъ радости и упала въ обморокъ. Францыль старался возвратить ей чувства, и Ренцывена, очнувшись, бросилась опять въ его объятия.

— О, какъ я благополучна! — сказала она. — Но мнѣ кажется страннымъ твое имя и одѣяніе. Скажи мнѣ, какими путями судьба вела тебя къ настоящему удовольствію? Изъясни, что ты претерпѣла по разлученіи?...

Францыль рассказалъ ей всѣ свои приключения со дня ихъ разлуки. Ренцывена, при каждомъ опасномъ для него случаѣ, слушая, проливала слезы.

— И такъ мы уже теперь совсѣмъ благополучны? — спросила она по окончаніи его разсказа.

— Да, — отвѣчалъ Францыль, цѣлуя ея руки.

— Подите, — говорила она, — просите родителя моего, чтобы онъ поспѣшилъ повѣнчать насть.

— Но прошу васъ, дражайшая Ренцывена, не открывать теперь еще никому обо мнѣ: это будетъ объявлено послѣ всего.

Францыль пошелъ прямо къ королю Брамбеусу и сказалъ ему, что онъ въ дочери его не нашелъ никакого противорѣчія сво-

ему намѣренію. Брамбеусъ въ радости поцѣловалъ своего будущаго зятя, и они положивъ на условія время брака, начали приготавляться.

Брамбеусъ разослалъ курьеровъ къ соѣднимъ королямъ, прося ихъ на бракосочетаніе. Францыль тоже къ своему султану послалъ визиря, прося его пріѣхать на свадьбу. Султанъ, получа обѣ этомъ извѣстіе, хотѣлъ былоѣхать, но нѣкоторыя важныя дѣла не дозволили ему, и онъ послалъ вмѣсто себя полномоченнаго посла съ богатыми дарами и гвардіею, при чёмъ написалъ къ Францылю письмо слѣдующаго содержанія:

„Великій султанъ Востока, обладатель вселенныя, государь правовѣрныхъ, отрасль великихъ калифовъ и намѣстникъ пророка, первому визирю, вѣрному стражу нашего султанскаго величества, предсѣдателю Ди-вана, побѣдителю и намѣстнику персидскихъ областей и любезному моему наслѣднику, здравія желаемъ. Желаніе твое соединить судьбу свою съ любезнымъ предметомъ для меня восхитительно. Да благословятъ небеса ванъ союзъ и да возложатъ на васъ цѣпь любви, сплетенную изъ райскихъ розъ, благоухающихъ на блаженныя души. Твоя гурія да услаждаетъ твой слухъ своими очаро-

вательными прелестями; удовольствія да-
лъются въ сердца ваши, и радости да на-
полняютъ дни вашей жизни. Для священ-
ных. Порты удерживаютъ меня, противу
воли моей, въ столицѣ и не позволяютъ
участвовать въ веселіи вашемъ. Я посылаю
вместо себя послы и при немъ все то, что
должно бы было быть при мнѣ. Возложивъ
на голову свою вѣнецъ, припомни, что оный
вручается тебѣ отъ Порты и, возврѣвъ на
портретъ мой, не забудь, что я тебя ожи-
даю. Да благословитъ наци пророкъ твое
счастіе“.

Все къ брачному торжеству уже было
готово, только ждали пріѣзда союзныхъ
королей. Между тѣмъ Францъль, не видя
своихъ родителей, старался узнать, въ какомъ
состояніи они находятся. Онь стороною
спрашивалъ о нихъ у придворныхъ, но
никто не могъ ему ничего сказать кромѣ
того, что они, навлекши на себя немилость
короля, неизвѣстно куда отправились. Это
его сильно беспокоило; однакожъ онъ рѣ-
шился не спрашивать о нихъ у короля,
пока не совершень бракъ, потому что онъ
боялся преждевременно открыть себя.

Черезъ два дня послѣ того прибыли
всѣ союзные короли въ гишианскую столицу;
следующій день назначенъ былъ къ совер-

шеною обрядовъ брака. Пышность восточная, соединившись со вкусомъ европейскимъ, должна была представить великолѣпнѣйшее и восхитительное зрѣлище.

Наконецъ обряды совершились, и началось празднованіе. Во время самаго разгара веселья Францъль-Венцанъ, взявъ за руку короля Брамбѣуса, открыто признался ему о себѣ. Тогда радость еще болѣе увеличилась; послали за родителями Францъля, которые при видѣ своего сына въ славѣ проливали слезы радости.

Къ довериенію всего нужно сказать, что вскорѣ послѣ свадьбы Францъля Брамбѣусъ умеръ, оставивъ корону свою Францълю, который такимъ образомъ сдѣлался однимъ изъ сильнѣйшихъ государей въ свѣтѣ и, проживши много лѣтъ мирно и счастливо, оставилъ послѣ себя достойныхъ наследниковъ своей храбрости и славы.

(1855 г.)

XXX.

Ангелъ Божій и прохожій.

деть Ангель Божій берегомъ небольшой рѣчки, и видить виреди себя на рѣкѣ: тошитъ дѣвица младенца. Подошелъ къ ней Ангель и говорить:— „Богъ помочь тебѣ дѣвица!“—

Потомъ черезъ иѣсколько времени, возвратился обратно, увидать онь женину, которая мыла на рѣкѣ бѣлье: прошелъ мимо ея и ничего ей не сказалъ. Попадаєтъ ему на встрѣчу прохожій и спрашиваетъ его:— „почему же ты сказалъ, помогай Богъ — дѣвицѣ, которая тошила своего роднаго ребенка, а ей, той женинѣ, которая мыла бѣлье, ничего не сказалъ?“— Ангель на это отвѣчалъ:— „Эта дѣвица такъ много прстерпѣла отъ своихъ родителей и отъ сосѣдей за свой грѣхъ она истинно каялась предъ Богомъ и отъ всей души молила Господа простить ей ся преступлѣніе: Господь услышалъ ся молитву и простилъ ея грѣхъ. Женина-же, которая моетъ бѣлье въ праздникъ—она, не наработаетъ

псу на обѣдъ, а нарушаетъ святость Господня праздника и Богъ ей этого не простить." -- Вотъ почему грѣхъ и не слѣдуетъ никогда работать въ праздничные дни.

Записано мною лично въ Вологодской губерніи.

XXXI.

Судья Божья.

ыть у купца сынъ красавецъ собой, онъ сиявъ съ себя патреть и разсыластъ по всему свѣту, находится-ли (найдется-ли) супруга мнѣ равная красотою? Такой супруги (невѣсты) не наплось во всемъ свѣтѣ. Вотъ онъ отправляется самъ искать; встречаетъ чуночки (салазки) идутъ простыя, и спросилъ ихъ: „Що-жо идете однѣ, не ямщица, не сѣдока нѣть у васъ?“ Чуночки отвѣчаютъ: „мы судья Божья“. „Коли вы судья Божья, гыгъ, то разсудите-жо меня: есть ли мнѣ супруга на свѣтѣ противо меня красотою?“ Чуночки говорятъ, що ес(т)ъ супруга тебѣ: у царя Калики дочь, 20 лѣтъ во гноицѣ лежитъ, нездоровая. „Какая же

это мнѣ супруга“, думаетъ купеческой сынъ. Вотъ онъ и поѣхавъ къ ней, къ царю Калику на домъ. Пріѣзжаетъ къ царю Калику во дворецъ и спрашиваетъ часовыѣ: „гдѣ же есть дочь царя Калики не здоровая?“ Часовые сказали, что есть, лежитъ въ такихъ-то залахъ 20 лѣтъ. „Пронусти-жо, гыть, меня къ ней посмотреть!“ „Нечево тиѣ тамъ дѣлать, царя Калики дома нѣть“, говорить часовой. Онъ часовово скучилъ, далъ денегъ, чтобы пропустилъ. Часовой думаетъ: что онъ у нездоровыя сдѣлаетъ?—пойди, гыть!“ Приходитъ купеческой сынъ въ зало, она нездоровая лежитъ; онъ посмотривъ на нее да баєтъ про себя: „какая же это мнѣ супруга, и взгленуть-то брезгно“. Потомъ вынявъ тесакъ изъ ножей и подпересѣкъ ее пополамъ, „вотъ тебѣ; гыть, и супруга моя! Нѣть рублей положивъ тутъ къ ней на похороны, чтобы похоронили ее, а самъ уѣхавъ домой. Каликиной дочерѣ будѣ во снѣ привидѣлось: пришовъ молодецъ къ ней въ зало, крылышкомъ помазавъ по сердцѣ да 5 рублей награды далъ“.

Вотъ пріѣзжаетъ царь Калика къ сиѣ во дворецъ, приходитъ къ дочерѣ въ лежащую комнату и видитъ, что дочь у ево совсѣмъ здорова стала и такая-то красавица, что экихъ на свѣтѣ нѣть, не видавъ. Вотъ

царь Калика снимаетъ съ нея патреты и разсылаеть по всему свѣту есть-ли суженой ей по красотѣ? Вотъ и находитсѧ ей ровной по красотѣ этотъ купеческой сынъ, онъ и ладить взять взамужество за себя посвѣтавшися и— бракъ произвели. Вотъ однажды пришли молодые въ баню, онъ посмотрѣвъ у ее рубецъ на спинѣ, на самой на середкѣ; вотъ онъ и спрашиваетъ ее: „отчево-жо это у тебя случилосе?“ Она сказывала ему: „я 20 лѣтъ вогнонице лежала, будто въ сновидѣнїи приходитъ ко мнѣ молодецъ красавецъ, меня крылышкомъ помазавъ, 5 рублей награды давъ, я и обрѣзала.

Купецъ тутъ и догадавшися, что это она, про которую Судья Божья сказавъ.

Записано А. Шустиковымъ.

XXXII.

Сказка Объ Олешѣ голопузомъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ мужичекъ. У этого мужичка былъ сынъ Олѣша. Съ малолѣтства Олѣша у дѣячка выучился грамотѣ, а потомъ сдѣлался такой лѣнтий, что кромѣ печи никуда не ходилъ. Вотъ и говорить отецъ Олѣши: «Пора тебѣ, Олѣша, и къ работе привыкать?» — «А что, говорить Олѣша: докормите до уса, такъ и буду помогать». Вотъ и усы у Олѣши пробились. Отецъ и говоритъ опять: «Олѣша пора тебѣ и пахать». — «А на что пахать, говорить Олѣша, пахать? — лучше на печи лежать. Докормили до уса, такъ докормите и до бороды, а тогда ужъ и пахать стану». Выросла и борода, а Олѣша кромѣ печи и свѣта Божьяго не знавалъ. Вотъ отецъ и говоритъ опять: «Ну, пора тебѣ, Олѣша, и за умъ хватиться. — Люди добрые, изъ твоихъ-то товарищѣй, ужъ нѣкоторыс и дѣтокъ имѣютъ, а ты и пахать не умѣешь». Олѣша на другой день и побѣжалъ пахать, а день-то былъ такой жаркой, что оводовъ и комаровъ

гибель настъла на сго и на лошадь. Онъ и давай ихъ бить, да и пробилъ весь день. Подъ вечеръ онъ сталъ ихъ считать: считалъ, считалъ да и сосчитать не могъ. Пріѣхалъ домой, ужъ темно было, да и говорить отцу: «Ужъ я тебѣ не пахарь да и не кормилецъ, а наживай-ко хлѣбъ-то самъ! Я поѣду свѣта посмотретьъ, да себя показать: у меня сила богатырская—поѣду да потѣшуся, да еще дайте мнѣ эту клячу». Отецъ видитъ, что *и взиболъ* *) отъ него не хлѣбъ, взялъ да и отпустилъ. Олѣша взялъ косу да топоръ да толокна мѣшокъ, да на клячу рогожу накинулъ, да скѣль и поѣхалъ. У кого-то онъ слыхалъ, что богатыри-то Ѵздрятъ, такъ записочки за собой кидаются;—и онъ тоже вынялъ лоскутокъ бумаги да и пишетъ: «Ѣдеть сильный и могучій богатырь Олѣша».... да и задумался, какую дать себѣ фамплю: онъ не зналъ, какъ прозывался отецъ да и онъ самъ: смотрѣлъ, смотрѣлъ да увидѣлъ, что балахонъ у него разорванъ, и сквозь его видно пузо: вотъ онъ и написалъ: «Олѣша Голопузой». «Я, Олѣша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тьмы, три тысячи богатырей (за богатырей-то онъ прпнялъ оводовъ) избивалъ, а мелкой силы (т. е. мошекъ) и смѣты нѣтъ.

*) Въ самомъ дѣлѣ.

Такъ вамъ сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олеши Голопузого, взадъ ъхать—не уѣхать, и впередъ ъхать—не уѣхать; а лучше мнѣ, Олеши Голопузому, въ ясныя очи показаться». Написалъ да и бросилъ. Вотъ ъдетъ за нимъ настоящей богатырь и видитъ, что лежитъ записочка, сошелъ съ коня, поднялъ и читаетъ: «Ѣдетъ сильный и могучій богатырь Олеши Голопузой. Я, Олеши Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тьмы, три тысячи богатырей избивалъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ, сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олеши Голопузаго, взадъ ъхать—не уѣхать, и впередъ ъхать—не уѣхать; а лучше мнѣ Олеши Голопузому, въ ясные очи показаться». — Какой это думаетъ онъ, такой богатырь? Я, кажись, всѣхъ сильныхъ и могучихъ богатырей знаю, а такого не слыхалъ; да и это бы ничего, а онъ такъ еще похваляется, что, вишь, сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олеши Голопузаго, взадъ ъхать не уѣхать и впередъ ъхать не уѣхать, а лучше мнѣ, Олеши Голопузому, въ ясные очи показаться?.. Хорошо, поѣду. А самъ вынялъ лоскутокъ бумаги и написалъ: «Ѣдетъ въ Царство Царя Коця сильный и могучій богатырь Иванъ сынъ царской. Я, Иванъ

сынъ царской, въ одинъ часъ и въ одну минуту могъ избить столько силы, сколько есть на днѣ моря камешковъ». Вотъ ъдетъ и скачетъ онъ за Олешей и видитъ, что ъдетъ такой хухлякъ съ косой да съ топоромъ, что и за богатыря не принялъ и хотѣлъ проскакатъ мимо, а Олеша и кричитъ ему: «И потише можешь ъхать-то!»— Иванъ сынъ Царской подъѣхалъ къ Олешѣ и говоритъ: «Ты ли сильный и могучій богатырь Олеша Голопузой?» «Извѣстно, что я», говоритъ Олеша: «а многоли ты можешь убить силы въ одинъ часъ и въ одну минуту и куда теперь ъдешь?» «Я, говоритъ, Иванъ сынъ Царской: ъду теперь въ царство сильнаго и могучаго царя Кащея, а силы въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько, сколько есть камешковъ на днѣ моря».—«Ну, намъ такіе люди и надобны: поѣзжай рядомъ».—А для Ивана сына Царскаго это было сущее наказаніе, потому что у него конь рвался, а у Олеши кляча еле-еле двигалась.

Вотъ ъхали они близко ли—далеко ли; низко ли—высоко ли:—скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Вотъ ъдетъ другой богатырь и видитъ двѣ записочки; поднялъ и читаетъ: (на одной) «Ѣдетъ въ царство сильнаго и могучаго царя Кащея

сильный и могучий богатырь Иванъ сынъ царской. Я, Иванъ сынъ царской, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько силы сколько есть камешковъ на днѣ морскомъ»; (на другой): «Ѣдетъ сильный и могучий богатырь Олеша Голопузой. Я, Олеша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тьмы три тысячи богатырей избивалъ, а мелкой силы и смѣты нѣть. Такъ вамъ, сильнымъ и могучимъ богатырямъ, отъ меня Олѣши Голопузого, взадъ ѿхать—не уѡхать, и впередъ ѿхать—не уѡхать; а лучше мнѣ, Олѣши Голопузому, въ ясныя очи показаться».—Какъ это, говорить Илья Королевичъ (это былъ онъ): Я всѣхъ сильныхъ и могучихъ богатырей и Ивана сына Царскаго знаю, а этого не слыхалъ; да и это бы ничего, а онъ такъ похваляется, что «вамъ сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олѣши Голопузаго, взадъ ѿхать не уѡхать, и впередъ ѿхать не уѡхать; а лучше мнѣ, Олѣши Голопузому, въ ясныя очи показаться». Хорошо, поѣду.—А самъ вынялъ лоскутокъ бумаги и написалъ: «Ѣдетъ въ царство сильнаго и могучаго царя Кашея сильный и могучий богатырь Илья Королевичъ. Я, Илья Королевичъ, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько силы, сколько есть листочковъ въ лѣсѣ».

Написалъ да и бросилъ, а самъ поскакалъ за Олѣпей. Вотъ слышишъ Олѣпа, что сказать кто-то, и говорить Ивану сыну царскому: «Скажи чтобы тише ъхалъ-то». Иванъ сынъ царской остановился и говорить: «Тише, тише. Это сильный и могучий богатырь Олѣпа Голопузой». Илья Королевичъ подъѣхалъ къ Олѣигѣ и говорить: «Здравствуй, сильный и могучий богатырь Олѣпа Голопузой!»—Здорово, говоритъ Олѣпа: много ли ты можешь въ одинъ часъ и въ одну минуту избить силы и куда теперь ъдени?», «Я ъду, говоритъ Илья Королевичъ, въ царство сильного и могучаго (богатыря) царя Кащея, а силы въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько, сколько есть листочковъ въ лѣсѣ».—«Ну, говоритъ Олѣпа, наамъ такие люди и надобны: побѣжай рядомъ». Вотъ они ъдуть (да записочки подкидываются), близко ли—далеко ли, низко ли—высоко ли: скоро сказывается, да не скоро дѣло дѣлается.—Вотъ ъдетъ еще богатырь Данило Бѣлой, и видитъ—лежать три записочки, сонель съ коня и читаетъ: (на одной) «Ѣдеть въ царство сильного и могучаго Царя Кащея сильный и могучий богатырь Иванъ сынъ Царской. Я, Иванъ сынъ Царской, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить силы столько, сколько

есть камешковъ на днѣ моря». (На другой): «Бѣдетъ въ царство сильнаго и могучаго Царя Каця сильный и могучій богатырь Илья Королевичъ, могу въ одинъ часъ и въ одну минуту избить силы столько, сколько есть листковъ въ лѣсѣ». (На третьей): Бѣдетъ сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тьмы три тысячи богатырей избивалъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ, сильнымъ и могучимъ богатырямъ, отъ меня Олѣши Голопузаго, взадъ ѿхать, не уїхать, и впередъ ѿхать, не уїхать, а лучше мнѣ, Олѣши Голопузому, въ ясныя очи показаться». — «Какъ», говоритъ Данило Бѣлой: «Я всѣхъ сильныхъ и могучихъ богатырей знаю, а этого не слыхалъ; да и это бы ничего, а онъ еще такъ похваляется, что «вамъ сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олѣши Голопузого, взадъ ѿхать, не уїхать, и впередъ ѿхать, не уїхать, а лучше мнѣ, Олѣши Голопузому, въ ясныя очи показаться». Ну, такъ и быть—поѣду да посмотрю, что это за птица такая». Вотъ слышитъ Олѣша, что кто-то скачетъ, и говоритъ Ильѣ Королевичу: «скажи, чтобы ѿхалъ-то по тише!». Илья Королевичъ остановился и говоритъ: „Тише, тише—это сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой“. Данило

Бѣлый подъѣхалъ къ Олѣпѣ и говоритьъ: „Здравствуй сильный и могучій богатырь Олѣна Голопузой!“ — „Здорово, здорово“, говоритъ Олѣпа: „а сколько ты можешь въ одинъ часъ и въ одну минуту избить силы и куда теперьѣдешь?“ — „Я єду въ царство сильного и могучаго царя Каця, а силы въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько, сколько есть песку по краямъ моря“. „Ну, говоритъ Олѣпа: намъ такие люди и надобны, поѣзжай рядомъ“. Вотъ они єхали близко ли—далеко ли, низко ли—высоко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается,—и наконецъ прїѣхали они на луга царскіе, раскинули шатры бѣлонолотнянныя, выставили на нихъ флаги шелковые, а Олѣпа раскинуль рогозку да и повалился. Тѣ богатыри насыпали своимъ конямъ пшена бѣлояраго, налили сыты медовыя, а Олѣна спустилъ свою клячу на Божью волю; а она тѣхъ коней и обѣѣла, да богатыри и прекословить ему не посмѣли. На другой день начали они кличъ кликать, а у Царя Каця дочь просить; а если Царь Кацей имъ откажеть, такъ грозили войско прибить, царство разорить, а дочь силомъ взять. А лишь только увидѣли, что выходитъ войско изъ города, и пошли къ Олѣпѣ и говорятъ: „Скажи, сильный и могучій богатырь Олѣна

Голопузой: самъ ли ты пойдешь противъ войска или намъ велиишь?—„Пусть идеть менышой братъ, сказалъ Олёша. Не прошло и часу, какъ пріѣзжаетъ менышой братъ (Иванъ сынъ Царской) и привозить на копъѣ голову воеводы и говорить: „Ни одной души не осталось на полѣ сраженья и дерзкую голову воеводы къ ногамъ твоимъ я привезъ“.—„Ну, говоритъ Олёша: ты достоинъ чести—спасибо“! На другой девь они опять выѣхали прежній кличъ кликать, и лишь только увидѣли, что выходитъ изъ города войско, поѣхали въ шатры къ Олёшѣ и говорятъ: „скажи намъ, сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой: самъ ли ты пойдешь противъ войска, или которому либо изъ нась прикажешь?“ „Пусть, говоритъ Олёша, ъдетъ средній братъ“.—Не прошло и полуторыхъ часовъ, какъ пріѣхалъ средній братъ (Илья Королевичъ), привезъ на копъѣ голову воеводы и говорить: ни одной души не осталось на полѣ сраженья и дерзкую голову воеводы къ твоимъ ногамъ я привезъ“.—„Ну, говоритъ Олёша: и ты достоинъ чести;—спасибо!“. На третій день Царь Кацей вывелъ противъ нихъ всѣ войско—сколько осталось, и лишь только это увидѣли богатыри, пришли къ Олёшѣ и говорятъ: „Скажи намъ, сильный и могучій

богатырь Олёша Голопузой, самъ ли ты поѣдешь противъ войска, или которому либо изъ насъ прикажешъ?“—„Пусть, говоритъ Олёша, єдетъ старшій братъ“. Не успѣли тѣ богатыри ничего сдѣлать, какъ пріѣхалъ старшій братъ (Данило Бѣлой), привезъ голову полководца и говоритъ: „ни одной души не осталось на полѣ сраженья и дерзкую голову воеводы къ ногамъ твоимъ я привезъ“.—„Ну, спасибо, говоритъ Олёша“. Вотъ видитъ Царь Кацей, что бѣда приходитъ и посылаетъ гонца къ сыну Демьяну Кацеичу, что пріѣхали подъ его царство четыре богатыря, и войско, сколько было въ царствѣ, все прибили „и хотятъ царство мое разорить и сестру твою силомъ взять“. Демьянъ-то Кацеичъ былъ 12-ти лѣтъ, а ростомъ 12-ти саженъ, а толщиною 6-ть сажень; онъ єздилъ на волшебномъ конѣ и бился съ сильнымъ и могучимъ царемъ Далматомъ.—Царь Далматъ и самъ-то былъ богатырь, да и въ царствѣ у него было до ста тысячъ богатырей, и онъ хотѣлъ взять за себя сестру Демьяна Кацеича, прекрасную царевну Елену Кацеевну. Демьянъ Кацеичъ въ недѣлю проскакалъ три тысячи верстъ и началъ по чистому полю разѣзжать и тѣхъ богатырей на битву вызывать. Богатыри и говорять между собою: „Ну,

если самъ Олѣша Голопузой не поѣдетъ, то намъ тутъ вѣрная смерть“. Однако ослушаться не смѣли и пришли къ Олѣнѣ и говорять: „Скажи намъ, сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой, самъ ли ты пойдешь противъ Демьяна Каценча, или изъ настъ кому либо прикажешь?“—А что, развѣ я своей очереди не знаю“, говорить Олѣша! Вотъ выѣхалъ Олѣша противъ Демьяна Каценча съ косой да съ топоромъ и думаетъ: „Однако смерть такъ смерть: пусть отсѣкутъ мнѣ голову, и концы въ воду“. А богатыри одинъ за другимъ и уѣхали: такъ испугались Демьяна Каценча. Вотъ какъ стала Олѣша сѣѣжаться да и думаетъ: „Дайко голову-то я наклоню: такъ хоть не увижу, какъ отсѣкутъ ее! Сдумано—сѣѣлано; а Демьянъ-то Каценчъ думалъ, что это какая либо рыцарская хитрость, да повалился да и заснуль. Вотъ Олѣша и думаетъ, что долго богатырь-то головы не сѣѣтъ: дайко взгляну;—взглянуль, а Демьянъ-то Каценчъ спитъ. Олѣша сошелъ съ лошади да и давай по шеѣ пилить косой: коса не беретъ,—давай топоромъ, и топоръ не беретъ. Что дѣлать?—Подошелъ онъ къ Демяну, а у него мечь-то закинуть за спину, да такъ и заснуль. Вотъ Олѣша (привязалъ) кой-какъ, приподнялъ мечь да и спустилъ

на шею, а голова-то и покатилась. Олеша привязалъ ее за волосы къ хвосту клячи, а та и ни съ мѣста. Вотъ онъ вкарабкался кой-какъ на лошадь богатырскую ѻхать къ богатырямъ: посмотритъ, а тамъ и мѣсто чисто; поверотился да и поскакалъ въ городъ, тамъ царь Кащеи встрѣтилъ его съ честю и славою, одѣли его какъ красную дѣвицу, а Демьяна похоронили тоже съ честю. У Царя Кащея не пиво варить, не вино курить, а честнымъ пиркомъ и за свадебку! Вотъ прошло послѣ свадьбы почти три года. Въ одно утро встаетъ Царь Кащеи и смотритъ, а на его лугахъ царскихъ раскинуты шатры бѣлополотнянные, а на тѣхъ шатрахъ бѣлополотнянныхъ выкинуть флагъ сильнаго царя Далмата! Царь Далматъ лишь только услышалъ, что Демьянъ Кащеичъ убитъ, и пошелъ войной на царя Кащея. Царь Кащеи не успѣлъ еще отойти отъ окна, какъ выѣхали изъ шатра три могучихъ богатыря и стали они кличъ кликать и царя Кащея на бой вызывать; а если царь къ нимъ не выйдетъ, то они его царство разорятъ, а прекрасную царевну Елену Кащеевну силомъ возьмутъ“. Вотъ царь Кащеи и говорить Олешѣ: „Зять мой любезный! ты прибиль у меня все войско и сына моего Демьяна убилъ; такъ вся теперь надеждау

меня на тебя: самъ ты запицай и жену свою и царство; а если ты враговъ прибъешь, я тебѣ и царство сдамъ, однако и голова моя стара стала“.

„Вотъ тебѣ, матушка, и Юрьевъ день“, думаетъ Олеша: „однако ужъ двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать, а я еще вотъ,—что сдѣлаю: не далеко отъ города, на дорогѣ къ лугамъ, есть дубъ, такъ велю на этотъ дубъ придѣлать шелковую петлю, да такую крѣпкую, чтобы скорѣе дубъ сломился, чѣмъ она сорвалась, а какъ поѣду къ лугамъ-то, такъ и суну голову-то въ петлю; хоть стыда меныше будетъ; а пусть тамъ надъ мертвымъ хоть что дѣлаются“. Какъ задумано, такъ и сдѣлано. Вотъ и выѣхать Олеша да и сталъ править къ самому этому дубу, да вмѣсто себя-то и заправилъ въ петлю коня. Конь-то бытъ такой сильный, что и вырвалъ дубъ со всѣми кореньями, да и побѣжалъ по войску, да куда прибѣжитъ—тутъ и улица, а повернеть—тамъ переулокъ, и наконецъ притопталъ и придавилъ до одного человѣка. Вотъ царь Кацей такъ этому обрадовался, что въ тотъ же день и сдалъ ему свое царство. А Олеша такъ этимъ удивилъ своихъ сосѣдей, что во всю жизнь свою ни съ кѣмъ не воевалъ (т. е. никто не смѣлъ съ нимъ воевать). А

нашъ сильный и могучій Царь Олеша привезъ къ себѣ отца и сталъ жить да быть.

Я тамъ былъ, медъ и пиво пилъ: пиво-то тепло, но губамъ текло, а въ ротъ не попало.

(Сообщено г. Барсовымъ.)

XXXXIII.

Два брата или Судья.*)

или два брата, одинъ богатой, другой бѣдной, у бѣдново и лошадки нѣть, а надо ъхать по дрова. Приходитъ онъ къ богатому брату и говоритъ: «пожалуста, братъ, дай мнѣ коня по дровиця съездить!» «Ты у меня побьешь, сказавъ богатой, а конь у меня сторублевой». «Поицо, храни Богъ, побью! Ну, гыть, дамъ, ступай, иозждай! Такой былъ крутой на словахъ-то. Бѣднякъ выводить коня, а безъ хомута; онъ и не смѣтъ попросить хомута, думаетъ що братъ не ровно передумаетъ, не дастъ коня. «Ну, добро, гыть, у меня хомутъ и свой ес(т)ъ» Хомутъ свой не пригодивсе, малъ; «ну, добро, гыть, съѣзжу и такъ!» Вывернувъ оглобли

*) См. Живая старина стр. 208.

изъ дровень¹), привязавъ коня хвостомъ къ стужню²), поѣхавъ за дровами. Возъ наѣлавъ огромной. И случилось емуѣхать мимо братова дому, онъ пріопасивъ, що безъ хомута идетъ, пригрозивъ лошадь, що скоряя проѣхать, а лошадь взбѣсилась да прямо во дворъ, а тутъ была подворотница высокая, возомъ захватило, хвостъ и оторвавъ у коня. Вотъ тутъ онъ (бѣднякъ) и заревѣвъ, пошибъ коня. Свѣль коня къ брату во дворъ, поставивъ въ конюшню и приходитъ въ избу. Братъ и спрашиваетъ ево: «що съиздивъ по дрова?»—«Съиздивъ,» гытъ. «Все-ли ладно?»—«А не больно ладно: —хвостъ у коня оторвалъ! Ахъ, ты такой-сякой, закричавъ богатой братъ, я тебя на судъ поведу, къ Судѣ. Вотъ онѣ и отправились, въ дорогу, къ судѣ, привернули иочевать къ богатому человѣку—богатой къ богатому ужъ завсегды!—хозѣинъ составилъ для єво самоваръ, а бѣдной улезъ на печку. Вотъ онѣ завели разговоръ: «куды, землякъ, пошовъ?» спрашиваетъ хозяинъ. «Да вотъ, гытъ, братъ оторвавъ у моего коня хвостъ, такъ веду на судъ». «Да не у хорошово-то-ли коня?» говоритъ хозяинъ. «У хорошово отвицѣеть богатой братъ».

¹) Дровни—саны для возки дровъ.

²) Стужень—передняя часть саней.

«Эку бѣду-то! Судять за это ево стануть строго, сказалъ хозяинъ.

Бѣдной братъ на печѣ лежитъ да слушаетъ ихъ разговоръ; выслушавъ и думастъ: «не предамсে суду живої, съ воронця запибусь о полтъ». Вотъ онъ залезъ на воронецъ и только гнетъ*) на полтъ! А раньше хозяйка постелю ус(т)лала подъ воронецъ и съ малюткой спать легла; онъ и угадавъ на малютку, ушибъ до смерти, а самъ не ушибсе, мягко было. Хозяйка заревѣла, що малютку запибъ, объяснила хозяину; вотъ и тотъ пошовъ на судъ, надо бѣдняка засудить. Идутъ на судъ уже троемъ. Подходяте къ рикѣ, виновной и думаетъ опѣть: «запибусь съ мосту о ледъ, а не предамсে суду живої». Въ то время сынъ отца волокъ на чункахъ изъ бани и только що выволокъ изъ-подъ мосту, а бѣднякъ съ мосту ишо гнетъ, да прямо на старика! Убилъ ево до смерти, а самъ живъ оставилъ. Вотъ и сынъ старика пошовъ на судъ. Идутъ къ судѣ ужъ три просителя на одново виновника. Бѣднякъ дорогою взявъ пребольшую камень, сунувъ ево за пазуху и думаетъ, що не дамсесе живої въ

*) Гнетъ—отъ слова: гнѣтъ, тяжесть, и какъ тяжесть, быстро падаетъ, такъ и слово „гнетъ“ показываетъ быстроту паденія.

руки, осудить судья, такъ убью и судью, и себя, все одно, гыть.

Пришли къ судье; вотъ судья и начавъ ихъ судить; спрашивается первово—брата: «ну, ишо такое сдѣлавъ у тебя братъ?» Братъ сказавъ, што оторвавъ у коня хвостъ, опозоривъ коня. Судья взглянувъ на бѣдняка, а тотъ и поклонивъ у себя за пазуху да и думаетъ: ишо только осуди—зашибу! Камень-то бывъ большой, пазуха такъ и отгопырилась. Судья, увидя это, подумавъ, што бумажникъ съ деньгамъ у ево за пазухой, взялку сулитъ; вотъ онъ и рѣшивъ: «ты, гыть, отдай ему коня-то пусть онъ издитъ, пока не выростетъ у коня хвостъ, а какъ выростетъ, такъ и возьми назадъ!» Богатой братъ только голову почесавъ. Другой опять жалуетсѧ: «у меня, гыть, малютку убивъ». Бѣднякъ опять похлопавъ у себя за пазуху. Судья и говоритъ жалобнику: «отдай ты ему жену и пусть онъ держитъ ее пока не родить ребенка, а какъ родитъ, такъ ты съ ребенкомъ-то втупоръ и уведи къ себѣ». Такъ и это дѣло рѣшившъ, ни чево бѣдняку не было. Вотъ третій жалуетсѧ, ишо отця убивъ. Бѣднякъ опять похлопаетъ о пазуху. Судья сказавъ жалобнику: «вотъ, братецъ, ты самъ виновникъ; волоцешь отця но подмосту, подъ большой

дорогой, мостовина валилась (бы) и отця убила бы... Ты видно такъ и ладилъ стари-ка-то?» Обсудивъ судья жалобника четвертнымъ штрафу. Роспустивъ судья просите-лей и подходитъ къ виновному: а що, гытъ, посулено-то! а самъ хлопаетъ себя о па-зуху. Бѣднякъ вынимаетъ изъ-за пазухи камнико: «вотъ, гытъ, ване благородье, кабы ты меня обсудивъ, такъ бы и зашибъ тебя камнемъ!» Нерекрестивсе судья: «слава Богу, гытъ, хоть я тебя-то не обсудивъ!...

Такъ бѣдняку нечево и не было.

(Записано А. Шустиковымъ).

XXXXIV.

Сказка, какъ старикъ богатый взбѣсился на молодой Да́рьи
женился, какъ Да́рья имъ мудрила, себѣ обновъ накупила,
бороду ему ощипала, старыя кости потрепала и какъ его
похоронила, молодого мужа нажила.

и́ль быль старичекъ,
Богатый мужичекъ;
Отъ роду женатъ не быль,
За монаха въ деревнѣ слыль.
Вдругъ бѣда приключилася,
Да́рья дѣвка полюбилася.
Собо́й красива,
И толста на диво.
Старикъ взбѣсился,
На Да́рьѣ женился.
Приданаго не просилъ,
Его на свои деньги наниль.
Вотъ какъ закутиль,
Всю деревню удивилъ.
Самъ едва бродитъ,
А жену молодую нажилъ.
Да́рья его цѣлууетъ,
Словно молодаго милуетъ.
Старикъ такъ и таесть,
Старость забываетъ.
Съ мѣсяцъ да́рья его цѣловала.
Во всемъ мужу угождала.

Потомъ стала бѣситься.
Захотѣла рѣдиться,
На мужа стала кричать.
Его всячески ругать.
Имъ повелѣваетъ,
А мужъ обновы покунаетъ,
Женѣ хочетъ угодить,
Обновами ее прельстить,
Какъ обнову получаетъ,
Жена мужа цѣлуетъ.
А недѣля пройдетъ,
То опять заоретъ,
Давай кричитъ другую,
Шубейку шелковую.
Старикъ разъ отказалъ,
За то и пострадалъ.
Дарья на него напала,
Всю бороду исципала,
Кости старая потрепала,
И все же на своею настояла.
Обнову себѣ купила,
Да и дружка нажила.
Старикъ видитъ нѣть ласки,
Не въ свои сѣль салазки.
Сталъ горевать,
Сильно тосковать,
На постель свалился,
И съ сѣтомъ простился.
Жена перекрестилась,

Бѣжать къ сундуку пустилася.
Деньги обобразла,
Дружку отдала.
Мужа похоронила,
Отъ любви повыла.
Церевня вся удивилась
Какъ она выть ухитрилась.
Шесть недѣль проплясала,
И собираться замужъ стала.
Съ дружкомъ повѣнчалася,
Съ деньгами наслаждалася.
Старого мужа поминала,
Дуракомъ его называла.
Наднимъ смѣялася,
Молодымъ мужемъ любовалася.

Старики смотрите,
Себя берегите,
Съ ума не сходите,
Старость не смѣшите.
Прежде не женились;
На невѣстѣ не лъстились;
А теперь ужъ поздно,
Вамъ молиться должно.

XXXXV.

Сказка о томъ: какъ прикащики хозяевамъ угощаютъ, рубли за сапогъ опускаютъ, а гривны въ ящикѣ оставляютъ, тѣмъ сатану утѣшаютъ; на хозяйскіе деньги лавки открываютъ и сами ужъ прикащиковъ нанимаютъ.

Вотъ полюбуйтесь,
Прикащики подивуйтесь,
Онъ вѣдь мальчишка;
За прилавкамъ какъ мышка;
Рукой виляетъ,
Въ ящикѣ копаетъ.
Хозяину хочетъ угодить.
Себѣ карманъ понабить.
Черти ему помогаютъ.
Украсть большие заставляютъ,
Деньгами соблазняютъ,
Его душу утѣшаютъ.
Хотятъ добычу получить
Его въ адъ притащить.
Вотъ ужъ онъ имъ угощается
Гривны въ ящикѣ оставляется
А девять за сапогъ опускается
Видно, что малый смирный,
Недовольствуется гривной,
Хозяину ее предоставляется
А себѣ только девять оставляется

Расчетъ вѣрный ведетъ,
Хоть какой балансъ сведетъ
Да и нельзя несвѣсть,
Черти надъ рукой есть
А хозяинъ не догадается,
Что онъ такъ старается:
Видно что добрій попался,
Другимъ дѣломъ занялся,
А то бы награду далъ,
Въ шею прогналъ.
Теперь пожалуй гони,
Ужъ полны сапоги.
По міру не пойдетъ,
А самъ лавку заведетъ.
Да такъ и случилось,
На площади открылась.
Самъ ужъ хозяинъ сталъ,
И носъ задиралъ.
Хочеть богачемъ быть,
Незнаеть какъ товаръ сбыть;
Дешевле всѣхъ продаеть,
Да долголь такъ проживеть;
Вотъ этаго незнаю,
А въ умѣ помышляю,—
Чай скоро въ трубу укатитъ,
Кредиторовъ удивить.
Картина ужъ есть.
Чуть-ли не его тестъ.
Такъ отличился,

На картинкѣ явился,
Кредиторамъ кланяется
Улетѣть старается.
Будетъ это съ нимъ, аль нѣтъ,
Утверждать мнѣ не слѣдъ,
Я только помышляю.
А будущаго не знаю.
Только деньги такъ нажитые,
Ужъ болыне удалые,
Какъ въ руку легко попадають
Такъ легко и улетаютъ.
Другимъ вирочемъ удаются,
До старости ведутся,
Можетъ и съ нимъ это слу-
читься.

Коль скоро свалится,
А какъ долго проживетъ,
То добра не наживетъ.—
Пойдетъ топиться,
Аль на чердакъ давиться.—

На эту картину смотрите.
Себя берегите,
Деньги не воруйте,
Нѣтъ ихъ не горуйте.
Сами добывайте.
Честно промышляйте.
Копѣйка трудовая
Честно добытая.

Всегда будетъ прочнѣй,
Чужихъ тысячъ вѣрнѣй.
Съ ней честь не страдаетъ
И совѣсть не упрекаетъ
При ней жить пріятно
И умереть отрадно.

XXXXVI.

Сказка о мужикѣ—Воинѣ. *)

оѣхалъ мужикъ рѣпу пахать.
И наѣло на него лошадь много
комаровъ, оводовъ, бучней и
мухъ. Онъ какъ махнетъ мѣш-
комъ, то нѣсколько головъ
сразу убьетъ. И говорить
мужикъ самъ себѣ: «Что мнѣ-
ка рѣпу пахать, какъ я нѣсколько головъ
сразу убиваю? Такъ лучше я поѣду домой.
и пойду въ чистое поле къ старцу—монаху
лука просить. Прийдя къ старцу, спросилъ
у дверей его кельи: «Отче святый, дома ли
ты?»—Дома,—отвѣчалъ старикъ. Что тебѣ
нужно, мужичекъ?—

«То нужно, что я съѣхавши рѣпу па-
хать, нѣсколько головъ сразу побилъ, то

*) См. пѣсни П. Н. Рыбникова.

къ тебѣ пришель лука просить: хочу идти въ чистое поле поляковать».

— Не дамъ я тебѣ лука, отвѣчалъ старецъ; а послушай, я тебѣ сказку скажу, тогда и лука дамъ.—

«Ну такъ сказывай, отче, сказку, когда хочешь сказать; только лука-то дай».

— Слушай же:

«Насъ было сорокъ братьевъ и все разбойники, а я изъ нихъ самый меныши братъ. И не боялся ихъ сорока человѣкъ, хоть братья-то мои вдвоемъ—втроемъ меня дюжѣ. Была у нась мыза край самой дороги. Разбойничать мы далеко не ходили. И купцы про это все знали, и дарили нась кто по тысячѣ, а кто по двѣ и большие а у кого подарковъ не случится, тотъ принесеть намъ покорность, и мы того пропустимъ безъ всякой остановки. Долго ли, коротко ли мы жили въ этой мызѣ, того не помню. И разъ, глядимъ, Ѣдетъ старикъ очень старый на двухъ сѣрыхъ коняхъ; онъ не то чтобъ нась подарить, такъ не сняль колпака и не хотѣлъ даже на нашу мызу взглянуть. Тогда, какъ я, меныши братъ, былъ у нихъ, большихъ братьевъ, на посылкахъ, то братья меня и послали воротить этого старика взадъ, за то что онъ не хотѣлъ даже поглядѣть на мызу и рожи даже

не повернулся.—«Воротить его назадъ»—приказывали они мнѣ. Я побѣжалъ въ ту сторону, куда старикъ проѣхалъ. Догналъ старика и говорю ему: «Ахъ ты, старый чортъ! воротись назадъ, не то бѣда тебѣ будетъ». Старикъ мнѣ и говоритъ:—Дарить у меня вѣсъ нечѣмъ.—«Не мое дѣло, сказалъ я, поди, братьямъ отвѣчай самъ, а я спустить тебя не могу». И онъ со мной воротился. Приходимъ въ нашу мызу, братья на старика закричали: «Ахъ ты, старый чортъ! ты не то чтобы подарить наѣсъ, такъ не хотѣлъ колпака прикривить, такъ складывай намъ деньги».—Что, кормильцы, складывать, у меня денегъ нѣтъ, то вѣдѣаете вы.—«Ну, старый чертъ, крикнуть братья, складывай, не то тебя жива не спустимъ. Старикъ стоять на своеемъ:— у него-де есть въ карманѣ одинъ сгибенекъ; его, пожалуй, подарить, а больше дарить нечѣмъ.—И вдругъ, показавши сгибенекъ, махнулъ въ одну сторону и попалъ въ одного брата, а отъ того еще девять убилъ, потомъ махнулъ въ другую сторону—въ другаго брата, и за нимъ тоже отъ него девять убилось; такъ и въ третью сторону махнулъ и тоже десятерыхъ убилъ; и въ четвертую сторону махнулъ и тоже девять человѣкъ убилъ. А я положилъ завѣтъ уйти въ монахи, лишь

бы остаться живымъ, и свалился между мертвыми въ то время, когда старикъ убивалъ третій десятокъ. Старикъ такъ со сгибнемъ пошелъ—сѣль на своихъ коней и побѣжалъ, куда ему надо, оставилъ насть лежучись. Я въ это время не смѣль даже и пошевелиться, лежу между братьями. Наконецъ слышу, старикъ уѣхалъ; всталъ я и оглядѣлся кругомъ. При мнѣ была здоровая дубинка. Взяло меня горе, и я побѣжалъ за старикомъ съ тѣмъ, чтобы убить его. Вотъ и догоняю его, и догналъ уже, и лишь только хочу его ударить, да какъ одумаюсь, что если не убить его, то онъ меня убьетъ, и такъ отойду, и иду надзоромъ сзади. Опять побѣгу, и опять раздумаюсь. Наконецъ положилъ себѣ въ душѣ такое мнѣніе: «лучше идти мнѣ за старикомъ, и гдѣ остановится, тамъ убить его: наняться въ работники къ кому нибудь и выжидать удобнаго случая, когдаѣ удобнѣе убить старика». Съ тѣмъ пошелъ я за нимъ, однако ему не показываюсь, потому что онъ меня въ лицо зналъ. Старикъ этотъ пріѣхалъ въ Московское царство и воротить прямо къ дому своему. Кругомъ дома его обнесенъ высокій, прочный тынъ, а ворота рѣшетчатыя желѣзныя. Нодѣхавши къ дому, старикъ отворилъ самъ своими руками

ворота, подсыпалъ ихъ къ верху, и лошади прошли въ нихъ свободно. Я въ это время остался за тыномъ. Прошло порядочно времени, и я, подошедши къ воротамъ, сталъ ихъ дубинкою отпирать и не могъ даже нисколько поднять; а стариkъ рукой поднялъ. Отшель я и сталъ ходить около воротъ и тына,—перетаптываясь съ мѣста на мѣсто. Стариkъ меня увидалъ, что хожу около воротъ, вышелъ, поднялъ одной рукой эти ворота, и они отворились. Онъ мнѣ и говорить: «Что молодецъ тоинченься до позда? хочень обокрасть, что ли?».—Я, говорю, не воровать пришелъ, а наняться въ работники хочу куданибудь и служить, да не смѣю у тебя постучаться.—«А когда не воровать пришелъ, а въ работники наймоваться, то поди: мнѣ работника надо, и я найму тебя». И я съ нимъ пошелъ въ его домъ».—

Мужикъ выслушалъ это и говорить монаху: «Отче! у тебя сказка-то длинная! Я послушать, теперь дай лука-то мнѣ. Я пойду съ чистое поле поляконасть».

— Ничего, ничего, дружокъ, послушай еще моей сказки. Нокуда сказки тебѣ этой не доскажу,—лука не дамъ.—И говорить монахъ:—

«Стариkъ тотъ провелъ меня въ покой своего дома и приказалъ своимъ дворовымъ

кормить—поить меня и на работу не посыпать. Я, говорить, нанялъ его въ работники (т. с. меня-то)». Недѣлю живу, другую живу, и третью живу. Меня кормятъ и поятъ, а дѣлать ничего не даютъ. Хозяина въ это время я и въ глаза не видалъ. Комнатъ въ домѣ много. И слышу что въ мастерской рядомъ съ той комнатой, где я жилъ, зень метлой пашутъ. Поглядѣть туда а тамъ старенькой и горбатый старичокъ пашетъ зень; взялъ онъ болынной чанъ съ кожами и переставилъ на другое мѣсто. Въ этотъ же день молодой работникъ въ этой мастерской говорить мнѣ: «Что ты, готовоѣжа, столько ты живешь у насъ, ничего не дѣлаешь, да еще надъ нами надсмѣхаешься. И однимъ пальцемъ тихонько попихнулъ меня,—я палъ на земль замертво, и послѣ мнѣ сказали, что я три часа лежалъ безъ чувствъ. Послѣ этого я пришелъ въ свой онять покой, и оттуда уже самъ не смѣль выйти никуда. Наконецъ пришелъ ко мнѣ самъ хозяинъ и сказалъ: «Работникъ! ступай за мной». Привелъ онъ меня въ свой покой, въ которомъ стоялъ большой столъ, а на столѣ было накладено всякихъ қушаньевъ и напитковъ много—премного. Въ комнатѣ похаживастъ молодецъ въ одномъ камзолѣчикѣ, только мостовники подъ ногами под-

гибаются, самъ и говоритъ: «Что, батюшка, работника этого нанялъ?—Да, дитятко, этого работника. •Ну, коли это работникъ, то садись со мной обѣдать», говоритъ молодецъ и посадилъ меня за столъ. Я сѣлъ на уголокъ, а самъ сѣлъ на другой, а хозяинъ стоитъ и смотритъ на нась. Стали мы ъесть. Я ноѣлъ да и не хочу больше, а молодецъ хозяйскій все оплетаетъ. Хозяинъ говоритъ мнѣ: „Что же ты, работникъ, мало ъешь? Щиь больше“. Какъ обѣдъ нашъ кончился, молодецъ хозяйскій и я начали одѣваться,— и одѣлись. Потомъ вышли на дворъ и тамъ обсѣдлали и обуздали тѣхъ самыхъ двухъ сѣрушиковъ, на которыхъ стариkъ около нашей мызы ъхалъ. Молодецъ на одного сѣрушка сѣлъ, а я на другого сѣсть не могу. Стариkъ—хозяинъ взялъ меня, какъ ребенка, посадилъ и ноги ремнями привязалъ: «Ну, говоритъ, теперь не выпадешь». Подошелъ онъ къ воротамъ, одною рукою отворилъ ихъ и выпустилъ нась за ворота, Хозяинъ мой такъ шибко побѣжалъ на сѣрушикъ своеи, за которыи и мой бѣжалъ сѣрушико, что я рѣшительно ничего не видѣлъ: даже и сѣйтъ въ глазахъ потомнѣлъ. Щали близко ли—далеко ли, прїѣхали въ чистое поле. Хозяинъ спустился съ сѣрушка своего, развязалъ мнѣ ноги и меня снялъ.

Потомъ раскинуль бѣлый, полотняный шатель и меня туда взялъ. Тамъ хозяинъ приказалъ мнѣ сойти въ погребъ, отворить дверь и взять тамъ котель, налить въ него воды и сварить каши пообѣдать. И я пошелъ въ погребъ, двери кое-какъ отворилъ, а котла я поднять не могъ порожняго не то чтобы въ немъ воды принести. Прихожу къ молодому хозяину и говорю: „Воля твоя, господинъ хозяинъ! Не могу поднять котла“. Хозяинъ и говоритъ: „Однинадцать лѣтъ батюшка нанималъ работниковъ, и все они миѣ въ дорогѣ кашу варили, а на двѣнадцатый годъ батюшка нанялъ такого работника, что мнѣ надо для него каши сварить“. — Пошелъ самъ, взялъ котель, почерпнулъ воды, сварилъ каши и меня накормилъ. Ложится спать и наказываетъ мнѣ: „Смотри, работникъ, ты не спи и гляди вотъ въ ту сторону, и когда увидишь, что Ѣдетъ молодецъ на сбромъ конѣ, и стоя стоитъ, и въ гусли играетъ, и пѣсни поетъ, и пляшетъ, и говорить: „Хорошъ молодецъ, да не у мѣста синть“, —то ты меня не буди; второй разъ проѣдетъ тотъ же молодецъ, —не буди; и въ третій разъ проѣдетъ, —не буди. А когда объявится Татаринъ, будто сѣна конъ, на ворономъ конѣ, тогда меня непремѣнно буди, а если не можешь разбуть

дить, то вотъ этимъ сгибнемъ бей меня, говоритъ, въ пяту".—Сказалъ и заснулъ. Молодецъ на сѣромъ конѣ проѣхалъ всѣ три раза и приговаривалъ: „хорошъ моло-децъ да не у мѣста спитъ". Вотъ єдетъ и Татаринъ на ворономъ конѣ. Я сталъ хозя-ина будить и разбудилъ. Онъ и говоритъ: „Поздно-де разбудилъ". Сталъ сѣдлать коня своего сѣрунка, а мнѣ наказываетъ онъ: „Гляди, работники! Когда мы съѣдемся и будемъ съѣзжаться первой разъ съ саблями, второй разъ съ йалицами, а третій разъ съ копьями,—и если мы падемъ и будемъ ле-жать,—то гляди: чей конь голову повѣситъ, тому значитъ въ живыхъ не быть. И если мой конь будетъ кругомъ ходить, то ты иди мнѣ на помочь; а если мой конь голову повѣситъ, то отправляйся домой и скажи моему батюшкѣ, что меня въ живыхъ нѣтъ". Вотъ они сѣхались въ первый разъ,—уда-рились саблями и другъ друга не ранили, кони ихъ проскочили; сѣхались во второй разъ,—ударились палицами и тоже не ра-нили другъ друга; сѣхались въ третій разъ, ударились копьями вострыми, копья ихъ до рукъ пригибалися. И въ это время они соскочили съ коней своихъ, схватилися охабкою, и упали они о землю такъ, что земля сколыбалася, и поганый татярище на

верхъ паль, да тутъ они оба затхнулися, а сърушко головунику новѣсилъ, а воронушко вокругъ пошелъ. Я гляжу и думаю: „хозяинъ мой—отецъ этого молодца—убилъ моихъ братьевъ, а непріятель этотъ ничего мнѣ не сдѣлалъ, то пойду и добью хозяина“. Прихожу къ нимъ и вижу, что они оба лежатъ замертво; а сгибенекъ, которымъ отецъ хозяина убилъ моихъ братьевъ, лежитъ поодаль; я взялъ его, разшаталъ, раскачалъ его и хлопнулъ молодца по лбу, а у него изъ горла кровавый кусоکъ выско-чилъ, и онъ ожилъ, меня поблагодарилъ и выскочилъ изъ подъ-низу Татарина, взялъ ножище—кинжалище и вонзилъ его въ грудь Татарина,—и пошла съ татарина кровь ручьями: совсѣмъ доубилъ его. Потомъ у меня сталъ спрашивать: „За что я его уда-рилъ по лбу?“ Я отвѣчалъ ему: „Отецъ твой убилъ моихъ 39 братьевъ; я съ тѣмъ нанялся и въ работники, чтобы за братьевъ кровь отмстить,—и потому ударилъ тебя въ голову. Вотъ сущая моя правда. Прости меня!“—и онъ меня простила“.

Мужикъ выслушалъ это и говоритъ монаху: „Отче! сказка твоя длинная. Дай же мнѣ лука. Я пойду домой и стану воевать“.

— Когда дослушаешь мою сказку, тогда и лукъ дамъ.—И монахъ продолжалъ:

„И говорить молодецъ:

„По одиннадцать лѣтъ ъездила я въ поле и не могъ непріятеля убить, а на двѣнадцатый годъ чрезъ тебя, работникъ, убиль его“. И возвратились мы съ нимъ въ шатеръ. Онъ меня уже не посыпалъ варить кашу, сварилъ самъ и меня накормилъ. Пообѣдавши, легли мы спать; и онъ такъ захрапѣлъ, что меня въ шатрѣ, какъ на морѣ на валахъ, стало шатать. Хозяинъ мой выспался, обсѣдалъ обоихъ сѣрушковъ, посадилъ опять меня и ноги перевязалъ, и сѣлъ самъ, и мы съ нимъ отправились домой. Пріѣхали, и старикъ настъ встрѣтилъ и ворота отворилъ, запустилъ настъ во дворъ отвязалъ меня отъ лошади и пустилъ, а сѣрушковъ убралъ въ конюшни. Хозяева пошли въ свои покои, и я пошелъ въ свой покой. Опять меня по прежнему стали кормить и пить.—Чрезъ нѣсколько времени приходитъ ко мнѣ самъ старикъ хозяинъ и говорить: „Ну, работникъ, пойдемъ за мной“. И привезъ меня въ тотъ же покой, где я первый разъ при отѣѣздаѣ обсѣдалъ. Въ покой дѣвица похаживастъ, только половишенки подгибаются; разодѣтая, красивая, и коса у ней длинная. Сама и говорить отцу своему: „Родитель батюшка! одиннадцать лѣтъ я ъездила съ непріятелемъ воевать и теперь

только на двѣнадцатый годъ, прѣхавши съ
этимъ работникомъ, на его счастье, я убила
непріятеля (въ это время я такъ и остол-
бенѣль), такъ теперь я за него замужъ выйду:
благослови меня!“. Я и думаю: „Какая это
будетъ мнѣ жена: руку или ногу накинетъ,
и задавить меня“. Я сказалъ тутъ:—А пом-
нишь ли, хозяинушко, какъ ты на мызѣ-то
нашѣй убилъ сорокъ безъ одного моихъ
братьевъ, а я живой между ними паль и
завѣтъ завѣчалъ поступить въ монахи, если
останусь живъ; такъ мнѣ за это жениться
нельзя.—Она и говорить отцу: „Батюшко!
Когда я въ полѣ мертвая, то онъ за это
твое убийство меня сгубицемъ ударилъ по
лбу, и у меня выскочилъ кровавый съ горла
кусокъ, а чрезъ это, вместо смерти, я по-
лучила жизнь, и за его откровенное призна-
ніе его простила и умертвила окончательно
Татарина небѣрнаго, то прости его и ты.
А если ты, дружокъ,—говорить мнѣ: не
хочешь цо завѣту на мнѣ жениться, то не
женись, а стуйай по своему обѣщанію; и
не хвастайся мной, а, что знаешь, того ни-
кому и нигдѣ не рассказывай ни въ Москвѣ
ни въ Вологдѣ“. За тѣмъ я отъ нихъ ушелъ
въ эту келью и теперь даже отъ нихъ по-
лучаю по обѣщанію пищу, обутку и одѣтку,
и живу въ уединеніи“.

Мужикъ сказалъ старцу монаху: „Ну, отче! сказка теперь у тебя вся“?

— Вся, отвѣчалъ ему монахъ.

„Ну, такъ дай же мнѣ, отче, твоего лука: я пойду въ чистое поле воевать—поляковать“.

Монахъ, отпоясавъ ремень отъ себя и, неговоря болѣе мужику ни слова, схватилъ его, положилъ голову межъ ноги и началъ такъ сильно дратъ, что мужикъ закричалъ дурнымъ матомъ. Монахъ приговариваетъ: „Вотъ тебѣ лукъ, вотъ тебѣ война и полякованье! А лучшее поди-ко, да пани рѣну, да хозяйство веди“. Мужикъ, вырвавшись отъ монаха, побѣжалъ домой не оглядываясь и въ безпамятствѣ даже позабылъ свою шапку.

(Отъ кр. дер. Раниной Горы Филимоновск. вол., Аифима Савельева.)

